

Том 12, № 1, 2022

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: "Financial University"

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 12, No. 1, 2022

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC

WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

ВАК

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Белоконов С.Ю., кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Мелешкина Е.Ю., доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шапозалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, Президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Belokonev S.Yu., Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Academic Supervisor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Meleshkina E.Yu., D. Sc. of Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences, INION RAS, Professor of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO(U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economics and Policy Studies of Countries in Transition, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI–VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

II СОЛОВЬЕВСКИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

М.С. Кальней. Противоречия в осмыслении начала российской государственности в аспекте различных социальных проектов	6
Д. Ваньчик. Война как <i>katálysis</i> идей. Философская концепция Дмитрия Мережковского во время Первой мировой войны.	11
Е.А. Счастливцева, М.А. Бархолоенко. Взгляды П.И. Новгородцева на нравственную философию В.С. Соловьева . . .	16
А.В. Чистобаев. Проблемы преподавания истории литературы в вузах	22

ТЕМА НОМЕРА: ВЛАСТЬ: МЕЖДУ АВТОРИТАРИЗМОМ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ

К. Беше-Головко. Власть в постмодернистском обществе: между плоскостями реальности и коммуникации.	27
Н.А. Тюков, Е.Р. Никулин, В.Л. Шаповалов. Цифровой менеджмент политических акторов и медийных агентов в ходе событий в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: дискурсивное поле и механизмы распространения	37
К.Т. Лукьяненко. Сетевой мониторинг как перспективное направление совершенствования системы профилактики этнополитических конфликтов в Российской Федерации	50
М.В. Баженова. Демократизация политических процессов и развитие гражданского общества: основания для поправок в Конституцию Республики Беларусь.	55
В.Ш. Сургуладзе. Идеологическое измерение Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: сравнительный анализ документов 2015 и 2021 годов.	60

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Г.Ю. Никипорец-Такигава, Е.В. Бучнев. Методологические проблемы формирования концепции национальной кибербезопасности Российской Федерации.	70
Д.З. Музашвили. Доверие как политико-психологический феномен.	75
С.А. Большунова, А.Г. Тюриков. Взгляд на межкультурную коммуникацию как взаимодействие жизненных миров и преодоление кризиса доверия	80
З.Э. Межва. Предметное поле экономической политологии с точки зрения экономиста	90
В.В. Зубов. Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики.	100
Н.С. Сергиенко, М.Т. Велиханов, С.А. Фатиева. Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации	108
А.И. Сперкач. «Презрение в Америке: Гэлбрейт и Дворкин» (критика Р. Скрутона лидеров новых левых США).	116

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Андрианов. Хеджирование нефтяных цен как инструмент международной энергетической политики . . .	124
Л.В. Жукова. Стратегия энергетической политики США как инструмент борьбы Республиканцев и Демократов в предвыборной гонке	133
А.В. Швецов, Ю.А. Фомин. Профессионализм и любительство в современном олимпийском спорте.	139
Н.Н. Кулакова. Трансформация образовательной сферы российского государства на примере преподавания истории и политологии: патриотические культурно-воспитательные акценты	145
И.А. Владимиров. Социальный механизм функционирования института аспирантуры в современной России . . .	153

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Р.А. Багдасарова, В.А. Силенко. Комьюнити-блоггерство: архетипы и бренды	161
---	-----

CONTENTS

II SOLOVYOV HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL READINGS

- M.S. Kalney.** Contradictions in Comprehending the Beginning of Russian Statehood in the Aspect of Various Social Projects 6
- D. Vanchyk.** War as a *katálysis* of Ideas. The Philosophical Concept of Dmitry Merezhkovsky during the First World War 11
- E.A. Schastlivtseva, M.A. Barkholenko.** The Views of P.I. Novgorodtsev on the Moral Philosophy of V.S. Solovyov 16
- A.V. Chistobaev.** Problems of Teaching the History of Literature in Universities. . 22

COVER STORY: THE POWER: BETWEEN AUTHORITARISM AND DEMOCRATIZATION

- K. Béchet-Golovko.** Power in Postmodern Society: Between the Planes of Reality and Communication 27
- N.A. Tyukov, E.R. Nikulin, V.L. Shapovalov.** Digital Management of Political Actors and Media Agents During the Republic of Belarus Events in 2020–2021: The Discursive Field and Dissemination Mechanisms. 37
- K.T. Lukianenko.** Network Monitoring as a Promising Direction for Improving the Prevention of Ethnopolitical Conflicts in the Russian Federation 50
- M.V. Bazhenova.** The Democratisation of Political Processes and Development of Civil Society: Grounds for Amendments to the Constitution of the Republic of Belarus 55
- V.Sh. Surguladze.** The Ideological Dimension of the National Security Strategy of the Russian Federation: A Comparative Analysis of the Documents of 2015 and 2021. 60

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

- G. Yu. Nikiporets-Takigawa, E.V. Buchnev.** Methodological Problems Concerning Concept's Formation of the National Cybersecurity in the Russian Federation. . 70
- D.Z. Muzashvili.** Trust as a Political and Psychological Phenomenon. 75
- S.A. Bolshunova, A.G. Tyurikov.** A Look at Intercultural Communication as the Interaction of Lifeworlds and Overcoming the Crisis of Trust 80
- Z.E. Mierzwa.** The Subject of Economic Politology from the Economist's Point of View. 90
- V.V. Zubov.** The German Doctrine of "Realpolitik" Through the Prism of Modern World Politics. 100
- N.S. Sergienko, M.T. Velikhanov, S.A. Fatieva.** Theoretical Foundations of the Implementation of State Policy in the Field of Labour and Social Protection in the Russian Federation. 108
- A.I. Sperkach.** Contempt in America: Galbraith and Dworkin (criticism of the New Left leaders in the USA by R. Scruton) 116

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- V.V. Andrianov.** Oil Prices Hedging as a Tool of International Energy Policy 124
- L.V. Zhukova.** The US Energy Policy Strategy as an Instrument for the Struggle Between Republicans and Democrats in the Election Race .. 133
- A.V. Shvetsov, Yu.A. Fomin.** Professionalism and Amateurism in Modern Olympic Sports. 139
- N.N. Kulakova.** Transformation of the Educational Issues in the Russian Federation on the Example of Teaching History and Politology: Patriotic Cultural and Educational Aspects. 145
- I.A. Vladimirov.** The Social Mechanism of the Functioning of the Institute of Postgraduate Studies in Contemporary Russia. 153

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- R.A. Bagdasarova, V.A. Silenko.** Community-Blogging: Archetypes and Brands .. 161

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 12, № 1 (55), 2022

Главный редактор —
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов —
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор —
Ю.М. Анютин
Корректор — **С.Ф. Михайлова**
Верстка — **С.М. Ветров**
Переводчик — **З.Э. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: 8 (499) 553-10-74
(вн. 10-88)
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции
по тел.: 8 (499) 553-10-71
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 31.01.2022

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 19,92 усл.п. л.

Заказ № 66

Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief — **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department —
V.A. Shadrin
Managing editor —
Yu.M. Anyutina
Proofreader — **S.F. Mihajlova**
Design, make up — **S.M. Vetrov**
Translator — **Z. Mierzwa**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: +7 (499) 553-10-74
(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: +7 (499) 553-10-71
(internal 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 31.01.2022

Format 60 x 84 1/8.

Size 19,92 printer sheets.

Order № 66

Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-6-10
УДК 304.444(045)

Противоречия в осмыслении начала российской государственности в аспекте различных социальных проектов

М.С. Кальней

Московский государственный институт электронной техники, (Технический университет), Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0653-7824>

АННОТАЦИЯ

Цели и задачи исследования заключаются в том, чтобы сопоставить различные представления об историческом знании в аспекте легитимации социальной системы, сравнить основные характеристики социальных проектов и их подходы к пониманию начала российской государственности. В исследовании применялись методы сравнительного анализа при рассмотрении объекта во всех его взаимосвязях и противоречиях с использованием восхождения от абстрактного к конкретному в единстве исторического и логического подходов. Автор обращается к описанию природы социального мифа в трудах Дж. Фрэзера, А.Ф. Лосева, Э. Фромма, анализирует взгляды на социальную реальность отечественных и зарубежных исследователей. Результаты работы продолжают и развивают дискуссию о началах российской государственности, представленную в трудах различных авторов. Исследование позволяет провести сравнительный анализ различных социальных проектов, степень их утопичности, а следовательно, жизнеспособности и осуществимости.

Ключевые слова: государственность; историческое знание; легитимация; социальный проект; общественное сознание; либерализм; консерватизм; утопия

Для цитирования: Кальней М.С. Противоречия в осмыслении начала российской государственности в аспекте различных социальных проектов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):6-10. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-6-10

ORIGINAL PAPER

Contradictions in Comprehending the Beginning of Russian Statehood in the Aspect of Various Social Projects

M.S. Kalney

Moscow State Institute of Electronics Technology (Technical University), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0653-7824>

ABSTRACT

The goals and objectives of the study are to compare different ideas about historical knowledge in the aspect of legitimizing the social system, to compare the main characteristics of social projects and their approaches to understanding the beginning of Russian statehood. The study used the methods of comparative analysis when examining the object in all its interrelationships and contradictions. Also, the author used the ascent from the abstract to the concrete in the unity of the historical and logical approaches. The author refers to the description of the nature of social myth in the works of J. Frazer, A.F. Loseva, E. Fromm, who analyses the views of the social reality of domestic and foreign researchers. The work results continue and develop the discussion about the foundations of Russian statehood, presented in the works of various authors. The study allows for a comparative analysis of various social projects, the degree of their utopianism, and, consequently, their viability and feasibility.

Keywords: statehood; historical knowledge; legitimation; social project; public consciousness; liberalism; conservatism; Utopia

For citation: Kalney M.S. Contradictions in comprehending the beginning of Russian statehood in the aspect of various social projects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):6-10. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-6-10

Тридцатилетие образования Российской Федерации служит поводом для осмысления начал и истоков российской государственности. Очевидным препятствием к созданию единой концепции российской истории является произошедшая в XX в. резкая смена социальных проектов. Помимо прочего, этот процесс включал в себя кардинальное переосмысление и переоценку событий исторического прошлого, поэтому необходимо рассмотреть сами подходы к историческому знанию. Их общеизвестная специфика заключается в отсутствии тех возможностей верификации знания, которые приняты в точных науках, а также включенности исторического познания в социально-исторические процессы.

Кардинальная смена различных социальных проектов, происходившая в последнее столетие российской истории, служит одним из наиболее очевидных препятствий для определения начала российской государственности. Вместе с тем необходимость определить такое начало особенно актуальна ввиду того, что это может представлять собой особого рода символ, отражающий те ценности, которые будут признаны базовыми для российского социума.

Необходимо исследовать специфику исторического знания. Наиболее существенной его чертой является единство субъективного и объективного, вызванное невозможностью отделения познающего субъекта от исследуемой социальной системы. Это приближает историческое знание к мифу, что превращает его в часть системы социальных фильтров, формирующих восприятие индивидами социальной реальности. Одной из существенных функций этой системы является легитимация социального порядка.

Очевидной спецификой истории как науки является преобладающее значение оценочной (зачастую — эмоционально-оценочной) стороны. Общеизвестен высокий риск того, что преобладание эмоционально-оценочного элемента превращает историческое знание в исторический миф, который в общепринятом понимании представляет собой догматизированное, иллюзорное знание. Именно эту сторону мифа отмечал Дж. Фрэнгер в труде «Золотая ветвь»: «Старое представление о дикаре как о свободнейшем из людей противоречит истине. Он — раб, но раб не какого-то отдельного

господина, а раб прошлого, духов умерших предков, которые преследуют его от рождения до смерти и правят им железной рукой. Деяния предков являются для него настоящим неписаным законом, которому он слепо, без рассуждений повинует» [1].

Очевидной спецификой истории как науки является преобладающее значение оценочной (зачастую — эмоционально-оценочной) стороны. Общеизвестен высокий риск того, что преобладание эмоционально-оценочного элемента превращает историческое знание в исторический миф, который в общепринятом понимании представляет собой догматизированное, иллюзорное знание.

Иными словами, догматы, закрепленные в мифе, применяются как средство тоталитарного контроля над личностью. Сходным образом мифологизированные интерпретации исторического знания применяются тоталитарными режимами для контроля над массами. Следовательно, в исследовании исторического прошлого необходимо избегать догматизации постулатов, а также навязывания искаженного исторического знания посредством репрессивного аппарата государства.

Однако следует выделить и другую сторону мифа, отмеченную в исследовании А. Ф. Лосева: «Миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть слово. А в слове историческое событие возведено до степени самосознания. Этой установкой мы отвечаем на вторую из предложенных выше апорий (относительно формы проявления личности в мифе). Личность берется в мифе исторически, а из ее истории берется вся словесная стихия. Это и есть разъяснение того, как личность проявляет себя в мифе. Кратко: миф есть в словах данная личностная история» [2]. Иначе говоря, миф представляет собой единство субъективного

и объективного, что ограничивает применение к нему критериев научности, разделяющих субъективную и объективную стороны знания. В применении к историческому знанию это означает неизбежность эмоциональной окраски оценки и интерпретации событий исторического прошлого. В связи с этим необходимо исследовать источник этой эмоциональной направленности, несводимый к сиюминутным настроениям масс.

В социальной практике роль и функция этих фильтров заключается в схематизации и упорядочивании явлений, ситуаций, событий, переживаний и действий, происходящих в социальной реальности. Система социальных фильтров не сводится к одному только положительному или отрицательному восприятию тех или иных политических мер.

Важное значение здесь имеет отмеченная Э. Фроммом особенность формирования социального характера: «Каждое общество собственной практикой жизни, способом отношений, чувств и восприятий развивает систему или категории, которые определяют формы сознания. Фактически эта система действует как *социально обусловленный фильтр*: переживание не дойдет до сознания, пока не пройдет сквозь этот фильтр» [3].

В социальной практике роль и функция этих фильтров заключается в схематизации и упорядочивании явлений, ситуаций, событий, переживаний и действий, происходящих в социальной реальности. Система социальных фильтров не сводится к одному только положительному или отрицательному восприятию тех или иных политических мер. Она также предполагает формирование в общественном сознании паттернов, упорядочивающих понимание сущности социальных проблем; определение лиц, ответственных за социальные проблемы и мотивацию к решению социальных проблем. В совокупности это означает процесс легитимации существующего или желаемого социального порядка [4].

Таким образом, историческое знание используется в социальной практике в качестве составной части механизма формирования социальных стереотипов как системы оценок социальной реальности для легитимации социального порядка. Одним из первых эту особенность исторического знания отметил Н. М. Карамзин: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [5]. Очевидны указания на догматический элемент в историческом знании, его использование для интерпретации фактов социального бытия в настоящем, мотивации социального поведения и передачи между поколениями базовых ценностей данного социума.

С консервативной точки зрения, которую выражал Н. М. Карамзин, эти свойства исторического знания оцениваются с положительной стороны как средство поддержки социального порядка. В дальнейшем практика тоталитарных режимов показала все отрицательные стороны такого подхода. В связи с этим следует обратить внимание на сущность тех социальных проектов, для легитимации которых применяется историческое знание.

Очевидным представляется вывод о том, что несоответствие тоталитарных проектов базовым потребностям человеческого бытия с неизбежностью предполагает применение ими для своей легитимации искаженного социального, в частности исторического знания. При этом обращает на себя внимание близость тоталитарного проекта к утопическому. Общеизвестной чертой тоталитаризма является подчинение всей деятельности общества достижению единой цели. Столь же общеизвестен логоцентризм утопического проекта, стремящегося трансформировать общество в соответствии с социальным идеалом, созданным на базе той или иной теории. Таким образом, логический подход к социальной реальности, взятый в своей превращенной форме, приводит к утопическому проекту, трансформирующемуся в тоталитарный.

Противоположностью этому подходу служит представление об обществе как системе, исторически складывающейся как результат ответов на те или иные социальные вызовы.

Особенность российской общественной мысли заключается в том, что события отечественной истории интерпретируются в рамках разнообразных идеологических направлений. Общеизвестно, что в российском общественном сознании последних десятилетий преобладают «четыре возможных варианта национальной идеи: повторение советского пути; признание неприемлемым и дореволюционного, и советского опыта, а также признание необходимости начать историческое развитие России «с чистого листа», ориентируясь на Запад; отрицание коммунистической идеологии, воссоединение с дореволюционной Россией, сохранение в дифференцированном виде советского опыта; смешение вышеуказанных вариантов» [6].

Со своей стороны, А. А. Зиновьев определил социальную организацию, возникшую в России после 1991 г., как «постсоветизм» — «гибрид советизма (коммунизма), западнизма и национально-русского (дореволюционного) фундаментализма» [7]. Из этого следует вывод о сосуществовании в российском общественном сознании трех основных идеологических направлений: коммунистического, либерального и консервативного. Для каждого из них характерны свои системы ценностей, а также свои интерпретации отечественной истории.

Хотя в социуме не проявляется запрос к возвращению плановой экономики и однопартийной политической системы, общеизвестна высокая степень идеализации таких черт советского периода, как высокая социальная защищенность и социальные гарантии, обеспечиваемые сильным государством. Вследствие этого необходимо учитывать интерпретацию российской истории с точки зрения социалистической идеологии. В этом аспекте началом истории принято считать революцию 1917 г., тогда как предшествующие века рассматриваются в качестве предыстории (подготовки к реализации коммунистического проекта).

Либеральный проект неразрывно связан с концепцией постиндустриализма. Для него идеалом представляется глобальное информационно-компьютерное общество, базовой ценностью которого является идея индивидуализма. В аспекте данной идеологии 1991 г. интерпретируется в качестве начала «новой России», т.е. реализации проекта, отрицающего всю предшествующую российскую историю как период авторитаризма и тоталитаризма. Такой подход близок к утопизму.

Очевидным является слабая распространенность в социуме идеала реставрации феодально-сословной монархической системы. В соответствии с этим консервативное направление представляет интерес как продолжение и развитие в новых исторических реалиях традиционных черт российского социума, выделенных множеством исследователей (государственность, духовность, коллективизм). В рамках этого проекта необходима выработка своего толкования начала российской истории.

Для консервативного проекта, в отличие от утопических, характерно представление об установлении государственности как отправной точки исторического процесса. Основное затруднение здесь связано с определением той даты исторического прошлого, которая означала бы создание российской государственности и отсутствие укоренившейся традиции выделения такой даты — как в исторической науке, так и в массовом сознании. Именно это, наряду со значительной степенью раскола общественного сознания относительно выбора социального проекта, и порождает затруднения, связанные с интерпретацией начала российской государственности.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Историческое знание — это особая форма познания социальной реальности, в которой субъект исследования представляет собой неотъемлемую часть исследуемого объекта — социальной системы в ее развитии. Это с неизбежностью превращает историческое знание в синтез рационального исследования и эмоционального переживания. Такое свойство приближает историческое знание к мифу как единству субъективного и объективного. В практическом аспекте историческое знание служит средством формирования ряда стереотипов, упорядочивающих представления индивидов о социальной реальности. Такие представления используются для легитимации социального порядка. Историческое знание, интерпретируя события прошлого, также тесно связано с легитимацией существующей социальной системы. Для российского общественного сознания основное противоречие связано с расколом общества из-за существования нескольких идеологических проектов: социалистического, либерально-постиндустриального и консервативного, что и затрудняет определение единой концепции отечественной истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Эксмо; 2006. 960 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль; 2001. 558 с.
3. Фромм Э. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики. М.: АСТ; 2010. 352 с.
4. Schoon Eric W., Duxbury Scott W. Robust Discourse and the Politics of Legitimacy: Framing International Intervention in Syrian Civil War, 2011–2016. *Sociological Science*. 2019;(6):635–660.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо; 2012. 1024 с.
6. Чубайс И. Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ. *Вопросы философии*. 2002;(10):29–45.
7. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо; 2006. 528 с.

REFERENCES

1. Frazer J.J. The Golden Branch: A Study of Magic and Religion. Moscow: Eksmo; 2006. 960 p. (In Russ.).
2. Losev A.F. Dialectics of myth. Moscow: Thought; 2001. 558 p. (In Russ.).
3. Fromm E. Man for himself. Study of the psychological problems of ethics. Moscow: AST; 2010. 352 p. (In Russ.).
4. Schoon Eric W., Duxbury Scott W. Robust Discourse and the Politics of Legitimacy: Framing International Intervention in Syrian Civil War, 2011–2016. *Sociological Science*. 2019;(6):635–660.
5. Karamzin N.M. History of the Russian state. Moscow: Eksmo; 2012. 1024 p. (In Russ.).
6. Chubais I.B. Russia and Europe: Ideological and Identification Analysis. *Voprosy filosofii = Philosophy questions*. 2002;(10):29–45. (In Russ.).
7. Zinoviev A.A. The factor of understanding. Moscow: Algorithm, Eksmo; 2006. 528 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Сергеевна Кальней — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии, Московский государственный институт электронной техники (Технический университет), Москва, Россия
marina.kalnej@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina S. Kalney — Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Politology, Moscow State Institute of Electronics Technology (Technical University), Moscow, Russia
marina.kalnej@yandex.ru

Статья поступила 27.11.2021; принята к публикации 15.12.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.11.2021; accepted for publication on 15.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-11-15

УДК 32(045)

Война как *katálysis* идей. Философская концепция Дмитрия Мережковского во время Первой мировой войны

Д. Ваньчик

Ягеллонский университет, Краков, Польша
<https://orcid.org/0000-0003-1052-2809>

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье анализируется влияние Первой мировой войны на эволюцию философского мирозерцания и особенно на историософскую идею теократической анархии Дмитрия Мережковского. По мнению автора, война рассматривается здесь как *katálysis*, благодаря которому происходит разделение, экспозиция и радикализация конститутивных элементов данной концепции. Посредством анализа текстов 1914–1917 гг. определяется отношение Мережковского к таким ключевым понятиям, как: война, революция, интеллигенция, религия, насилие, патриотизм, национализм, универсализм, а также к неославянофилам и авторам альманаха «Вехи».

Ключевые слова: теократическая анархия; философия войны; мессианизм; милленаризм; историософия

Для цитирования: Ваньчик Д. Война как *katálysis* идей. Философская концепция Дмитрия Мережковского во время Первой мировой войны. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):11-15. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-11-15

ORIGINAL PAPER

War as a *katálysis* of Ideas. The Philosophical Concept of Dmitry Merezhkovsky during the First World War

D. Vanchyk

Jagiellonian University, Krakow, Poland
<https://orcid.org/0000-0003-1052-2809>

ABSTRACT

This article analyses the impact of the First World War on the evolution of the philosophical worldview and especially on the historiographical idea of Dmitry Merezhkovsky's theocratic anarchy. According to the author, the war is seen here as a *katálysis*, due to which the division, exposition, and radicalization of the constitutive elements of this concept takes place. Through the analysis of texts 1914–1917. Merezhkovsky's attitude to such key concepts as war, revolution, intelligentsia, religion, violence, patriotism, nationalism, universalism, neo-Slavophiles, and the authors of the almanack "Milestones" is determined.

Keywords: theocratic anarchy; philosophy of war; messianism; millenarianism; historiography

For citation: Vanchyk D. War as a *katálysis* of ideas. The philosophical concept of Dmitry Merezhkovsky during the First World War. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):11-15. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-11-15

Дмитрий Мережковский принадлежит к тем философам-мыслителям, мирозерцание которых развивается и эволюционирует в постоянном, диалектическом дискурсе с разворачивающейся историей. Самые выдающиеся мыслители, обладающие таким видом мирозерцания (назовем его историософским), не

только меняют свои взгляды в связи с происходящими историческими событиями, но обладают также более или менее оправданными, пророческими и даже креационистическими амбициями, направленными на придание истории особой формы. Это не отменяет того факта, что узловые исторические события влияют на их мировоз-

зрение как *katálysis* (катализ), т.е. в соответствии с исходным греческим пониманием этого термина, ведут к «разделению» компонентов данного мировоззрения и «экспозиции» тех из них, которые являются конститутивными, существенными и составляющими сущность данного мировоззрения. В точных науках «катализ» — это явление, при котором химическая реакция ускоряется из-за присутствия посторонней субстанции, называемой катализатором. Применяя такое толкование к истории идей, можно заключить, что историческое событие, рассматриваемое как катализатор, ускорит эволюцию мировоззрения и извлечет его существенные компоненты, даже если они до сих пор не играли решающей роли.

В случае с Дмитрием Мережковским связь между историей и его философией не всегда была одинаково интенсивной. До 1905 г. его мировоззрение нельзя назвать историософским, скорее — эстетическим и, если не аисторичным, то уж точно аполитичным. В то же время его концепция нового религиозного сознания была культурно-эстетической теорией, которая не претендовала на изменение политического строя, — наоборот, ее автор действовал в рамках существующих законов государства и церкви, признавая их *status quo*. Это положение претерпело коренные изменения только в 1905 г. в результате революции и русско-японской войны. Как его эстетическое мирозерцание трансформируется в историософское мы можем наблюдать по статьям «Теперь или никогда», «Грядущий хам», «Пророк русской революции», ставшим основой историософской идеи теократической анархии, разработанной в 1905–1917 гг.

Как события 1905 г. положили начало идее теократической анархии, так ее катализатором стала Первая мировая война, которая заставила Мережковского выделить основные черты своей идеи и занять позицию по таким ключевым вопросам, как религия, война, насилие, патриотизм, национализм или универсализм.

Как же выглядел этот процесс и какие он дал результаты?

Известие о начале войны застало Дмитрия Мережковского и Зинаиду Гиппиус на даче под Санкт-Петербургом. После возвращения в столицу им казалось, что жизнь идет совершенно нормально, но на самом деле изменилось все. Среди мыслителей кипело патриотическое возбуждение, которое нередко проявлялось в полной смене мировоззрения. Значительная часть мыслителей, особенно славянофильской ориентации, была тронута «безумием

войны», проявляющимся в ее апофеозе и ожидании великих, спасительных изменений, которые она должна была принести [1]. 28 апреля 1915 г. Зинаида Николаевна записала в своем дневнике: «Москвичи осатанели от православного патриотизма. Вяч. Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой и т.д. и т.д. О, Москва, непонятный и часто неожиданный город, где то восстание — то погром, то декадентство — то ура-патриотизм, — и все это даже вместе, все дико и близко связано общими корнями, как Герцен, Бакунин и — Аксаковская славянофильщина» [2].

Восприятие войны как долгожданного потрясения, катастрофического прорыва, призванного вывести буржуазное общество из комфортной летаргии, является одной из характерных черт модернизма. Однако следует подчеркнуть, что это не было новым в мире русской идеи — московские неославянофилы вдохновлялись, например, философией войны Достоевского, четко изложенной в «Дневнике писателя», где указано, что долгий мир хуже войны и даже аморален, потому что порождает лень, апатию, сладострастие и разврат, ведущие к самопорабощению [3]. Чтобы проиллюстрировать, как эти настроения выражались во время Первой мировой войны, стоит привести несколько характерных примеров.

Итак, русский философ Владимир Эрн утверждал, что война не является злом сама по себе, напротив, она может быть и добром, откровением и просвещением, может возродить дух, вырвать из апатии и облагородить, при условии, что получит благословение Церкви (надо подчеркнуть, что речь идет не о церковных институтах и их ритуалах, а о Церкви в общем смысле). Все-таки сама Церковь, как утверждал философ, находится в постоянном состоянии войны, потому что Христос своим пришествием дал людям меч и научил их бороться со злом. В тексте «Толстой против Толстого» сказано: Война при благословении Церкви становится священной войной и священна она ровно настолько, насколько участники ее борются за духовные сокровища веры и за высокие права исторического призвания [4].

Похожие мысли находим в трудах другого философа, Сергея Булгакова, который в своей работе «Война и русское самосознание» утверждал, что смысл войны выражается в необходимости преодоления западной буржуазии, которую он отождествлял с самопорабощением, состоящим в привязанности к материальному миру, комфорту и даже идолопоклонству и гуманистической наглости. Война приобретает здесь форму «бича божьего», который

несет внутреннее пробуждение и разоблачение социальных и потребительских патологий. Но война является не наказанием, посланным небесами, а результатом деятельности человека буржуазной цивилизации, который в своем стремлении к потребительским достижениям, господству над новыми землями и экономическими ресурсами сам к ней приходит. Таким образом, война — это одновременно конец и очищение, истощение старого порядка и шанс для нового открытия. «И не должны ли мы, не колеблясь, признать, что настоящая война, этот бич Божий, ведет за собой не только разгром, но и духовное пробуждение?» [...] «Ведь теперешняя война не есть случайность, она есть плод, давно созревавший на дереве новоевропейской цивилизации. [...] к нему вела неумолимая логика истории, а не частная злая воля, и зачата была эта война не теперь, но уже на заре новоевропеизма, как борьба за мощь, за богатство, за земли» [5].

В свою очередь, Евгений Трубецкой особо подчеркивал интегрирующую силу войны, особенно в ситуации политической раздробленности и радикализации партий, которая наблюдалась в России с начала XX в. В своей работе «Отечественная война и ее духовный смысл» он утверждал, что внешний враг, угрожающий существованию страны, пробудил национальный дух и выдвинул на первый план те ценности, которые являются наиболее важными, но о которых мы часто забываем в мирные времена. Во время войны каждый живет с двойным запасом жизненных сил, и это относится как к отдельным лицам, так и к социальным группам и нациям. Жизнь продолжается, так как вынуждена утверждаться в прямой конфронтации со смертью, сознание которой в мирное время мы вытесняем и отдаляем от самих себя. Но это освобождение духа имеет и обратную сторону — выдвигаются худшие, наиболее глубоко подавленные инстинкты. Все-таки Трубецкой полагает, что в этом столкновении победят «светлые силы»: «Эта общая интенсификация жизни совершается во всех направлениях, проявляется одинаково как в добре, так и во зле. С одной стороны, война разнуздывает темные силы ада — снимает оковы, извне наложенные на зло цивилизацией: с другой стороны, на борьбу с срававшимся с цепи сатаной восстают все те светлые силы, какие таятся в человечестве. В такие времена пробуждаются все дремлющие в нем, доселе не-явленные миру или же, наоборот, давно забытые возможности» [6].

Такое военное возбуждение и оптимизм были чужды и даже враждебны Мережковскому. Для него

категории войны и революции являлись совершенно разными, не сводимыми к общему знаменателю. Война — это переход человека в животную стадию, в которой целью является господство и власть его собственной расы, его собственной нации над другими, а средствами достижения этой цели являются сила, жестокость и насилие. Гиппиус писала, что «война выедает внутренности человека. Она почти гальванизированная плоть, тело, мясо — дерущееся» [2]. Революция, в свою очередь, может оказаться способом достижения тысячелетнего Царства Божьего и, следовательно, нового, более высокого уровня историософской лестницы бытия. Революция должна преобразовать все таким образом, чтобы войн больше не было, потому что во всеобщей, универсальной теократической анархии национализм будет необоснованным и беспочвенным. Свою позицию по этому вопросу Мережковский изложил в статье «Война и религия», которая начинается со слов: «Когда ночью проснешься и вдруг вспомнишь — война! — в душе подымается ужас» [7]. По его мнению, война — это величайший кошмар современности и одновременно проблема, стоящая перед всем человечеством. Ее можно сравнить только с каннибализмом, который раньше казался совершенно естественным (как и война сегодня), но в какой-то момент стал неприемлемым, «вкус человеческого мяса опротивел» [7]. Можно рассуждать, как вести себя во время войны: сражаться или не сражаться, ставить вопросы о ее смысле, но эта интеллектуальная игра никоим образом не меняет сути войны, которая есть зло! Наше сегодняшнее «возмущение немецкими зверствами, — пишет Мережковский, — подобно возмущению людоедов тем, что человечье мясо едят недожаренным» [7]. Хотелось бы уйти от всего этого, спрятаться от кошмара войны, но это невозможно, так как война внутри нас — либо мы убиваем, либо убивают нас, «мы все в войне, все убийцы или убитые, едущие или едόμεе» [7]. После этого своеобразного проявления пацифизма Мережковский, однако, внимательно вглядывается в смысл происходящих событий, пытается одновременно выяснить их причины и предсказать возможные сценарии развития ситуации. Хотя его исходная позиция противоположна представлениям неославянофилов, существует, по крайней мере, несколько вопросов, по которым их мнения совпадают. Автор признает, что военная обстановка объединила народ, который, проявив храбрость, раскрыл свою сущность, в которую мы до сих пор только верили, но «теперь уж не верим, а видим, знаем» [7]. Кроме того, война — это, яко-

бы, конец ненавидимой как Мережковским, так и неославянофилами буржуазии, западного мешанства, которые привели к войне своей жадностью, эгоизмом и безбожием. Что будет дальше? Автор «Грядущего хама» выражает надежду, что с концом ложного индивидуализма, основанного на безбожном, нерелигиозном утверждении человека, наступит время духовного обновления и пробуждения религиозного сознания. Что касается будущего России, то он показывает два возможных пути.

Первый — это «победа зверского национализма и милитаризма, которая страшнее всех поражений». К сожалению, на данный момент все указывает, что дела идут как раз в этом направлении, «почти вся льющаяся кровь — вода на эту мельницу» [7]. И, если так, то возникает роковой вопрос: желать ли России победы? Может быть, внутренний враг злее внешнего?

Второй — это путь освобождения, но освобождения не национального, не русского, а всеобщего, всемирного, универсального. Он требует гораздо больше мужества, так как не ведет проторенными маршрутами, не противостоит вражескому национализму своим собственным, тем самым замыкаясь в кругу бесконечных войн, но борется за истину, которая еще не раскрыта и ждет своего откровения. Мы должны бороться с враждебной, зверской самоуверенностью силой собственного сомнения и смирения. Условием «изжития войны» является преодоление национализма, и поэтому сегодня главной задачей интеллигенции в России должна быть борьба с национализмом во имя сверхнационального религиозного общества.

Проблеме национализма Мережковский посвятил лекцию «О религиозной лжи национализма», которую прочитал в конце 1914 г. на заседании Религиозно-философского общества. С самого начала автор выступает против обвинения культуры (в данном случае — немецкой) в том, что она привела к войне, и утверждает, что истинная культура имеет универсальный, глобальный характер, стремится к освобождению и соединению всех, в то время как национализм, искажающий и инструментализующий культуру, ведет прямо к войне. Ссылаясь на известную статью Эрнста Кантха «От Канта к Круппу», он убеждает, что «связь Канта с Круппом сомнительна» [8], так как Германию к войне привели не идеи философа из Кёнигсберга, а ее националистическая болезнь. Национализм — «Утверждение национальной правды, частной и относительной, как абсолютной, всеобщей и всечеловеческой» [8] — неотделим, метафизически связан

с империализмом, так как под вечным предлогом защиты своей родины он всегда стремится подчинить себе новые территории. Таким образом, национализм — это анимализация человека, деволюция, возвращающая к временам людоедства, и эта чума, которая все быстрее распространяется, особенно во время войны, является главным вызовом для русской интеллигенции. Все-таки, как утверждает Мережковский, интеллигенция имеет здесь отличные традиции, так как «От Чаадаева до Вл. Соловьева русское “западничество”, борьба со славянофильством и есть не что иное, как борьба с национализмом» [8]. Прославление России и противопоставление ее революционному, «гнилому Западу» характерно даже для таких выдающихся умов, как Тютчев и Достоевский, а ныне у неославянофилов и веховцев — это тоже не что иное, как национализм, который необходимо обнажить и преодолеть, чтобы освободиться от «зоологического патриотизма».

Свою критику русского национализма Мережковский продолжает в статье «Распятый народ» 1915 г., где он прямо заявляет, что панславизм Достоевского и всех славянофилов — это «пангерманизм, перелицованный, переведенный на русский язык» [9], и констатирует, что истинный мессианизм, имеющий универсальный, всемирный характер, избегает шовинистических, националистических и империалистических тенденций. Это — жертва во имя других и для других, а не желание доминировать, скрытое под предлогом какой-либо миссии.

Таким образом, представленный анализ показывает, что война стала для теории Мережковского катализатором, который выделил и подчеркнул конститутивные черты его концепции. Теократическая анархия указывается как идея радикально антинационалистическая и одновременно крайне универсалистическая, всемирная, благодаря чему приобретает черты мессианизма — сотериологической теории, постулирующей всеобщее возрождение человечества [10]. Более того, если преодоление национализма и религиозное возрождение должны положить конец всем войнам и привести к осуществлению Царства Божьего на Земле, то анархическую теократию можно считать не только мессианизмом, но и миллениаризмом или хилиазмом [11–15]. Это очень важно, потому что позволяет рассматривать данную концепцию как часть великой традиции христианского хилиазма и воплощение в русскую идею, тем самым открывая новые горизонты для исследования философии Мережковского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bohun M. Oczyszczenie przez burzę. Kraków; 2008.
2. Гиппиус З.Н. Синяя книга. Дневники 1893–1919. М.: Русская книга; 2003.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 22. Ленинград: Наука; 1981.
4. Эрн В.Ф. Толстой против Толстого. М.: Директ-Медиа; 2014.
5. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина; 1915.
6. Трубецкой Е.Н. Отечественная война и её духовный смысл. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина; 1915.
7. Мережковский Д.С. Война и религия. Невоенный дневник. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=102337&p=1>
8. Мережковский Д.С. О религиозной лжи национализма. URL: http://merezhkovski.ru/proizved/o_relig.php
9. Мережковский Д.С. Распятый народ. Невоенный дневник. URL: <http://merezhkovski.ru/proizved/raspat.php>
10. Walicki A. Dwa mesjanizmy: Adam Mickiewicz i August Cieszkowski, Filozofia polskiego romantyzmu. Краков; 2009.
11. Walicki A. Filozofia a mesjanizm. Warszawa; 1970.
12. Walicki A. Między filozofią, religią i polityką. Warszawa; 1983.
13. Desroche H. Dieux d'hommes. Dictionnaire des messianismes et millénarismes de l'ère chrétienne. Pary-La Haye; 1968.
14. Talmon J.L. Political messianism. The romantic phase. London; 1960.
15. Thrupp S.L., ed. Millennial Dreams in Action. Essays in Comparative Study. Hague; 1962.

REFERENCES

1. Bohun M. Purification by the storm. Krakow; 2008. (In Polish).
2. Gippius Z.N. Blue Book. Diaries 1893–1919. Moscow: Russian book; 2003. (In Russ.).
3. Dostoevsky F.M. Writer's diary. Complete works in thirty volumes. Volume 22. Leningrad: Science; 1981. (In Russ.).
4. Ern V.F. Tolstoy vs Tolstoy. Moscow: Direct-Media; 2014. (In Russ.).
5. Bulgakov S.N. War and Russian identity. Moscow.: Typography of I.D. Sytin; 1915. (In Russ.).
6. Trubetskoy E.N. Patriotic war and its spiritual meaning. Moscow: Typography of I.D. Sytin; 1915. (In Russ.).
7. Merezhkovsky D.S. War and religion. Non-military diary. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=102337&p=1>. (In Russ.).
8. Merezhkovsky D.S. About the religious lies of nationalism. URL: http://merezhkovski.ru/proizved/o_relig.php. (In Russ.).
9. Merezhkovsky D.S. Crucified people. Non-military diary. URL: <http://merezhkovski.ru/proizved/raspat.php>. (In Russ.).
10. Walicki A. Two messianisms: Adam Mickiewicz and August Cieszkowski, Philosophy of Polish Romanticism. Krakow; 2009. (In Polish).
11. Walicki A. Philosophy and messianism. Warsaw; 1970. (In Polish).
12. Walicki A. Between philosophy, religion and politics. Warsaw; 1983. (In Polish).
13. Desroche H. Gods of Men. Dictionary of Messianisms and millenarisms of the Christian era. Pary-The Hague; 1968.
14. Talmon J.L. Political messianism. The romantic phase. London; 1960.
15. Thrupp S.L., ed. Millennial Dreams in Action. Essays in Comparative Study. Hague; 1962.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данель Ваньчик — магистр, внештатный сотрудник, аспирант Института философии, Ягеллонский университет, Краков, Польша
wanczyk@onet.eu

ABOUT THE AUTHOR

Daniel Wańczyk — Master of Art (Philosophy), active freelance worker, PhD candidate at the Institute of Philosophy, Jagiellonian University, Krakow, Poland
wanczyk@onet.eu

Статья поступила 20.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-16-21
УДК 13(470.342)(045)

Взгляды П.И. Новгородцева на нравственную философию В.С. Соловьева

Е.А. Счастливцева^а, М.А. Бархоленко^б

Вятский государственный университет, Киров, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-2832-7748>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2698-9163>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — раскрыть содержание и философскую подоплеку дискуссии 80–90-х гг. вокруг поздних славянофилов, в которой, по всей видимости, участвовал и Владимир Сергеевич Соловьёв. Исследование базируется на общем аналитическом подходе и герменевтическом понимании текста с учетом современных дискуссий в области российской истории и философии права. В ходе работы выявлены основания критики Соловьёвым идей славянофилов и перехода его в лагерь поздних славянофилов и западников, а также — идейная проблематика соотношения политических взглядов западников и поздних славянофилов, оказавшая немалое влияние на общественно-политическую обстановку в стране к началу XX в. Раскрывая философские взгляды В. Соловьева, авторы обращаются к его позиции по отношению к праву, нравственную оценку которой дает Павел Иванович Новгородцев.

Ключевые слова: Владимир Соловьёв; Павел Иванович Новгородцев; славянофилы; нравственная философия права; нравственная философия Толстого и Достоевского; нравственный прогресс; социально-общественное устройство

Для цитирования: Счастливцева Е.А., Бархоленко М.А. Взгляды П.И. Новгородцева на нравственную философию В.С. Соловьева. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):16–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-16-21

ORIGINAL PAPER

The Views of P.I. Novgorodtsev on the Moral Philosophy of V.S. Solovyov

E.A. Schastlivtseva^a, M.A. Barkholenko^b

Vyatka State University, Kirov, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-2832-7748>; ^b <https://orcid.org/0000-0003-2698-9163>

ABSTRACT

The article purpose is to reveal the content and philosophical background of the discussion of the 80s-90s concerning the late Slavophiles, in which, apparently, V. Solovyov also participated. The research is based on a general analytical approach and hermeneutical understanding of the text, taking into account modern discussions in the field of Russian history and philosophy of law. We revealed the reasons for Solovyov's criticism of the ideas of Slavophiles and his transition to the camp of late Slavophiles and Westerners. Further, we noted the ideological problems of the correlation of the political views of Westerners and late Slavophiles, which had a considerable impact on the socio-political situation in the country by the beginning of the twentieth century.

Keywords: V. Solovyov; P.I. Novgorodtsev; Slavophiles; moral philosophy of law; moral philosophy of Tolstoy; Dostoevsky; moral progress; social and social structure

For citation: Schastlivtseva E.A., Barkholenko M.A. The views of P.I. Novgorodtsev on the moral philosophy of V.S. Solovyov. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):16–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-16-21

Творчество Владимира Соловьёва сегодня активно изучается и в России, и за рубежом [1, 2]. В данной статье мы будем говорить не о нравственной концепции Павла Ивановича Новгородцева и не о сопоставлении его идей с идеями философа, а о значении нравственной философии Соловьёва в правовой теории. Новгородцев в своей статье выступает арбитром спора между условно «западниками» (Чичерин, Петражицкий) и славянофилами (поздними славянофилами), а также русскими писателями Толстым и Достоевским [1]. Взгляды П.И. Новгородцева в целом не совпадали с нравственной доктриной Соловьёва «как минимума права» [4, с. 100]. Однако мы, тем не менее, поставим проблему эволюции взглядов Соловьёва, сопряженных с социально-экономическими отношениями XIX в., а затем и начала XX в. в России. Новгородцев поднимает вопрос о противостоянии правовых идей в российском обществе, о неоднородности его идейной стратегии, о направленности либеральной общественности в сторону западной идеологии, и не только в политике, но и в религиозной сфере. Новгородцев в своей торжественной речи говорит о том, каким образом Соловьёв вскрывает противоречия в идейном наследии славянофилов, почвенников (Достоевский), вскрывает идейную подоплеку и основание дискуссии Толстого с государством по поводу права, в чем Новгородцев и видит основную линию и значение нравственной философии Соловьёва. С этой точки зрения позиция мыслителя и была им поддержана. Все, что касается личности, было близко не только Соловьёву, но и Новгородцеву [5], и являлось одновременно также основной темой в творчестве Достоевского [6], и связывало писателя и философа творческим общением. Всех их, в том числе и славянофилов, объединяло влияние на них немецкой классической философии, в частности Канта, Шеллинга и Фихте [7].

По мнению П.И. Новгородцева, В. Соловьёв полагал, что общественная организация и общественные учреждения, безусловно, важны для нравственного прогресса, и в этом смысле эта проблема составляет одну из нравственных основ его философии. Сам философ превосходно писал об этом, так что Новгородцев причислил бы его к видным защитникам правовой идеи среди других философов XIX в. Новгородцев отмечает, что всякий нравственный авторитет юридической

науки к началу XX в. уже утрачен. Так, Чичерин и Петражицкий даже заявили о разложении правосознания в современной науке. Но почему же так произошло на рубеже XIX–XX вв.? Во-первых, иссякло всякое доверие к юриспруденции, а точнее, к нравственной силе в праве. Во-вторых, право стало пониматься как «право силы». Теперь, говорит Новгородцев, раздаются голоса о том, что право есть орудие раздора и борьбы, для которого чужды нравственные начала. Толстой даже объявляет право насилием.

В. Соловьёв, напротив, пытался отстоять идеальную, нравственную силу права, обнаружить его силу против «права силы». При этом Соловьёв ставил себе задачу отстоять нравственные начала в праве и распространить эту идею среди людей [3, с. 286]. Борьба философа за идеальную чистоту права шла рука об руку с борьбой против тех философских течений, «которые выросли на почве непонимания нравственной специфики права». Прежде всего, это были, как считал Соловьёв, идеи славянофилов, обладавших иллюзией, что будто бы право для некоторых благословенных Богом народов (Россия) вовсе не нужно. Затем Соловьёв ответил на критику Толстого в отношении права. В итоге, философ отстоял свою идею. Толстой же утверждал, что право вредно и безнравственно [3, с. 287].

У славянофилов обозначилось, что «призванный к небесному русский народ» не должен заботиться о «земном», а потому вообще все внешние формы, а значит, и правовой порядок, не имеют для него никакого значения. Поначалу Соловьёв был увлечен идеями славянофильства, но в дальнейшем все более стал уклоняться в сторону синтеза Востока (славянства) и Запада (европейцев). Для него право уже не было чем-то внешним, формальным. Он прямо заявлял: «Россия обладает, быть может, великими и самобытными духовными *силами*, но для проявления их ей во всяком случае нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие *формы* жизни и знания, которые разработаны Западной Европой. Наша вне-европейская или противу-европейская самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия; отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха» [3, с. 289]. Но в чем Соловьёв видел нравственный долг России? Она должна отказаться от «права силы» и признать «силу права». В этом смысле очень показательны строки, помещенные в предисловии ко второ-

му изданию его статьи «Национальный вопрос в России»: «О Русь! в предвиденье высокою Ты мысля гордой занята; Каким же хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?». В чем же Соловьёв видел проявление в государстве права силы? Он говорил, что русский народ находится на «положении раба» [3, с. 288], в тяжелом экономическом состоянии, ведь после отмены крепостного права это становилось очевидным фактом. С политической стороны, в российском обществе 80–90-х гг. XIX в. разгорелись дискуссии поздних славянофилов. Наряду с В. С. Соловьёвым и П. Н. Милюковым начало к тенденции западной историографии положил и К. Леонтьев [см.: Медоваров М. К. Н. Леонтьев и позднее славянофильство: уроки спустя столетия. Доклад на конференции «Русская идентичность и будущее православного мира в эпоху глобализации» (https://ruskline.ru/analitika/2011/10/13/kn_leontev_i_pozdnee_slavyanofilstvo_uroki_spustya_stoletie/). С. Н. Трубецкой, например, считал Леонтьева «разочарованным славянофилом». Уже в 1914 г. А. С. Глинка-Волжский писал, что «белое» славянофильство 1840-х гг. разложилось на «агато-черное» учение Леонтьева, «бледно-розовую» утопию Соловьёва и «лазурное» почвенничество Достоевского (https://ruskline.ru/analitika/2011/10/13/kn_leontev_i_pozdnee_slavyanofilstvo_uroki_spustya_stoletie/). Тем не менее с конца 80-х гг. Соловьёв начинает порывать со славянофильством и переходит в стан западников. В этом можно убедиться, рассмотрев программу поздних славянофилов, а именно его правого крыла, требовавшего свобод граждан, освобождения Церкви от синориальной опеки государства, созыва земельного собора как законосовещательного усиления личного органа при самодержавном царе. Как пишет М. Медоваров, действительно, в правом крыле позднего славянофильства усиливаются некоторые черты либерализма, которые со временем должны были вырождаться в некий национальный либерализм на европейский манер (октябристы, например) буржуазно-капиталистической ориентации. По этому поводу пророческими выглядят разъяснения К. Леонтьева: «Быть против конституции, всеобщей подачи голосов, против демократического индивидуализма, стремящегося к власти, и быть в то же время за бессловность, за политическое смешение высших классов с низшими — значит, отличаться от новейшей Европы не главными и существенными чертами социального идеала,

а только степени их выразительности... Равноправность гражданская переходит в равенство политическое, и свобода личная присваивает себе скоро власть конституционную», и «под боярским кафтаном московских мыслителей кроется обыкновенная блуза западной демократии» (https://ruskline.ru/analitika/2011/10/13/kn_leontev_i_pozdnee_slavyanofilstvo_uroki_spustya_stoletie/).

В чем корни неверия в силу права у Толстого? И в чем же проявляется вера в духовную свободу у Соловьёва по сравнению со славянофилами?

Источник нравственного эгоизма Соловьёв находит в славянофильстве. В этом по преимуществу выразился либерально-христианский [8] проект его философии. Этому вопросу посвящен блестящий очерк мыслителя «Национальный вопрос в России» [3, с. 288]. Соловьёв, пишет П. И. Новгородцев, мастерски вскрыл всю «фальшь» славянофильского идеала, но что самое важное — показал логическую связь первоначального славянофильства с позднейшим национализмом, которое в самих недостатках России стремилось видеть ее преимущество. Славянофилы выступали за объединение народа и власти (что должно представлять силу, то самое право силы, которое критиковал мыслитель), и тем дальше они были от добра и правды. Но теперь, говорит Новгородцев, идеи славянофилов окончательно устарели. Новый исторический этап требует новых подходов, и государство показало всю «фальшь» и безысходность своих действий. Но что же предлагает философ, чем снабдил он свою силу права, какими реальными возможностями он оперировал? Он апеллировал к политическим правам и свободам, которые, по мнению славянофилов, были не нужны русскому народу. Но после отмены крепостного права все стало по-другому. Начал рушиться сословный строй, и новые гражданские права потянули за собой ворох политических прав, а этого и не учло позднее славянофильство, с которым полемизировал Соловьёв. Поэтому политические права и свободы всегда нужны, полагал Новгородцев [3, с. 291]. Славянофилы выступали за нравственную свободу духа русского народа, но философ основательно показывает, что нравственная свобода без реальных гарантий государства и права остается «пустой фикцией». Конечно, он признавался, что в настоящем идеальном обществе нет места государству и политике, но на переходном этапе, в настоящем историческом моменте они

необходимы. Государство имеет своей целью «охранять принудительно равновесие частных своекорыстных сил и полагает пределы всяким эгоистическим захватам», пока не водворится среди людей совершенная солидарность [3, с. 291]. Государство сдерживает развитие зла и тем самым способствует очищению пути к будущему идеальному благу общества. Поразительно, что в XIX в. люди верили, что общественный идеал достижим, или верили в сам путь к этому идеальному общественному устройству. XX в. показал, что это далеко не так. Даже советское общество, в чем-то походившее на более совершенное государственное устройство по сравнению с капиталистическим обществом, в конечном итоге распалось на мелкие разлетевшиеся осколки.

Таким образом, В. Соловьёв мастерски вскрывает противоречия славянофильского понимания нравственной свободы (свобода и нравственность без государства и его политики — гражданская свобода). Новгородцев находит здесь смысл в том, что Соловьёв выступает поборником идеи правового государства, такой близкой самому Новгородцеву. С другой стороны, правовое государство не было для Соловьёва «последним выражением нравственной солидарности». Он мечтал о теократическом государстве. Новгородцев показывает момент перехода Соловьёва от славянофилов к западникам. Это случилось в конце 80-х гг. XIX в., когда была напечатана его статья «Национальный вопрос в России» [3, с. 292]. Соловьёв становится западником, либералом (в сочетании христианской идеи с западной доктриной свободы и гуманности).

Западные настроения философа, пишет Новгородцев, вытекали из его веры в общечеловеческие идеалы и ценности. Он верил в культурное возрождение России, в ее культурную работу. Это западный подход, но и философское созерцание Соловьёва предполагало, что дух должен преобразовать весь мир посредством своей благости. Вся природа, весь мир должны проникнуться божественными началами. Дух христианства должен восторжествовать над миром. Таким образом, по мнению В. Соловьёва, из основ христианского дела должен вытекать дух просветительства и культурной работы [3, с. 293]. Здесь у него Западничество «вновь получает философское углубление». Это видится в том, что вера философа в общественный прогресс всегда была свойственна и Западу. Но чем более мыслитель останавливался на нравственном прогрессе, тем

яснее он понимал, как необходима была не сколько работа индивидуальной души, сколько «соответствующие изменения общественного строя». Еще в 1883 г. у Соловьёва были другие взгляды, когда он хвалил Достоевского за его «сознательное отвержение всякого внешнего общественного идеала». Он считал, что важнее внутренняя работа каждого человека над самим собой, над воспитанием в себе нравственной основы. Для Соловьёва конца 80-х гг. этого уже было недостаточно. Теперь встал вопрос об обуздании нравственного эгоизма и произвола власти. Эволюция взглядов Соловьёва, как проанализировал Новгородцев, вызывает особый интерес, поскольку выказывает пути и проблемы перерождения идей философа, их эмоциональную и философско-мировоззренческую подоплеку. Но уже в сочинении 1891 г. Соловьёв заявил, что христианство должно быть общественным, что «наряду с индивидуальным душеспасением оно требует *социальных реформ*» [3, с. 295]. Эволюция взглядов Соловьёва была очень близка самому Новгородцеву в этот период (рубеж и начало XX в.), когда он также полагал, что стране нужны социальные реформы [9]. Его вера в социальные преобразования и (вместе с тем) естественно-правовую доктрину, а также в слияние права и государства на благо всего народа заряжала мыслителя и в отношении философско-нравственного наследия Соловьёва. В конечном итоге, говорит Новгородцев, плоды его вылились в «Оправдание добра», явившимся сводом всей нравственной философии великого русского мыслителя и общественного деятеля. Он отмечает, что в этом труде Соловьёв разработал моральную доктрину: эта вера в добро как некую силу, которая над всеми восторжествует и «через все осуществится» [3, с. 295]. Соловьёв хочет, как и Гегель, осуществить идеал добра в общественной жизни, а не только показать его отвлеченные начала (начала добра), как это сделал Кант своим утверждением нравственного императива. Новгородцев подчеркивает, что и новейшие кантианцы идут в том же направлении, что и Соловьёв, и в этом же смысле желают восполнить работу Канта, что весьма важно для самого Новгородцева. Даже, к слову сказать, на этом основании можно считать и самого Павла Ивановича неокантианцем или, по крайней мере, в высшей степени им сочувствующим. При этом он замечает, что, конечно, юрист в «Оправдании добра» найдет много промахов и недочетов, но не сможет не отметить глубокого доверия философа

к идее права. С особой горячностью Владимир Соловьёв подчеркивает значение нравственных учреждений в деле морального прогресса. Нам остается только удивляться этой его безграничной вере в торжество морального прогресса, в нравственную ценность правовых учреждений. Соловьёв не видит опасности, исходящей хотя бы со стороны мирового сообщества, западных стран, не говоря уже о многих внутренних противоречиях, царящих в российском обществе. С этих современных позиций становится более привлекательной и понятной полемика Соловьёва и Толстого, отрицающего «все правовые установления» и исповедовавшего теорию о «непротивлении злу насилием». В то же время восхищает вера Соловьёва в торжество справедливости, которая обязательно последует за признанием права высшей общественной ценностью. Философ дает обстоятельную критику толстовской нравственной доктрины, что, по мнению Новгородцева, не проделал никакой другой философ [3, с. 296].

Какие же философско-нравственные основания лежат в основе взглядов Льва Толстого? Соловьёв считает, что когда отвергают право в самой идее, то забывают его как выражение справедливости и свободы. Государство, по его определению, это «собираательно-организованная жалость». Философия В. Соловьёва — это торжест-

во добра и веры в христианский идеал. Эти взгляды противоречили «свободомыслию» Толстого, полагавшего, что государство, основанное на праве силы, — это орудие насилия и подавления свободы, и потому не видевшего в государстве воплощения красоты, добра и правды.

Социально-христианские идеалы, которые исповедует Соловьёв, несмотря на либеральную направленность его идей, очень важны для понимания современной России [10, с. 11]. Даже Новгородцев, который придерживался либеральных взглядов, после Октябрьского переворота обращается к христианским ценностям и Достоевскому как хранителю духовной культуры и культурного кода русского народа. В связи с этим уместно было бы упомянуть и о панславизме Фёдора Тютчева как такой проекции исторических взглядов славянофилов [11], которая противостоит Западу с его формальной законностью и равноправием. Следуя западным традициям конституционализма, Россия не справилась с вызовом, стоящим перед ней в последнюю эпоху царизма, и перед ней раскрылись возможности социального государства нового типа. В этом государстве были приложимы социально-правовые идеи Новгородцева, но, к сожалению, философ не застал этот период, поскольку в 1924 г. его не стало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макаров М.В., ред. Соловьёвские исследования. Периодический сборник научных трудов. Вып. 20. Специальный выпуск. К 10-летию Соловьёвского семинара. Иваново: Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина; 2008.
2. Димитрова Н.И. Владимир Соловьёв и болгарская философская мысль II половины XX века. Соловьёвские исследования. Вып. 3 (27). Иваново: Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина; 2008. С. 78–85.
3. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет; 1995:285–299.
4. Бажов С.И. К вопросу о теоретической проблематике философии права П.И. Новгородцева. *История философии*. 2016;21(1):97–107.
5. Зелинский В.Е. Естественное право и принцип личности в философской мысли П.И. Новгородцева. *Философия права*. 2014;5(66):7–9.
6. Малинов А.В., Куприянов В.А. Рецензия на книгу И.И. Евлампиева «Русская философия в европейском контексте». *Вопросы философии*. 2018;(10):214–217.
7. Коваленко Н.С. Проблема личности в философском наследии славянофилов. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Мурманск; 1999.
8. Ермичев А.А. О наследовании в истории русской философии. *Вопросы философии*. 2018;(8):96–103.
9. Фролова Е.А. Идеи социального и правового государства в философии права П.И. Новгородцева. *Государство и право*. 2018;7:57–65.
10. Фоминская М.Д. Христианские ценности в русской философии права. *Философия права*. 2014;5(66):11–14.
11. Понкратова А.Н. Панславизм и Ф. Тютчев. *Культурная жизнь Юга России*. 2009;3(32):128–129.

REFERENCES

1. Makarov M. V., ed. Soloviev's research. Periodic collection of scientific papers. Issue 20. Special issue. To the 10th anniversary of the Solovyov seminar. Ivanovo: Lenin Ivanovo State Power Engineering University; 2008. (In Russ.).
2. Dimitrova N. I. Vladimir Solovyov and Bulgarian philosophical thought in the second half of the twentieth century. Soloviev studies. Issue 3 (27). Ivanovo: Lenin Ivanovo State Power Engineering University; 2008:78–85. (In Russ.).
3. Novgorodtsev P. I. Works. Moscow: Rarity; 1995:285–299. (In Russ.).
4. Bazhov S. I. To the question of the theoretical problems of the philosophy of law P. I. Novgorodtseva. *Istoriya filosofii = History of Philosophy*. 2016;21(1):97–107. (In Russ.).
5. Zelinsky V. E. Natural law and the principle of personality in the philosophical thought of P. I. Novgorodtseva. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. 2014;5(66):7–9. (In Russ.).
6. Malinov A. V., Kupriyanov V. A. Review of the book by I. I. Evlampiev "Russian philosophy in the European context". *Voprosy filosofii = Philosophy questions*. 2018;(10):214–217. (In Russ.).
7. Kovalenko N. S. The problem of personality in the philosophical heritage of the Slavophiles. Abstract of the thesis. diss. ... Cand. Philos. sciences. Murmansk; 1999. (In Russ.).
8. Ermichev A. A. On inheritance in the history of Russian philosophy. *Voprosy filosofii = Philosophy questions*. 2018;(8):96–103. (In Russ.).
9. Frolova E. A. Ideas of a social and legal state in the philosophy of law of P. I. Novgorodtsev. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2018;7:57–65. (In Russ.).
10. Fominskaya M. D. Christian values in Russian philosophy of law. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. 2014;5(66):11–14. (In Russ.).
11. Ponkratova A. N. Pan-Slavism and F. Tyutchev. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural life of the South of Russia*. 2009;32(3):128–129. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Анатольевна Счастливецова — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет, Киров, Россия
abcr@yandex.ru

Максим Александрович Бархоленко — аспирант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет, Киров, Россия
barmaxal@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Schastlivtseva — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Culturology, Sociology and Philosophy, Vyatka State University, Kirov, Russia
abcr@yandex.ru

Maksim A. Barkholenko — Postgraduate student, Department of Culturology, Sociology and Philosophy, Vyatka State University, Kirov, Russia
barmaxal@yandex.ru

Статья поступила 27.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-22-26
УДК 82.01/.09(045)

Проблемы преподавания истории литературы в вузах

А.В. Чистобаев

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0501-4570>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы современного процесса преподавания истории зарубежной и отечественной литературы в вузах. Автор рассуждает о пересмотре устоявшихся концепций в составлении учебных программ и списков художественных текстов, а также обосновывает принципиально новые взгляды на составление списков литературы и формирование жанрово-тематического подхода в изучении литературы. В работе использован анализ документов (учебные программы, списки художественных текстов и т.д.), биографический, автобиографический и статистический методы, а также метод экспертных оценок (привлечение опыта отечественных и зарубежных коллег). По результатам исследования планируются апробация и внедрение новой системы отбора текстов, а также их изучения в практике преподавания истории русской и зарубежной литературы.

Ключевые слова: история русской литературы; история зарубежной литературы; учебная программа; список авторов; периодизация; жанрово-тематический подход

Для цитирования: Чистобаев А.В. Проблемы преподавания истории литературы в вузах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):22-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-22-26

ORIGINAL PAPER

Problems of Teaching the History of Literature in Universities

A.V. Chistobaev

Saint Petersburg State Marine Technical University,
Saint Petersburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0501-4570>

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of the modern process of teaching the history of foreign and domestic literature in universities. The problem is relevant in connection with the decline in the quality of teaching the history of literature. This paper aims to revise the established concepts and approaches in the compilation of curricula and lists of literary texts and substantiate fundamentally "new" approaches to the compilation of literature lists and the formation of a genre-thematic approach in the study of literature. The following methods were used in the work: analysis of documents (curricula, lists of literary texts, etc.), biographical and autobiographical methods, the method of expert assessments (involving the experience of domestic and foreign colleagues) and the statistical method. The author gave a partial solution to the posed questions. As the research results, the author planned to test and implement a new system for selecting texts, as well as their study in the practice of teaching the history of Russian and foreign literature.

Keywords: history of Russian literature; history of foreign literature; curriculum; list of authors; periodization; genre-thematic approach

For citation: Chistobaev A.V. Problems of teaching the history of literature in universities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):22-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-22-26

В контексте современных тенденций преподавания гуманитарных наук, в частности — истории литературы, весьма симптоматична ситуация стремительного устаревания и «закостенелости» учебных программ, а главное — устаревания корпусов художественных текстов, как по истории зарубежной литературы (далее — ИЗЛ), так и по истории русской литературы (далее — ИРЛ), и методики их преподавания в вузах.

Указанные дисциплины, сопровождающие будущих специалистов в течение всего учебного процесса, являются самыми статичными или «законсервированными» по сравнению с теорией литературы, поэтикой и другими литературоведческими дисциплинами. Данная статика может быть связана со следующими проблемами:

1. Ориентированность на традицию. Под традицией понимается следование реализации освоения стандартной или привычной программы преподавания ИЗЛ, а также «привычного списка авторов». Современная программа по изучению ИЗЛ до сих пор евроцентрична, а значит, не отражает актуальные тенденции развития мировой литературы (популярность условных южноамериканской, азиатской и других литератур). Как правило, первый курс филфака или журфака в области изучения ИЗЛ предлагает стандартную схему, включающую так называемые азы — мифы Древней Греции, «Илиаду», «Одиссею» и т.д. Даже название подобных курсов отражает текущее состояние дел, как, например, «История зарубежной литературы (от античности до наших дней)» [1, с. 11].

Таким образом, игнорирование подавляющим большинством преподавателей литературы факта существования многотысячелетней истории древнеиндийской, шумеро-аккадской и других литератур не просто характеризует современное состояние содержания учебного процесса, но и подчеркивает современное состояние гуманитарных наук в целом. С одной стороны, данная проблема вполне объяснима сокращением часов на преподавание литературы не только в гуманитарных, но и технических вузах. В колледжах преподавание литературы сокращено с двух лет до года. По справедливому замечанию Л.А. Назаровой, «для многих вузовских специальностей предмет “История зарубежной литературы (от античности до на-

ших дней)” уложился в один-два семестра, что по сетке часов заочного отделения составляет в среднем от 10 до 20 часов» [1, с. 11].

Игнорирование подавляющим большинством преподавателей литературы факта существования многотысячелетней истории древнеиндийской, шумеро-аккадской и других литератур не просто характеризует современное состояние содержания учебного процесса, но и подчеркивает современное состояние гуманитарных наук в целом.

Проблема обусловлена в том числе и характером наименования курса ИЗЛ. Например, «Великие книги западной литературы от Гомера до Гёте» [2]. С одной стороны, авторы программы честны, так как ИЗЛ в первую очередь — это история европейской или западной литературы. В этом смысле для вузов — на федеральном уровне — логичней было бы переименовать ИЗЛ в «Историю европейской литературы». С другой стороны, название курса — «до Гёте» — (курсив автора) расходится с его содержанием: «знакомство слушателей с основными тенденциями развития мирового историко-литературного процесса от античности до конца XIX в. (курсив автора)» [2].

В этой связи любопытна статья «Зарубежка и Всемирка», в которой затрагивается много-томное подписное издание советских времен, посвященное всемирной литературе. Автор подходит к решению вопроса с довольно оригинальной позиции: он видит «преимущества в том, чтобы рассматривать литературу как целое, не разделяя ее на русскую и зарубежную» [3]. Тем не менее и данный исследователь не выходит за «общепринятую» хронологию изучения даже всемирной литературы.

2. Ориентированность учебных программ по изучению ИРЛ на классических и не классических писателей. В этой связи возникает вопрос ранжирования авторов на «первых»,

«вторых» и «третьих». Как следствие, внимание студента направлено на прецедентные тексты русской культуры, а значит, — «прецедентных писателей». При этом малоизвестные авторы находятся вне поля изучения, поэтому картина историко-литературного процесса оказывается фрагментарной. В этой связи Е. Е. Горбань обосновывает термин «культурологические тексты», под которыми она понимает «произведения, принимающие активное участие «в культурогенезе — порождении новых культурных форм и их интеграции в существующие культурные системы, а также в формировании новых культурных систем и конфигураций» [4]. С Е. Е. Горбань солидарна и Е. Л. Дашко, делающая упор на «выяснении вопроса диалогичности художественных произведений в рамках конкретного исторического периода, а также разных исторических эпох». Тем не менее «выделение культурологических текстов в курсе мировой литературы» сужает возможности изучения литературы и обедняет познавательный подход в изучении культуры той или иной нации [5].

Изучение максимального количества текстов способствует многогранному формированию индивидуальной картины мира читателя и позволяет ему в полной мере быть вовлеченным в культуру изучаемого языка, а не замыкает его на нескольких образцах художественной литературы.

Как справедливо замечает американская славистка М. Фрейзер, констатируя общее в американских и российских вузах, «все острее встает проблема канона и каноничности, связанная с принципами отбора текстов для преподавания» [6]. В своей статье она объясняет наличие указанной проблемы одновременным существованием нескольких национальных литератур на территории США, связанных с афроамериканским и испаноамериканским дискурсами. Если проецировать данную си-

туацию на наш образовательный процесс, то логичным решением стало бы включение литературы национальных республик в курс изучения ЛНР в составе РФ на более широких и актуальных началах.

Таким образом, изучение максимального количества текстов способствует многогранному формированию индивидуальной картины мира читателя и позволяет ему в полной мере быть вовлеченным в культуру изучаемого языка, а не замыкает его на нескольких образцах художественной литературы. В противном случае выпускник филологического или журналистского факультета становится носителем фрагментированного и суженного знания о мире. Наглядной иллюстрацией данного тезиса может служить стандартизированный список произведений авторов Серебряного века, где З. Гиппиус чаще всего отводится только роль поэта. Реже — изучаются ее критические статьи и почти никогда — новеллистика. В данном контексте весьма актуальными становятся слова А. В. Ельчанинова, почти столетней давности: «Вследствие огромного количества материала, произведения уже не читаются и предполагаются известными, а изучение истории литературы представляет собою “стремительный лет от вершины к вершине”» [7, с. 46].

3. Проблема периодизации русской литературы. Разнотечения в периодизации порождают недопонимание и искажение процесса усвоения ИРЛ. Например, так называемое «новое искусство» в самом широком смысле, включающее и модернизм, и другие «измы», принято изучать с 1892 г., когда Д. С. Мережковский прочитал знаменитую лекцию. Тем не менее модернистские приемы, как и модернистская картина мира (т. е. отличная от историко-культурной эпохи царствования Александра II) начали реализовываться уже в 80-х гг. XIX в. Достаточно вспомнить чеховскую «Драму на охоте» (1884 г.) или другие его произведения этого периода. Объяснением хронологического сдвига может служить то, что в отечественном литературоведении сложилась порочная практика приравнивания философии символизма к модернизму вообще. Мы забываем, что модернизм шире символизма. Кроме того, активное применение модернистской поэтики наблюдается уже в 80-е гг. XIX в. Очевидно, что модерн, т. е. современность, начался со смертью

Александра II и смертью Ф. М. Достоевского, в 1881 г.

4. Уделение внимания темным сторонам творчества автора. Так, например, при изучении работ Оскара Уайльда мы делаем упор на препарировании демонических мотивов главного произведения этого автора, но игнорируем «Балладу Редингской тюрьмы», пронизанную христианскими мотивами.

5. Ориентированность на эстетику и форму, а не на этику и нравственное содержание. Так, например, интерес к творчеству Ф. Сологуба и Л. Андреева, к сожалению, обосновывается аргументами в пользу углубленного изучения Серебряного века, апологией их жанровых поисков. При этом разрушительный характер произведений, отсутствие активного христианского начала в мировоззрении этих и похожих авторов игнорируются.

6. Культивирование синтагматического принципа преподавания. В основе синтагматического принципа преподавания лежит поэтапный характер изучения творчества отдельно взятого автора. Так, например, в списках авторов творчества И. А. Бунина представляет собой стандартный набор: «Антоновские яблоки», «Деревня», «Суходол», «Сны Чанга», «Братья», «Господин из Сан-Франциско», «Лёгкое дыхание», «Солнечный удар», «Темные аллеи». Как следствие, игнорирование жанрово-тематического и — более всего — хронологического подхода в изучении литературы приводит к катастрофическим результатам — к непониманию учащимися, что, зачем и кого они изучают. Очевидно, что И. А. Бунин-эмигрант и И. А. Бунин дореволюционного периода — писатели разных методов, мировоззренческих и стилистических установок и т. д. Логичным решением может являться выделение темы прощания с дворянской усадьбой в прозе И. А. Бунина и А. П. Чехова, а также включение в эту тему схожих текстов других авторов.

Говоря о А. П. Чехове, мы сталкиваемся с еще одной проблемой: с отнесением А. П. Чехо-

ва к писателям, завершившим классическую литературу XIX в. Игнорирование детектива «Драма на охоте» и других чеховских пародий на уголовные рассказы 60–70-х гг. XIX в. приводит к непониманию генезиса детективных мотивов прозы Серебряного века. Так, например, А. И. Куприна изучают в отрыве от А. П. Чехова. Очевидно, что шпионский рассказ «Штабс-капитан Рыбников» вполне допустимо изучать в линейке малой детективной прозы периода 1881–1917 гг. Кроме того, очевидно, что детективная линия в рамках ИРЛ не преподается.

7. Оторванность преподавания истории от преподавания литературы и наоборот. Весьма симптоматично, хотя и объяснимо, что преподаватель истории не является специалистом в литературе, а преподаватель литературы — специалистом-историком. Причина лежит в насильственном разъединении исторических и филологических дисциплин. Шире — во фрагментировании гуманитарных наук. Вполне логичным решением (в дальней перспективе) может стать интеграция филологического и исторического факультетов на федеральном уровне.

Разумеется, решение данных вопросов — длительный процесс. В этой связи он никак не должен замыкаться только на отечественной методологической школе. Как утверждал священник и преподаватель русской культуры, истории и литературы А. В. Ельчанинов, «тщательному пересмотру должен быть подвергнут весь материал наших программ; снова должны быть пересмотрены наши методы преподавания; у европейских народов, среди которых мы рассеяны, мы должны подглядеть их, может быть, более нашего действительные приемы распространения национальной культуры через школу. Благоговейное почитание нашей литературы никак не должно переходить в благоговение перед нашими старыми школьными программами» [7, с. 37].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назарова Л. Н. Антиномия свободы/необходимости как форма презентации трагического при изучении древних литератур (античной, средневековой, ренессансной). Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения. Сборник статей. Екатеринбург: Ажур; 2010.
2. Авдонин В. П. и др. Программа учебной дисциплины «Великие книги западной литературы от Гомера до Гёте». URL: https://www.hse.ru/data/2019/02/18/1150104972/program-2143053906-83vN_2H_bkQ.pdf

3. Маркин А. В. Зарубежка и всемирка. Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения. Сборник статей. Екатеринбург: Ажур; 2010.
4. Горбань Е. Е. Исследование художественной коммуникации в аспекте генеративной компетенции: на материале романа W. Faulkner «Absalom! Absalom!». Дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». Барнаул; 2009. 247 с.
5. Дашко Е. Л. Актуальные тенденции преподавания мировой литературы в вузе. *Гуманитарная парадигма*. 2017;(1):23–28.
6. Фрейзер М. Опыт сравнения американского и русского подходов к преподаванию литературы в университете. Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения. Сборник статей. Екатеринбург: Ажур; 2010.
7. Ельчанинов, А. В. История русской литературы в курсе средней школы. *Русская школа за рубежом*. 1924;(12):39–46.

REFERENCES

1. Nazarova L. N. Actual trends in teaching world literature at the university (11–21). In: Antinomy of freedom/necessity as a form of presentation of the tragic in the study of ancient literature (ancient, medieval, Renaissance); 2010. (In Russ.).
2. Avdonin V. P. et al. The curriculum of the discipline “The Great Books of Western Literature from Homer to Goethe”. URL: https://www.hse.ru/data/2019/02/18/1150104972/program-2143053906-83vN_2H_bkQ.pdf (accessed on 10.30.2021). (In Russ.).
3. Markin V. A. ‘Zarubezhka’ i ‘vsemirka’. (138–146). In: Current trends in the teaching of world literature in high school. Yekaterinburg: Openwork; 2010. (In Russ.).
4. Gorban E. E. Research of artistic communication in the aspect of generative competence: based on the novel by W. Faulkner “Absalom! Absalom!”. Dis. ... Candidate of Philology. Barnaul; 2009. (In Russ.).
5. Dashko E. L. Actual trends in teaching world literature at the university. *Gumanitarnaya paradigma = Humanitarian paradigm*. 2017;(1):23–28. (In Russ.).
6. Fraser M. Current trends in teaching world literature at the university. (60–69). In: Experience comparing American and Russian approaches to teaching literature at the university. Yekaterinburg: Openwork; 2010. (In Russ.).
7. Elchaninov A. V. A history of Russian literature in the high school course. *Russkaya shkola za rubezhom = Russian school abroad*. 1924;(12):39–46. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Валерьевич Чистобаев — кандидат филологических наук, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия
aleksandrcistobaev0580@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Chistobaev — Cand. Sci. (Philology), Lecturer, St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russia
aleksandrcistobaev0580@gmail.com

Статья поступила 16.12.2021; принята к публикации 29.12..2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.12.2021; accepted for publication on 29.12..2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-27-36
УДК 32(045)

Власть в постмодернистском обществе: между плоскостями реальности и коммуникации

К. Беше-Головко

Ассоциации юристов Комитас Генциум Франция-Россия, Париж, Франция
<https://orcid.org/0000-0001-7855-2962>

АННОТАЦИЯ

Общепринятое утверждение о постмодернистском характере сегодняшнего мира не дает ключ к пониманию его сущности из-за своей двойственности, проявляющейся на плоскостях реальности и коммуникации и в появлении таких понятий, как, например, «пост-правда». Новое восприятие мира исходит от возникновения новых акторов — *Policy makers* и СМИ, влияние которых стремительно росло в последние годы, что существенно изменило функционирование демократических механизмов вплоть до того, что их стали ставить под сомнение. В целом, местонахождение власти в нашем так называемом постмодернистском мире располагается не на той или другой статичной плоскости, а в области взаимодействия коммуникации и реальности.

Ключевые слова: власть; постмодернизм; новые акторы; *policy makers*; СМИ; реальность; коммуникация

Для цитирования: Беше-Головко К. Власть в постмодернистском обществе: между плоскостями реальности и коммуникации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):27-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-27-36

ORIGINAL PAPER

Power in Postmodern Society: Between the Planes of Reality and Communication

K. Béchet-Golovko

Association of Lawyers Komitas Gentium France-Russia, Paris, France
<https://orcid.org/0000-0001-7855-2962>

ABSTRACT

The generally accepted statement about the postmodern character of today's world does not provide a clue to understanding its essence. We just know that from this point of view, it is already modernist. However, the concepts of postmodernism are extremely diverse and depend on the subjectivity of their authors. Basically, a central question arises that remains unanswered: will postmodernism appear after modernism as evolution, or is it a criticism of modernism, rejection, a kind of general disappointment? For some, truly postmodernism is a disappointment of rationality. By contrast, neoconservatives rejoice in postmodernism. Nevertheless, their postmodern world is free from any substance, from any essence. They offer a kind of modernism, without a soul and without a Man, since everything must be "rendered harmless" in advance and, preferably, without excesses. It is a kind of sad utopia. In both cases, there is denial: either open — by the critics of postmodernism; or hidden — by "our own".

Keywords: power; postmodernism; new actors; policymakers; media; reality; communication

For citation: Béchet-Golovko K. Power in postmodern society: between the planes of reality and communication. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):27-36. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-27-36

ВВЕДЕНИЕ

Общепринятое утверждение о постмодернистском характере сегодняшнего мира дает мало понимания о его сущности. Мы просто знаем, что с этой точки зрения он вышел из модернистского определения. Однако концепции постмодернизма чрезвычайно разнообразные и зависят от субъективности авторов. Но главный вопрос — появится ли постмодернизм после модернизма как эволюция, радикализация модернизма, или это критика модернизма, неприятие, своего рода разочарование, признание неудачи — остается без ответа. Для некоторых, действительно, постмодернизм является разочарованием в индустриальном прогрессе, а значит, в индустрии, культурном прогрессе и человеке, экономическом прогрессе и капитализме, в рациональности. Все аксиомы модернизма отвергнуты постмодернизмом. Неоконсерваторы, напротив, радуются постмодернизму, но их постмодернистский мир свободен от любой субстанции, от любой сущности. Искусство, наука, мораль разделены и поручены тонким специалистам, смотрящим на все через узкую призму. Предлагается своеобразный модернизм, только без души и без Человека, поскольку все должно быть заранее «обезврежено», для того чтобы наука больше не могла навредить, чтобы мораль стала независимой от политики и от религии, чтобы каждый эффективно занимался своими техническими делами в своем маленьком уголке. И желательно — спокойно, без эксцессов и всеобщего внимания. Это своего рода грустная утопия. В обоих случаях есть отрицание: либо открытое — критиками постмодернизма, либо скрытое — своими же сподвижниками. Как будто модернистский мир ускользнул от нас: все, что мы видим, не подлежит определению, классификации, а человек (по своей натуре) отрицает все, что не может воспринять. Тогда он создает иллюзию, которую понимает и которой овладевает, ту, что позволит ему объяснить мир, в котором он живет, пока он не в состоянии его определить.

НОВЫЕ АКТОРЫ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО МИРА: *POLICY MAKERS* И СМ

Все что мы видим, не подлежит определению, классификации, а человек по своей натуре отрицает все, что не может воспринять. Тогда он создает иллюзию, позволяющую ему объяснить мир, в котором он живет.

В модернистском мире, когда он был «компактным», вопрос местонахождения власти не стоял остро. Появление новых механизмов власти привело к появлению новых акторов, которые как раз находятся на уровне взаимодействия плоскостей реальности и коммуникации. Их задача осложнена официальным отрицанием существования идеологии, как будто неолиберализм и глобализация являются всего лишь техническими механизмами, лишенными смысла, мировоззрения и ведения Человека. На этом этапе можно отметить двух особо важных акторов: *policy makers* (политтехнологов), которые являются макрорегуляторами, и средства массовой информации, выступающие в качестве инструмента легитимации.

***POLICY MAKERS*: РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ**

Изначально *policy makers* были теми, кто принимает решения, — именно они *делали* политику. В классическом понимании речь идет о членах политических партий, членах правительства — т.е. о тех, кто наделен властью. Таким образом, *policy makers* имеют двойную связь — и с политикой, и с государством. Однако за последние пятьдесят лет модели управления значительно изменились под импульсом неолиберализма и сопровождающей его глобализации. Неолиберализм заставил государство утратить монополию на принятие решений, передав часть своих полномочий частным субъектам, интегрируя все больше и больше регулирующих органов в механизмы управления [1]. Таким образом, власть распределяется между различными субъектами: государственными органами, которые действуют по принципу обязательного решения, и парастатскими органами, которые действуют по логике регулирования. Сегодня, *policy makers* стали макрорегуляторами, они влияют (и иногда определяют) на вектор политики разных структур, в том числе государств.

Данная тенденция развивалась в 1980-х гг. под влиянием растущей глобализации экономики, которая навязала идею о необходимости пересмотра механизмов управления в сторону глобализма. Тогда под влиянием международных экспертов и агентств государственные акторы начинали определять макрополитику и их координировать между собой, будучи убежденными, что таким образом они сделают экономику более эффективной. В этом смысле они скорректиро-

вали свои отраслевые политики в соответствии с императивами глобального рынка и боролись, как принято говорить, «против бюрократии» (выражение, под которым скрывается борьба против государства, поскольку это всегда ведет в сторону дерегуляции). Таким образом, несмотря на сопротивление, в национальные системы были введены институциональные реформы для поддержки «глобалистского перехода» государственности, в том числе с помощью экономической интеграции государств [2]. Эти «создатели политики», находящиеся на стыке национальной и глобальной сфер, позволяют «глобальному» проникнуть в «национальное», чтобы в конечном итоге привести «национальное» в соответствие с «глобальным».

Политическое правление в условиях глобализации изменило категорию классических *policy makers*. Из политических акторов, развивавшихся в линейном процессе принятия решения¹, они превратились в политических регуляторов, находящихся в сети регуляции². Это было возможно, потому что сама природа политического решения на национальном уровне изменилась и понимается почти исключительно в парадигме регуляции [3]. Они существуют для того, чтобы осуществить конкретное политическое видение, которое не обязательно является видением конкретного правительства соответственного государства. Таким образом, вопрос их независимости пересекает вопрос их легитимности, поскольку правительство, в отличие от них, избирается в результате демократического процесса. В реальной плоскости существует пока всего лишь два уровня — национальный и глобальный, и если эти макро-регуляторы независимы от правительства, они являются инструментом глобализма.

Госуправление, перестав быть односторонним, перешло сегодня к системе регуляции, что стало возможным благодаря развитию теорий менеджмента в политике. Особое значение при этом играет теория менеджмента инновации,

которую в 1960-х гг. развили Бернс и Сталкер [4]. Они разработали дихотомию структуры организации в соответствии с информационным контекстом, в котором она находится. По их мнению, так называемые «механические» структуры — высокоиерархические, действующие на вертикальной линии коммуникации, — менее способны к адаптации и в основном развиваются в стабильной среде. А так называемые «органические» структуры с небольшой формальной структурой, позволяющие переопределить роли и основанные на горизонтальных коммуникационных отношениях, обладают большей способностью к адаптации в изменяющейся среде. Другими словами, дезорганизованные структуры лучше приспосабливаются к своей среде, когда она сильно меняется. С идеологической точки зрения — это важный теоретический поворот, который оправдывает антигосударственную идеологическую позицию, поскольку речь идет о легитимации горизонтальных отношений между акторами, что ставит регуляторов и парегосударственные органы на разные с государственными органами уровни. Более того, данная теория развивается в 1960-е гг., одновременно с теорией хаоса, взятой из квантовой науки Эдвардом Лоренцом, который ее развивал и популяризовал (так называемый «эффект бабочки»). Действительно, изначально теория хаоса «направлена на изучение нелинейных явлений, управляемых простыми и детерминированными законами, поведение которых при определенных условиях становится непредсказуемым» [5]. Однако в социальных науках эта теория становится синонимом беспорядка. Каждая дисциплина развивает свое видение хаоса. Следует признать, что в 1960-е гг. порядок как таковой в принципе подвергался сомнению, и антигосударственные модели, оправдывающие «естественное» существование беспорядка, являлись аргументом в этой неолиберальной идеологии. По этой идеологии — мир нестабилен, и мы должны учитывать это, а не бороться с нестабильностью — почти ее поддерживать. Беспорядок в этой парадигме стал нормой, оправдывающей горизонтальность отношений, и таким образом государство лишено легитимности в своей функции упорядочивания общества.

Такое положение дел также объясняется интеграцией государств в разных наднациональных структурах и принудительных системах по-

¹ Susan J. Buck выделяет шесть классических этапов, начиная от планирования, до принятия решения и его процедурной легитимации. В конечном итоге, помимо терминологии, широко заимствованной из языка менеджмента, мы просто находим классические этапы принятия административных или законодательных актов.

² URL: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/sites/ppp.worldbank.org/files/documents/world_bank_ppiaf-handbook_for_evaluating_infrastructure_regulatory_systems_2006_english.pdf

литико-юридического характера, таких как ЕС, ОБЕС ООН, ВОЗ, ОЭСР, МВФ, ВТО и т.п. Глобальный мир лишил государства суверенитета, т.е. возможности самостоятельно определить свой политический курс и принять соответствующие решения и нормативные акты. Экономическая политика определяется в этих наднациональных инстанциях так же, как стратегия развития публичных служб, а у государства остается всего лишь возможность имплементировать и слегка адаптировать эти уже принятые решения к своей реальности. Глобальные акторы напрямую конкурируют с государственными, и, поскольку они приписывали государствам глобализацию как единственный эффективный путь развития общества, они стали настоящими *policy makers* в изначальном понимании этого слова. Иными словами, решение принимается глобальными акторами, а акторы на национальной уровне существуют для того, чтобы обеспечить урегулирование местных вопросов в установленной парадигме и создавать иллюзию суверенизма в странах, где это важно для народа. Данное национальное урегулирование тем более важно, что императивы глобализации редко совпадают с национальным интересом. В то же время для *policy makers* важно обеспечить путь к власти на национальном уровне «удобным» лицам и направлять общественное мнение в конкретное русло. Таким образом становится возможно обеспечить имплементацию глобального императива руководством страны без особо громкого возмущения общества, и здесь информация играет центральную роль. Интересный научный труд был опубликован университетом Гарварда по информационной стратегии и так называемому «регулирующему управлению» [6], который начинается так: «Информация — это жизненная сила регуляторной политики». Определенная информация путем создания положительного общественного мнения позволяет легитимировать глобальные выборы, часто их национализируя, а публичный дискурс представляет эти глобальные решения как принятые на национальном уровне. Данная «информационная трансформация» еще удобнее, поскольку тогда государство несет перед населением политическую ответственность за решение, которое оно на самом деле не принимает. В каком-то смысле государство несет ответственность за отказ от суверенитета, который ему был передан народом.

МАССМЕДИА: ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЛАСТЬ

В обществе, где форма важнее содержания, а подача сообщения убеждает гораздо больше, чем его суть, средства массовой информации, традиционные или нет, играют фундаментальную роль. Тем не менее даже если СМИ являются акторами глобальной системы, можно ли считать их властью?

Принято утверждать, что СМИ стали «четвертой властью» [7] — с XIX в. пресса играет особую роль, и технические достижения способствуют этому. Сейчас с возникновением так называемых «реинформационных» сайтов основная функция СМИ подразделяется на распространение «официальной» информации на службе власти и на распространение «альтернативной» информации, в основном против доминирующей идеологии. Таким образом, процесс распространения информации изначально не принимается как политически нейтральный. В этой логике СМИ выступают не властью, а метавластью, — поскольку они продуцируют определенный дискурс о власти, вопрос их непредвзятости оставляет открытым. Их позиции в этой игре укрепились в 1990-е гг., и они стали винтиком процесса управления: *«Сегодня нет публичного решения, которое бы не сопровождалось стратегией его коммуникации; поэтапность анонса, ее организация, «языковые элементы» на самом деле являются частью решения — то, как оно будет воспринято средствами массовой информации, а затем то, каким образом они будут передавать его публике, постоянно находится в сердце мышления лица, принимающего решения. В этом смысле СМИ, безусловно, являются властью»* [7]. Согласно мнению Марселя Гоше, сущность СМИ изменялась со временем параллельно с изменениями, происходящими в журналистике, на трех стадиях: теневая власть, метавласть, антивласть [8]. В логике оппозиции СМИ превращаются сами во властного актора, поскольку, согласно автору, они выполняют следующие функции: используются для предотвращения попадания народа в неволю и обязывают политиков отчитываться перед избирателями. Тем не менее власть предпочитает самостоятельно принимать решения, и вопрос степени самостоятельности СМИ не рассматривается.

В нашем «сверхкоммуникационном» мире формирование общественного мнения зависит

от распространения той или иной информации. Таким образом, СМИ не только отражают реальность, они ее «пересоздают», обеспечивая переход между плоскостями реальности и коммуникации [9].

Особая роль СМИ ставит вопрос об их источниках информации и мере, в которой они владеют повесткой дня, т.е. насколько они свободны в продуцировании собственного дискурса. Однако обилие информации требует ее сортировки. Выбор критериев, которые используются определенными СМИ, зависит от их идеологической и политической линии, и только наличие множества панелей позволяет гарантировать разнообразие информации в данном обществе. Здесь нет места нейтральности, — всегда есть выбор и все зависит от него. В 1970-х гг. была сформулирована теория установления повестки дня, т.е. *agenda-setting*: «Модель, которая устанавливает причинно-следственную связь между важностью, которую СМИ придают определенным темам (вопросам), и восприятием важности этих тем потребителями новостей. СМИ влияют на повестку дня публичных дел, поскольку публика подстраивает свое восприятие относительной важности тем к тому значению, которое СМИ придают им» [10]. Основная проблема этой теории состоит в том, что самостоятельность СМИ носит относительный характер, поскольку *mainstream*-СМИ работают в основном с официальными источниками, которые не только предоставляют им информацию, но и осуществляют предварительный выбор. Остальные СМИ принципиально работают не с официальными источниками, а с альтернативными, список которых зависит от их владельцев. В этом случае СМИ не являются властью как таковой, поскольку им не хватает автономии, у них нет собственной воли и мощи для осуществления этой воли. Несмотря на это, СМИ являются влиятельными акторами. Они пытаются навязать обществу определенное мировоззрение, которое соответствует политической повестке дня некоторых сил.

Вопрос финансирования СМИ заслуживает внимания, так как издательская деятельность зачастую нерентабельна [11], что способствует созданию связей между частным сектором, большим бизнесом и государством и приведет к неизбежной концентрации СМИ. Тем самым объясняется сходство информационных дискурсов основных СМИ. Во Франции официально

80% СМИ в руках конгломератов, но государственные СМИ или СМИ, финансируемые государством, существенно влияют на общественное мнение: «финансируемые государством СМИ составляют большую четверть аудитории радио — с *Radio France, Radio France internationale (RFI)* и т.д. — и небольшую треть аудитории телевидения — с *France Télévisions, France Médias Monde, Arte...*»³. Помимо финансового вопроса, возникает еще и вопрос роли информационных агентств в формировании информационного дискурса. На Западе доминируют три информационных агентства: Reuters, AP и AFP. Можно увидеть огромное количество статей в СМИ, формально подписанных одним из этих агентств⁴. СМИ не могут стать властью, а, скорее, выглядят как один из инструментов власти.

Можно задать теоретический вопрос: останется ли журналистика журналистикой, если СМИ станут одним центром власти? Не отойдет ли она тогда от своей основной миссии — объективно предоставлять информацию, чтобы люди могли сами формировать собственное мнение? На самом деле в этом случае СМИ будут напрямую влиять на политическую власть в зависимости от своих политических линий. Таким образом, средства массовой информации действуют, распространяя дискурс, который ими не полностью отформатирован.

ВЛАСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ И РЕГРЕСС ДЕМОКРАТИИ

Цифровые технологии появились в середине прошлого века, но они только недавно стали объектом настоящего и нездорового культа, который все больше напоминает так называемый «технологический солюционизм». Данный культ позволил деконструировать информационное поле и привел к атомизации информационного дискурса, что соответствует потребностям постмодернистского общества. Хотя резко увеличилось количество распространяемой информации и было обещано «освобождение»

³ Carasco A. «Qui a le pouvoir de l'information en France» // Vie-publique.fr. 8 novembre 2018. URL: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/268470-qui-le-pouvoir-de-linformation-en-france> (08.11.2021).

⁴ О французском журнале Le Monde, см. здесь: «Pourquoi certains de nos articles sont signés «Le Monde avec AFP»». 07 mai 2021. URL: https://www.lemonde.fr/le-monde-et-vous/article/2021/05/07/pourquoi-certains-de-nos-articles-sont-signes-le-monde-avec-afp_6079504_6065879.html (08.11.2021).

человечества от цензуры, функционально ничего не изменилось. «Цифровая революция» не освободила людей и не защитила демократию, а даже, наоборот, угрожает ее иллюзией и виртуальностью.

«ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И АТОМИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Развитие цифровизации способствовало массовому распространению информации и могло бы повлиять не только на рост ее количества, но и качества. В связи с этим можно было бы ожидать формирования разных центров власти, но, в конце концов, так называемая «цифровая революция» функционально не изменила ситуацию. Цифровизация усилила влияние медийного дискурса на публику, полностью подавленную огромным количеством информации, которую она не в силах ни интегрировать, ни приоритизировать. Согласно исследованию, опубликованному во Франции в 2017 г., плюрализм информационного дискурса не смог расти, поскольку как минимум 64% информации в электронных публикациях являются просто копией уже опубликованного текста. Что касается 36% оригинального материала, «за этим средним показателем скрываются очень сильные различия: распределение показателя оригинальности на самом деле двухрежимное, почти 19% из более чем 850 000 статей, отнесенных к событиям, не демонстрируют оригинальности, и 21% из них являются полностью оригинальными» [12]. Более того, большинство СМИ публикуют *online* материалы информационных агентств, не указывая первоисточник, что приводит к вопросу достоверности и транспарентности информации. В целом после стремительного развития цифровизации в медийных средах не появился самостоятельный информационный дискурс, а лишь усилился его изначальный дефект — политизация. Вследствие чего происходит гомогенизация общего медийного дискурса, который сейчас распространяется быстрее и шире [12]. Иными словами, из-за развития цифровизации СМИ могут эффективнее формировать общественное мнение в независимости от конкретного государства.

В отличие от прежних бесспорных индустриальных революций, так называемая «цифровая революция», которая происходит сейчас, является предметом настоящего культа, и как

все остальные революции, она идеологически не нейтральна. В отношении нее возникает много вопросов, основной из которых — соответствует ли дискурс действительности? Иными словами, на какой плоскости совершена эта революция: реальности или коммуникации? У некоторых есть сомнения: «*Цифровизация и 3D-принтеры продвигаются во имя революции, которую они должны совершить, а интернет-предприниматели становятся демиургическими героями, как и великие изобретатели прошлого. Эти дискурсы — впечатляющим образом возновляют старый технологический прогрессизм, но в основном они рекламные, служащие коммерческим и идеологическим интересам. Они нацелены на продвижение инноваций разрыва против накопления умения, которое не может присвоить ни один человек. ...Многие авторы с энтузиазмом относятся к новым информационным и коммуникационным технологиям и новым инструментам их производства... Цифровые предприниматели, makers, увлеченные “фантастической лабораторией” и другими “удобными для пользователя технологиями”, предсказывают наступление новой эры, когда сбудутся футуристические мечты и все наши демократические и социальные проблемы будут решены чудесным образом*» [13].

В теории так называемого «технологического солюционизма» Евгений Морозов высказывает о сомнительности революционного характера современных цифровых инноваций [14]. По его мнению, каждая человеческая проблема, не важно политическая, социальная или гражданская, систематически пытается реформироваться исключительно с технической точки зрения, которая затем обсуждается частными или государственными цифровыми игроками, которые, наконец, предлагают цифровые решения, цель которых — справиться с последствиями проблем, никогда не интересуясь их причиной. Тем самым, технологический солюционизм, не способный к комплексному подходу решения проблем и оценке сложности политико-социальной жизни, упрощает жизнь человека до уровня техники. Как подчеркивает Морозов, — «*Несовершенство, двусмысленность, непрозрачность, беспорядок и возможность ошибиться, согрешить, совершать неправильную поступку: все это составляет основу свободы человека... Если мы не найдем в себе силы и смелость избежать кремниевого менталитета, который*

питает большую часть поисков человеческого совершенства, мы рискуем оказаться в политике, лишенной всего того, что делает политику желательной» [15]. Появление ощущения инновации, связанного с так называемой «цифровой революцией», в основном стало возможным из-за отсутствия времени (и желания?) объективно оценить действительный вклад интернета, а коллективный энтузиазм (или фанатизм?) объясняется и досадной тенденцией «отдавать предпочтение недавней истории более старой истории», и отказом вставить эти инновации в исторической перспективе [16]. Константин Вячеславович Воронцов, доктор физико-математических наук, профессор РАН, руководитель лаборатории машинного интеллекта МФТИ, ставит под сомнение разумность современного культа цифровизации. По его мнению, люди ожидают от цифровизации какого-то чуда, когда речь идет всего лишь о технике. В этом смысле говорить об искусственном интеллекте ошибочно, скорее всего, речь идет об «имитации интеллекта». Более того, в нынешнем информационном дискурсе об искусственном интеллекте совершенно забыт тот факт, что понятие «искусственный интеллект» появилось в 1950 г. у американцев, а потом до встречи в Давосе в 2016 г. почти не использовалось. После слов Клауса Шваба, Обама, в то время — президент США, дал старт новому сленгу, который сейчас уже не обсуждается. На самом деле, то, что сейчас называют «искусственный интеллект» существует уже более давно под названием «машинное обучение» [17]. Но это уже слишком давняя история для нынешнего информационного мира.

В любом случае стремительное развитие цифровых технологий повлияло на общество. С тех пор и производство, и потребление информации стали массовыми и хаотичными, что не значит «неконтролируемыми». Бурный рост социальных сетей и партисипативных СМИ дал людям возможность «выйти из своего дома», чтобы показать обществу, кем они являются. Это привело к массивификации горизонтальных отношений, столь превозносимых теорией творческого управления, и к обеднению содержания. Недоверие потребителей информации профессиональным «источникам-производителям», а именно журналистам, было отличной поддержкой для совместного регулирования информации: развития партисипативных платформ

и информационных блогов, распространяющих «иную информацию» [18]. Таким образом, это атомизация способствовала разрушению стабильного информационного дискурса. Однако деконструированная система — это система, которая лучше контролируется существующими силами, потому что она сталкивается с совокупностью слабостей и индивидуальностей, функционирующих в основном в режиме скорости и эмоций.

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ БОЛЬШОГО ОБЪЕМА ИНФОРМАЦИИ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В постмодернистском мире плоскость реальности тесно зависит от плоскости коммуникации, поскольку информационный дискурс хорошо развит, вследствие чего созданные демократические механизмы меняются и ослабевают: по большому счету, после того, как на их месте создали информационные дубликаты, от них остается более или менее опустевший каркас.

Первый эффект данного объема — усугубление демократической иллюзии. В любой демократической системе дискуссионный процесс не является самоцелью, главное — это решение, которое прямо или косвенно вытекает из него и которое (как говорят) должно быть принято народом и во благо народа. СМИ, называемые «четвертая власть», являются частью борьбы политико-идеологических групп в вопросах поиска источников финансирования. Это означает, что они влияют на процесс принятия политических решений. Более того, процедуры народных консультаций обычно используются в процессе принятия политических решений, когда их содержание уже определено, для легитимации *post factum*. Ведь право инициировать соответствующие решения не входит в компетенцию народа, а находится в полномочиях определенных политически ориентированных групп. Надо также заметить, что очень часто результат народной консультации не является юридически обязательным для власти и может быть заранее определен предусмотренными юридическими механизмами.

Необходимо обратить внимание на развитие различных «цифровых референдумов», таких как *online*-петиции на цифровых платформах. Эти механизмы очень нужны для поддержания иллюзии демократии, поскольку они сопровождаются громким пиаром в политических

целях, в зависимости от тактических нужд. Действительные народные референдумы проводятся очень редко и особо четко регулируются, поскольку у них есть реальные юридические последствия. Нет такой государственной системы, которая могла бы управляться только механизмами прямой демократии, такими, как референдум, поскольку тогда либо возник бы хаос, либо доминировала определенная особенно активная гражданская группа.

Надо заметить, что нужда в механизмах прямой демократии появляется во время кризиса легитимности власти, в том числе в начале революционных периодов, когда необходимо установить легитимность новых властных институтов. Нельзя путать эти действительные юридические механизмы, от которых напрямую зависит политическое решение, с нынешними так называемыми «цифровыми референдумами» или *online*-петициями, в которых могут принять участие граждане любого государства, иногда даже несколько раз, без действительного контроля. Эти, скорее всего, информационные механизмы, без какого-либо сходства с прямой демократией стали инструментами политической манипуляции. Данной вид «демократического троллинга» дает людям иллюзию участия в какой-то дискуссии и даже в процессе принятия решения, хотя на самом деле никакое действительное юридическое решение от этого не последует. Информационный состав этих механизмов также важен, поскольку они позволяют возобновить необходимую кому-то общественную дискуссию и сориентировать ее в нужное русло. Таким образом, заинтересованная в этом политическая сила может остаться в тени и в конце получить ожидаемую «политическую прибыль» от этих срежиссированных общественных дебатов.

Второй эффект цифровой революции — *деструктуризация системы демократического правления из-за деконструкции человека*. Цифровой мир редуцирует народ до публики, опираясь на равнодушие масс к политике. Постмодернистский культ индивида и его прав без симметричного обращения к его обязанностям привел к взрыву общества изнутри и тем самым обязал это неустойчивое общество заново соединиться вокруг индивидов, у которых нет развитой гражданской культуры и которые все определяют через собственное эго [19]. Данный «массивный» индивидуализм якобы компенсируется создани-

ем психологических механизмов субституции, которые создают выборочную вовлеченность в зависимости от собственного хотения, а не от потребности общества. Например, вышеупомянутая техника цифровых петиций позволяет индивидам отреагировать, когда результаты выборов не те, которые они ожидали увидеть, даже если они сами не голосовали в «реальном мире» и вообще не имеют права голосовать в этой стране. Но сегодня общество глобальное, гражданин мира не обращает внимания на свою страну (поскольку ее у него нет по определению), а только — на глобальные проблемы мира и человечества. Таким образом появляется индивид, у которого нет этноса, т.е. отсутствуют «*общие практики и ценности полиса, реализуемые с течением времени и в соответствии с нормами*» [20]. В данном процессе СМИ играют серьезную роль инициатора и стимулятора для этих массиндивидов. Они распространяют для них определенный «легитимный» дискурс, нужную информацию для того, чтобы они смогли найти свой путь в этом глобальном обществе. Политико-информационная кампания против Брексита или после избрания Трампа отлично иллюстрируют данный процесс манипуляции мнением. Народ больше не является единой группой людей, осознающих свои гражданские обязанности для нормального функционирования страны, а заменен публикой, которая будет реагировать в соответствии с информацией, распространяемой средствами массовой информации, значимость которых преувеличена цифровыми технологами.

Третий эффект, который исходит из первых двух, является *иллюзией правления* и связан с появлением странной «пятой власти» — общественного мнения. Однако оно, кажется, не может быть именно властью из-за отсутствия независимости. Сама идея «пятой власти» появилась из-за того, что СМИ разочаровали некоторые силы своим дефицитом независимости (оппозиционности). В этом смысле беспокоит не сам факт политизации СМИ, а то, что они служат сильным мира сего, прислушиваясь к своему инстинкту выживания. В серьезном французском издании *Le Monde diplomatique* 2005 г. можно прочитать следующие строчки: «*Таким образом, глобализация — это также глобализация средств массовой информации, коммуникации и информации. Прежде всего, обеспокоенные развитием своего гигантизма, который вынуждает их обхаживать*

другие власти, эти большие медийные группы больше не стремятся, в качестве гражданской цели, быть “четвертой властью”, осуждать злоупотребление правом или исправлять дисфункции демократии, чтобы смягчать и усовершенствовать политическую систему. Они даже больше не хотят выступать в качестве “четвертой власти”, не говоря уже о том, чтобы выступать в качестве противовеса власти. ...Надо просто создавать некую “пятую власть”. “Пятая власть” позволяет нам противопоставить гражданскую силу новой коалиции доминирующих. Некая “пятая власть”, функция которой была бы осуждать сверхвласть СМИ, больших медийных групп — пособников и распространителей либеральной глобализации. Эти средства массовой информации, которые при определенных обстоятельствах не только перестали защищать граждан, но иногда действуют против народа в целом» [21]. Необходимо понять, что действительно скрывается за красивыми словами «гражданская сила», которая, по всей видимости, является общественным мнением. Но как это уже было продемонстрировано в отношении медийной власти, общественное мнение по определению не может быть властью, в основном оно является инструментом в руках определенных сил, которые имеют влияние на публику. Таким образом, эта так называемая «пятая власть» ничто иное, как продукт общества потребления информации.

В заключение остается только обратить внимание на неуловимость местонахождения власти, которая исходит из дуализма нынешнего постмодернистского мира. Находится ли власть в плоскости реальности (в действии) или же в плоскости коммуникации (иллюзии)? А может быть, власть находится в интеракции с обеими плоскостями?

До торжества культа цифровизации, сопровождающего постмодернизм, принцип влияния СМИ был установлен и уже не обсуждался. Например, в 1994 г. председатель бельгийского сената опубликовал интересный доклад по этому поводу, где говорилось: «Политика и парламент, СМИ и общественное мнение никогда не развиваются независимо друг от друга... Анализ косвенного влияния за счет фильтрации информации СМИ помогает объяснить еще более важное появление телекратии, благодаря которой цинично, без серьезной политической программы или убедительных аргументов политик нового жанра может соблазнить зрителя-избирателя

просто лозунгами и рекламными приемами»⁵. Иными словами, производство особой определенной информации (т.е. определенного дискурса) влияет на политическую жизнь. При этом технический прогресс не способствует улучшению качества политического дискурса или самой политики.

Учитывая объективную силу влияния СМИ, можно ли утверждать, что они стали местонахождением власти (или, иными словами, — статичной плоскостью власти), поскольку распространяют общий дискурс (даже если они его не совсем самостоятельно продуцируют)? Есть определенные сомнения по этому поводу. Плоскость коммуникации и иллюзии, т.е. виртуальный мир, прежде всего является миром дискурса. В этом смысле он образует плоскость метареальности, т.е. плоскость дискурса о реальности. Виртуальное не может существовать без реального, потому что для создания иллюзии, для создания образа «нового мира» оно должно питаться реальностью. Без реальности он исчезает. И тогда возникает вопрос: в какой степени местонахождение власти может позволить себе отсутствие автономии? Переноса анализ на уровень государственной власти, это равносильно тому, может ли несuverенное государство сохранить свою власть. Однако если такое государство может осуществлять некоторые полномочия, оно не владеет инициативой выбора. Так обстоит дело с виртуальным миром: он воспроизводит дискурс, отбирает информацию, но исходный материал, исходная информация производятся в плоскости реальности.

Однако именно посредством взаимодействия этих механизмов между двумя плоскостями создается «новая» реальность, которая обязывает и обуславливает осуществление власти в плоскости реальности после того, как реальное предоставит «сырье» для виртуального. В этом смысле можно сказать, что местонахождение власти в нашем постмодернистском мире — не на одной или другой статичной плоскости, а выражается в умении владеть взаимодействием между плоскостями коммуникации и реальности. И актер, который владеет схемой взаимодействия этих плоскостей, будет иметь доступ к механизмам власти.

⁵ Доклад Ф. Сваеллена, председателя бельгийского сената. «Les médias comme facteur de pouvoir dans la politique». URL: https://www.senat.fr/europe/dossiers/conference_presidents/rapport_swaelen_lahaye94.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Béchet-Golovko K. Russie: la tentation néolibérale. Paris: L'Harmattan; 2018.
2. Grindle Merilee S., Thomas J.W. Policy makers, policy choices, and policy outcomes: The political economy of reform in developing countries. *Policy Science*. 1989;(3–4):213–248.
3. Buck S.J. Understanding Environmental Administration and Law. Washington: Island Press, 3ed edition; 2006.
4. Burns T., Stalker G.M. The Management of Innovation. London: Tavistock Publications; 1961.
5. Ferrer C. La diffusion de la théorie du chaos dans les sciences humaines, les sciences sociales et les arts: une épidémie postmoderne. URL: <http://journals.openedition.org/trans/267>.
6. Coglianese C., Zeckhauser R., Parson E. Securing Truth for Power: Informational Strategy and Regulatory Policy Making. John F. Kennedy School of Government, Harvard University, Faculty Research Working Papers Series; 2004.
7. Kessler D. Les médias sont-ils un pouvoir? *Revue Pouvoir*. 2012;(4):105–112.
8. Gauchet M. Contre-pouvoir, méta-pouvoir, anti-pouvoir. *Le Débat*. 2006;(1):17–29.
9. Citton Y. Médiarchie. Paris: Edition du Seuil; 2017.
10. Charron J. *Les médias et les sources. Les limites du modèle de l'agenda-setting*. Hermès, la Revue; 1995. No. 3.
11. Toussaint-Desmoulins N. «Le financement de la presse». In: Toussaint-Desmoulins N. *L'économie des médias*. Paris: Presses Universitaires de France; 2015.
12. Cagé J., Hervé N., Viaud M.-L. L'information à tout prix. URL: <https://larevuedesmedias.ina.fr/64-de-ce-qui-est-publie-en-ligne-est-du-copie-colle-pur-et-simple>
13. Jarrige F. Révolutions industrielles: histoire d'un mythe. *Revue Projet*. 2015;(6):17–18.
14. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. Public Affairs Book; 2014.
15. Cramer B.W. Review of “To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism”, by Evgeny Morozov. *Journal of Information Policy*. 2014;(4):173–175.
16. Dessus P. Pour tout résoudre, cliquez ici. URL: <https://journals.openedition.org/dms/963>
17. Воронцов К.В. *Имитация интеллекта: «цифровая магия» и ее разоблачение*. URL: https://zavtra.ru/blogs/imitatsiya_intellekta
Vorontsov K.V. Imitation of intelligence: “digital magic” and its exposure. URL: https://zavtra.ru/blogs/imitatsiya_intellekta. (In Russ.).
18. Bernier M.-F. La montée en puissance d'un «5e pouvoir»: les citoyens comme acteurs de la corégulation des médias? URL: <http://journals.openedition.org/ethiquepublique/1077>
19. Charbonneau J.-P. De la démocratie sans le peuple à la démocratie avec le peuple. URL: <http://journals.openedition.org/ethiquepublique/1969>
20. Clair A. *Droit, communauté et humanité*. Paris: éditions Cerf; 2000.
21. Ramonet I. Le cinquième pouvoir. *Le Monde diplomatique*. Octobre 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карин Беше-Головко — доктор публичного права, президент ассоциации юристов Комитас Генциум Франция-Россия, Париж, Франция; приглашенный профессор МГУ, Москва, Россия
bechet.golovko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Karine Béchet-Golovko — Doctor of Public Law, President of the Komitas Gentium France-Russia Lawyers Association, Paris, France; Visiting professor at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
bechet.golovko@gmail.com

Статья поступила 10.11.2021; принята к публикации 03.12.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.11.2021; accepted for publication on 03.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-37-49
УДК 32.019.51(045)

Цифровой менеджмент политических акторов и медийных агентов в ходе событий в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: дискурсивное поле и механизмы распространения*

Н.А. Тюков^а, Е.Р. Никулин^б, В.Л. Шаповалов^с

^{а, б, с} Московский педагогический государственный университет, Москва Россия;
^а Финансовый университет, Москва, Россия; ^с МГИМО МИД России, Москва, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3431-9031>;
^с <https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выявлению особенностей цифрового менеджмента оппозиционных (протестных) и провластных продуцентов релевантного контента (политических акторов и медийных агентов), активно участвовавших в протестной волне в Республике Беларусь в 2020–2021 гг. Определенные сходства коммуникационной и политической культуры позволяют говорить, что примененные алгоритмы могут быть использованы неконвенциональными силами для дестабилизации ситуации в Российской Федерации. С помощью гибридной методики, включающей в себя дискурс-анализ и автоматизированный социально-медийный анализ, изучены цифровой менеджмент продуцентов контента, контекстуально-дискурсивное поле, особенности стратегии коммуникации в сетевой среде для трансляции выработанных дискурсов.

Ключевые слова: сетевое пространство; цифроток; цифровой менеджмент; дискурсивное поле; семантическое ядро; сегмент блогосферы; Республика Беларусь

Для цитирования: Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л. Цифровой менеджмент политических акторов и медийных агентов в ходе событий в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: дискурсивное поле и механизмы распространения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):37-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-37-49

ORIGINAL PAPER

Digital Management of Political Actors and Media Agents During the Republic of Belarus Events in 2020–2021: The Discursive Field and Dissemination Mechanisms**

N.A. Tyukov^а, E.R. Nikulin^б, V.L. Shapovalov^с

^{а, б, с} Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia;
^а Financial University, Moscow, Russia; ^с MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3431-9031>;
^с <https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>

ABSTRACT

The article is devoted to identifying the features of digital management of opposition (protest) and pro-government producers of relevant content (political actors and media agents) who actively participated in the protest wave in the Republic of Belarus in 2020–2021. Certain similarities of communication and political culture allow us to say that unconventional forces can use the applied algorithms to destabilize the situation in the Russian Federation. Using a

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 21–011–31848 опн «Политический кризис в Белоруссии в 2020–2021 гг. (акторы, технологии, механизмы): вызовы для России».

** The study was carried out within the framework of the RFBR grant No. 21–011–31848 opn, “Political crisis in Belarus in 2020–2021 (actors, technologies, mechanisms): challenges for Russia”.

hybrid technique, including discourse analysis and automated social media analysis, the authors studied the digital management of content producers, the contextual discourse field, and the features of communication strategy in a network environment for broadcasting the generated discourses.

Keywords: network space; digital flow; digital management; discourse field; semantic core; the segment of the blogosphere; Republic of Belarus

For citation: Tyukov N.A., Nikulin E.R., Shapovalov V.L. Digital management of political actors and media agents during the Republic of Belarus events in 2020–2021: The discursive field and dissemination mechanisms. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):37-49. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-37-49

ВВЕДЕНИЕ

Протестная волна 2020–2021 гг. стала самой продолжительной и массовой в постсоветской истории Республики Беларусь (далее — РБ). Стратегии цифрового менеджмента продуцентов релевантного контента (политических акторов и медийных агентов), вовлеченных в исследуемую протестную повестку, наглядно показывают эффективные и неэффективные сценарии цифрового противостояния, возможности конвертации его в офлайн-среду и купирования неконвенциональных действий средствами сетевой коммуникации.

В силу схожести языкового, социально-медийного и культурного пространства Республики Беларусь и Российской Федерации, трансграничности информационного пространства и взаимного использования «образа соседей», можно предположить, что дискурсивное поле, механизмы масштабирования и мобилизации групп населения для дестабилизации внутриполитической ситуации, примененные в РБ, могут оцениваться как эффективные и для применения в отношении РФ.

В качестве теоретической базы исследования использовались работы, позволяющие разносторонне изучить объектно-предметную область, а также сформировать валидную методику. Труды М. Кастельса [1], П. Бергера и Т. Лукмана [2], Дж. Томпсона [3], Г. Рейнгольда [4], Е. В. Бродовской [5] определяют механизмы и способы влияния сетевого пространства на политическую повестку в офлайн-среде. Цифровому менеджменту политических акторов в сетевом пространстве посвящены работы Е. В. Бродовской [6, 7], Д. В. Чижова [8] и др. Исследования А. Ю. Домбровской [9], А. А. Косорукова и В. С. Осипова [10], Э. Т. Есиева [11] позволяют проанализировать поведение в сетевом пространстве в контексте протестной активности белорусов с 2019 г.

Методологически исследование опирается на сетевую и неоинституциональный (когнитивная

версия) подходы. Методика исследования носит гибридный характер и включает в себя дискурс-анализ и автоматизированный социально-медийный анализ. В исследовании применяются две категории продуцентов релевантного контента: политический актор (профиль, однозначно аффилированный с участником политического процесса) и медийный агент (неперсонифицированное сетевое сообщество) в трех политических позициях (провластный; оппозиционный; формально аполитичный), что дает пять базовых значений.

Для формирования датасета были отобраны релевантные продуценты контента и составлена матрица дискурс-анализа. При отборе релевантных продуцентов контента квотирование осуществлялось по уровню популярности в белорусском сетевом пространстве¹ и степени политизированности². Пул продуцентов распределился следующим образом: ВКонтакте (ВК) — 30 (аккаунтов); Одноклассники (ОК) — 15; You Tube — 10; Telegram — 15; Facebook — 10; Instagram — 5; Twitter — 15. Характеристики пользователей³ специально не учитывались.

Матрица дискурс-анализа (выборочная совокупность равна 671 единицам анализа) представлена в табл. 1.

Автоматизированный социально-медийный анализ (вес загрузки равен 693 126 единиц анализа) реализован с помощью инструмента IQ Buzz (словарь — билингвальный, цифросток сегментируется на 4 рубрики: протестный внутренний/

¹ Составлен Топ-5 самых популярных соцсетей и мессенджеров в Беларуси. URL: <https://www.nv-online.info/2018/10/31/sostavlen-top-5-samyh-populyarnyh-sotssetey-i-messendzherov-v-belarusi.html>

² Финальный аккорд: III волна исследований политизации социальных сетей Интернета. URL: <https://riorpub.com/ru/storage/viewWindow/25635>

³ Использование социальных сетей и мессенджеров в Беларуси — какие платформы в Топе. URL: <https://marketing.by/analitika/ispolzovanie-sotsialnykh-setey-i-messendzherov-v-belarusi-rejting-populyarnosti-i-auditornye-predpoch/>

Таблица 1 / Table 1

Матрица дискурс-анализа / Discourse analysis matrix

Параметр	Значения параметра
1. Политическая позиция единицы анализа	1 – провластный политический актор, представленный в сети; 2 – провластный медийный агент; 3 – оппозиционный политический актор, представленный в сети; 4 – оппозиционные медийные агенты; 5 – формально аполитичный медийный агент
2. Язык единица анализа	1 – русский язык; 2 – белорусский язык; 3 английский язык
3. Сетевая платформа	1 – ВК; 2 – ОК; 3 – YouTube; 4 – Facebook; 5 – Telegram; 6 – Instagram; 7 – Twitter
4. Технология манипуляции единицы анализа	1 – метод повторения; 2 – метод наклеивания ярлыков; 3 – метод «общего вагона»; 4 – метод утечки секретной информации; 5 – метод «спирали молчания»; 6 – метод универсальности; 7 – метод объективного подхода; 8 – метод семантического манипулирования; 9 – метод перефокусировки внимания; 10 – метод введения в сознание поляриности; 11 – метод «средних цифр»; 12 – метод «белого шума»; 13 – метод «органического совпадения точек зрения»; 14 – метод «информационной перегрузки»; 15 – отсутствие манипуляций, представленных в списке
5. Контекст	-
6. Дискурс	-
7. Семантическое ядро	-
8. Дата	-

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

внешний; провластный внутренний/внешний). Матрица анализа состоит из следующих параметров: вес релевантного цифрового потока (рубрики), тип цифрового потока (указывается% комментариев) и его семантическое ядро.

Параметром оценки эффективности цифрового менеджмента является уровень вовлеченности (ERday%)⁴. Показатель определялся с помощью инструмента Popsters, рассчитывался недельными интервалами как среднее арифметическое значение за период для каждого значения параметра 1, указанного в табл. 1.

В семантическое ядро включались слова и словосочетания, выявленные при реализации дискурс-анализа и автоматизированного социально-медийного анализа. Семантика сегментирована на три группы: слова, отражающие событийный компонент; слова-призывы (в первую очередь, глаголы); слова-концепты, транслирующие содержательные элементы контента.

При анализе собранной эмпирической базы получены следующие результаты.

Определена **хронологическая дифференциация событийного ряда** (рис. 1), являющаяся основой для анализа цифрового менеджмента. Определяя основным критерием для обозначения этапа совокупный вес цифровых потоков, можно выделить **четыре этапа**⁵. Все участники действовали в общем событийном ряду.

1. Подготовительный этап (01.06.2020–02.08.2020) — вес варьировался в пределах от 3000 до 5000 исследовательских случаев в неделю.

2. Этап эскалации (03.08.2020–28.09.2020) — от 20 000 до 35 000 случаев.

3. Этап «эха» (28.09.2020–01.11.2020) — от 3000 до 5000 случаев.

4. Заключительный этап (с 02.11.2020) — ниже 3000 случаев в неделю.

Определено **контекстуально-дискурсивное поле политических акторов и медийных агентов и его трансформация в рамках выявленных этапов** (рис. 2).

Поле структурировано по параметрам «значения» (параметр 1 табл. 1), выявленным этапам

⁴ ERday% = сумма всех реакций пользователей на контент продуцента / (количество постов в день × число подписчиков) × 100%.

⁵ Поскольку степень корреляции высока, согласно шкале Чеддока, имеется основание сформировать один хронологический ряд для анализируемых цифровых потоков.

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика цифрового инфопотока / Dynamics of digital information flow

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

и сегментировано по выявленным контекстам. Значок «*» — дискредитирующий посыл контекста (негативный контекст); «♥» — контекст, нацеленный на консолидацию сторонников (позитивный контекст).

ЦИФРОВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ ПРОВАСТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ И МЕДИЙНЫХ АГЕНТОВ

Анализ цифрового менеджмента **провластных политических агентов** (табл. 2) позволяет сделать следующие выводы. **Дискурсивное поле** (рис. 2) демонстрирует невысокую степень охвата тем, а дискурсы малочисленны и касаются одного-двух аспектов жизни белорусского общества. Для позитивного контекста характерна высокая степень персонификации (вокруг фигуры А. Лукашенко), а негативный контекст в большей мере сориентирован на дискредитацию протестующих и акцентирует внимание на факторах, дегуманизирующих их.

Язык на протяжении всех этапов — русский.

В **сетевой инфраструктуре** доминирующей (на большинстве этапов — единственной) платформой была ВК, что свидетельствует о низкой подготовленности провластной цифровой инфраструктуры.

Доля побуждающего к действиям контента крайне низка. Соотношение рационального (min — 38%, max — 53%) и эмоционального компонента (min — 41%, max — 59%) показывает сбалансированность аргументации.

Уровень вовлеченности в контент низок. Максимальное значение (ER% — 10,71) отмечается лишь в фазе эскалации, что коррелируется с весовой динамикой провластного цифротока и объясняется стремлением пользователей получать информацию из первоисточника.

Анализ цифрового менеджмента **провластных медийных агентов** (МА) (табл. 3) показывает значительное сходство применяемых механизмов с аналогичным — для акторов. **Дискурсивное поле** схоже с контентом, продуцируемыми профилями политических акторов, что указывает на высокую степень их координации. Но при этом поле, формируемое провластными МА, более обширно и включает в себя более широкий спектр тематик, дискредитирующих лидеров протеста и протестующих. В первую очередь затронута языковая проблематика, являющаяся одним из ключевых идентификаторов для РБ, а также ее ближайших соседей. Об этом же свидетельствует **языковая стратегия** (100% — русский).

В **сетевой инфраструктуре** доминирующей платформой на всех этапах оказывались ОК, что не исключало использование ВК в качестве ведущей сетевой платформы. Следует отметить использование для ретрансляции YouTube и последовательное увеличение числа каналов.

Соотношение содержательных особенностей указывает на смену стратегии: на подготовительном этапе высока доля контента, призывающего к конвенциональным действиям (выборы), а вес рационального компонента

Формально аполитичные медийные агенты	✱Репрессии против политических оппонентов Лукашенко; Недоверие к выборам	♥Консолидация Запада с протестующими	✱Жестокость правоохранителей; Массовый характер репрессий	♥Солидарность российских и белорусских протестующих
	♥Белорусы за перемены	✱Репрессии против политических оппонентов Лукашенко	♥Белорусы за перемены	✱ «Закручивание гаек»; Репрессии правозащитников и прессы
Оппозиционные медийные агенты	✱Недоверие к выборам; Лукашенко-идиот; Репрессии против несогласных; Репрессии против женщин; Лукашенко-неудачник; Лукашенко устарел; Призыв бойкотировать выборы; Лживость гос. пропаганды	✱Жестокость правоохранителей; Лукашенко-диктатор; Лукашенко некрасив; «Закручивание гаек»; Недоверие к выборам; Лукашенко не чит Куропаты; Лукашенко-«домашний тиран»; Лукашенко-идиот; Пытки протестующих в тюрьме; Жертвы режима; Лукашенко-трус; Лукашенко болен	✱Жестокость правоохранителей; Лукашенко болен; Недоверие к выборам; Массовость репрессий; Лукашенко-идиот; Притеснение национальных меньшинств в РБ; Пытки протестующих в тюрьме; Сторонники Лукашенко-«жертвы пропаганды»	✱Жестокость правоохранителей; Лукашенко бросил больного сына; Несправедливость судебной системы по отношению к протестующим; Лукашенко-идиот; Лукашенко-диктатор; Репрессии против женщин; Пытки протестующих в тюрьме; Критика противокоррупционных мер; Жертвы режима; Лукашенко неудачник; Репрессии священников; Лукашенко устарел; Крах экономики Лукашенко; Сторонники Лукашенко-«жертвы пропаганды»; РБ-изгой для мира; Придание протесту оттенка религиозной войны; Репрессии студентов; Репрессии несовершеннолетних; Лукашенко болен; Дискурс Протасевича
	♥Консолидация Запада с протестующими; Призыв к мирным акциям несогласия; Католическая церковь за протест; Призыв участвовать в выборах; Рабочие за протест; Белорусские диаспоры с протестующими; Студенты за протест; Песни протеста	♥Призыв участию в выборах; Белорусы за перемены; Искусство протеста; Призыв к мирным акциям несогласия; Рабочие за протест; Слоганы протеста; Студенты за протест; Спортсмены за протест; РПЦ за протест	♥Консолидация Запада с протестующими; Белорусские диаспоры с протестующими; Призыв к активному протесту; Мирный протест; Протест «не сдуся»; Рабочие за протест; РПЦ за протест	♥Консолидация Запада с протестующими; Призыв к активному протесту; Белорусы за перемены; Призыв к мирным акциям несогласия; Песни протеста; Мерч протеста; Искусство протеста; Рабочие за протест; Студенты за протест; Пенсионеры за протест; Врачи за протест; Многодетные родители за протест; Мирный характер протеста; Белорусские диаспоры с протестующими; Белорусский язык-символ протеста; РПЦ за протест; Сбор помощи политзаключенным
Оппозиционные политические акторы, представленные в сети	✱Лукашенко-узурпатор и диктатор; Лукашенко-убийца; Лукашенко-трус; Лукашенко не чит Куропаты; Лукашенко «сдал» РБ РФ	✱Лукашенко устарел; Песни протеста; Крах экономики Лукашенко	✱Крах экономики Лукашенко; Придание протесту оттенка религиозной войны	✱Лукашенко некрасив; Инструкция для протестующих; Лукашенко «сдал» РБ РФ; Лукашенко не чит Куропаты; Недоверие к выборам
	♥Белорусы за перемены; Образ будущего без Лукашенко	♥Образ будущего без Лукашенко; Протест «не сдуся»	♥Белорусы за перемены; Гуманизация протестующих	♥Консолидация Запада с протестующими; Протест «не сдуся»; Символы протест-белорусские поэты прошлого
Провластные медийные агенты	✱Тихановский-«полит. труп»; Вмешательство Запада в выборную повестку; Лидеры протеста – противники русского языка; Протестующих мало (нет широкой поддержки); Лидеры протеста – предатели Родины; Протестующие – «жертвы пропаганды»	✱Дегуманизация протестующих; Вмешательство Запада в выборную повестку; Жестокость протестующих; Протестующих мало (нет широкой поддержки); Угрозы семье Лукашенко; Протестующие – безработные маргиналы;	✱Дегуманизация протестующих; Тихановская не способна на переговоры; Путило-глупец и лжец; Лидеры протеста – предатели Родины; Травля ОМОНцев; Жестокость протестующих	✱Дегуманизация протестующих; Вмешательство Запада в протестную повестку; Тихановская не способна на переговоры; Ложь оппозиционной пропаганды; Лидеры протеста – предатели Родины; Дискредитация символики протеста; Травля ОМОНцев; Протестующие разрушают РБ
	♥Призыв к активному участию в выборах; Честность и прозрачность выборов; Лукашенко-мудрец; Лукашенко против олигархов; Белорусы за Лукашенко	♥РПЦ за Лукашенко; Призыв к активному участию в выборах; Честность и прозрачность выборов; Лукашенко-мудрец; Лукашенко – проф.управленец; Гуманизация ОМОНцев		♥Белорусы за Лукашенко; Лукашенко-мудрец; Гуманизация ОМОНцев; Лукашенко-проф.управленец; ОМОНцы-профессионалы
Провластные политические акторы, представленные в сети	♥РПЦ за Лукашенко; Лукашенко – проф. управленец	✱Ложь оппозиционной пропаганды; Лидеры протеста – предатели Родины	♥Лукашенко-мудрец	✱Протест бесполезен; Протестующие – «жертвы пропаганды»; Тихановский-жулик; Отсутствие демократии на Западе
	✱Вмешательство Запада в протестную повестку; Тихановский-жулик	♥Белорусы за Лукашенко	✱Вмешательство Запада в протестную повестку; Протестующих мало (нет широкой поддержки)	♥РПЦ за Лукашенко
	I этап 01.06.2020–02.08.2020	II этап 03.08.2020–27.09.2020	III этап 28.09.2020–01.11.2020	IV этап 02.11.2020–28.06.2021

Рис. 2 / Fig. 2. Контекстуально-дискурсивное поле / Contextual-discourse field

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Особенности цифрового менеджмента провластных политических акторов, представленных в сети, % / Particular features of digital management of pro-government political actors represented on the network, %

Параметр	Значения	I этап	II этап	III этап	IV этап
Сетевая платформа	Канал активной коммуникации	ВК	ВК	ВК, ОК, YouTube	ВК
Содержательные особенности, %	Рациональные	40	38	52	53
	Эмоциональные	57	59	41	47
	Поведенческие	3	3	7	0
Язык, %	Русский язык	100	100	100	100
	Белорусский язык	0	0	0	0
Вовлеченность	ER %	3,16	10,71	5,15	2,51

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Особенности цифрового менеджмента провластных медийных агентов, % / Particular features of digital management of pro-government media agents, %

Параметр	Значения	I этап	II этап	III этап	IV этап
Сетевая платформа	Канал активной коммуникации	ОК, YouTube, ВК	ОК, YouTube, ВК	ОК, YouTube, ВК, Facebook	ОК, YouTube, ВК, Facebook, Twitter
Содержательные особенности, %	Рациональные	46	48	36	31
	Эмоциональные	43	48	64	69
	Поведенческие	11	4	0	0
Язык, %	Русский	100	100	100	100
	Белорусский	0	0	0	0
Вовлеченность	ER %	3,36	18,19	19,64	10,51

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

показывает стремление навязать конструктивные модели поведения. На заключительных этапах ведущей целью данных медийных агентов являлось обособление протестно активных граждан и их лидеров, отрыв их от «большинства» в сознании потребителя контента. Об этом свидетельствует соотношение эмоционального и рационального (69% к 31% на четвертом этапе) в сочетании с дискредитирующими дискурсами.

Уровень вовлеченности показывает «позднее включение» и догоняющую стратегию. Пиковые значения вовлеченности в информационный поток — этапы эскалации (ER% — 18,19),

а «эха» (ER% — 19,64). Можно сказать, что это явно выраженная реакция на стимул в активной фазе и его рефлексия в период «эха».

Оценивая **цифровой менеджмент** лоялистского пула, можно отметить акцентирование внимания на несостоятельности образа протестующих, их лидеров, а также требований, позиционируемых как деструктивные. Ключевой площадкой для трансляции смыслов являлся ВК, однако с развитием событий, спектр инфраструктуры максимально расширился — можно говорить о работе «по площадям» с целью противостояния на максимальном количестве площадок и охвата новых целевых групп.

Таблица 4 / Table 4

Особенности цифрового менеджмента оппозиционных политических акторов, представленных в сети, % / Particular features of digital management of political protest actors represented on the network, %

Параметр	Значения	I этап	II этап	III этап	IV этап
Сетевая платформа	Канал активной коммуникации	Telegram, ВК, ОК	Telegram, ВК, ОК, Instagram	Telegram, ВК, ОК, Instagram, Twitter, Facebook	Telegram, ВК, ОК, Instagram, Twitter, Facebook
Содержательные особенности, %	Рациональные	7	16	33	14
	Эмоциональные	69	66	67	74
	Поведенческие	24	18	0	12
Язык, %	Русский язык	69	69	56	76
	Белорусский язык	31	25 (4% – английский язык)	25 (19% английский язык)	21 (3% – английский язык)
Вовлеченность	ER %	64,3	23,47	47,4	98,3

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ЦИФРОВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ ОППОЗИЦИОННЫХ (ПРОТЕСТНЫХ) ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ И МЕДИЙНЫХ АГЕНТОВ

Анализ цифрового менеджмента **оппозиционных политических акторов** (табл. 4) позволяет сделать следующие выводы.

Продуцируемое **дискурсивное поле** — узкое, но относительно аналогичных провластных акторов — шире и многозначнее. В рамках негативного контекста транслировались дискурсы, посвященные дегуманизации образа президента РБ. Примечательно, что до фазы «эха» характерна дискредитация А. Лукашенко как государственно-го деятеля, затем подчеркивались его негативные черты как человека и семьянина, что свидетельствует о поиске новых дискурсивных месседжей. В рамках позитивного контекста акцентируется внимание на культурно-исторической повестке, темах искусства.

Язык ярко показывает особенности коммуникации — в контенте в значительных долях присутствуют белорусский (max 31%, этап 1) и английский (max 19%, этап 3).

Сетевая инфраструктура выстраивалась на трех платформах (Telegram, ВК, ОК) с постоянным расширением спектра сетевых площадок для трансляции дискурсивного поля. Это логично рассматривать с точки зрения рекрутинга новых сторонников (вовлечение

новых целевых групп) за счет пользователей иных сетевых площадок. Стоит отметить раннее включение в инфраструктуру Instagram, и отсутствие в ней YouTube.

Соотношение содержательных особенностей показывает моменты, характерные для «цветных протестов» — эмоциональная доминанта (не ниже 66%), в сочетании поведенческими установками на этапах 1 (24%) и 2 (18%)⁶ при низкой рациональности контента (max 33% — этап «эха»).

Особо следует отметить языковую эволюцию — снижение использования белорусского языка (с 31 до 21%), а также постоянное расширение спектра сетевых площадок для трансляции дискурсивного поля. Такие тенденции логично рассматривать с точки зрения рекрутинга сторонников (вовлечение новых целевых групп) за счет пользователей иных сетевых площадок.

Уровень вовлеченности, достаточно высокий на всех этапах, демонстрирует характерный «провал» на этапе эскалации и чрезмерный показатель на завершающем этапе (ряд ER% — 64,3; 23,47; 47,4; 98,3). Можно полагать, что мы имеем подтверждение выхода протеста в офлайн и окончательного перемещения оппозиции «на диван».

Анализ цифрового менеджмента **оппозиционных медийных агентов** (табл. 5) показывает

⁶ Мая Радзіма Беларусь. URL: https://m.facebook.com/zubranja/posts/1105635673171839?_rdr

Таблица 5 / Table 5

Особенности цифрового менеджмента оппозиционных медийных агентов, % /
Particular features of digital management of protest media agents, %

Параметр	Значения	I этап	II этап	III этап	IV этап
Сетевая платформа	Канал активной коммуникации	BK, Telegram, Twitter	BK, Telegram, Twitter	BK, Telegram, Twitter	BK, Telegram, Twitter
Содержательные особенности, %	Рациональные	19	2	3	8
	Эмоциональные	73	47	76	65
	Поведенческие	8	51	21	27
Язык, %	Русский язык	44	18	39	46
	Белорусский язык	56	82	61	54
Вовлеченность	ER %	13,65	62,52	72,38	94,45

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

набор ярко выраженных характеристик стимулирования протестного поведения.

Протестные медийные агенты сформировали самое многозначное **дискурсивное поле**. Тематические дискурсы протестных акторов и МА схожи: активно транслируются национально ориентированные ценности РБ, обособляющие ее от идентичности исторической и культурной общности с РФ, идея национальной «самости». Но внимание акцентируется на реакции властей РБ на протестную повестку («неадекватная»). Это говорит о сегментации дискурсов: если акторы, представленные в сети, сосредоточились на негативизации образа А. Лукашенко, то МА, помимо этого, освещали проблематику репрессий, усиливая эмоциональную консолидацию сторонников. Эмоциональный контент доминировал (min — 47%, max — 76%).

Более того, дискурсивное поле характеризуется высокой долей призывов к действиям, что коррелирует с дифференциацией протестного цифрового потока по значениям параметра «содержательные особенности» [на этапе 2 (эскалация) — 51% поведенческого контента].

Это указывает на распределение ролей в блоке оппозиционных продуцентов: политические акторы через свои профили повышают уровень эмоциональности цифрового потока, стимулируя протестную активность аудитории, а их медийные агенты инструктируют пользователей, т.е. конвертируют онлайн-протест в офлайн.

Цифровая инфраструктура оппозиционных МА на редкость стабильна: BK, Telegram, Twitter, — при том, что у всех остальных она изменялась.

Это указывает на заданность «поля атаки» через слабоадминистрируемые сети с нужной целевой аудиторией.

Преобладающим **языком** контента на всех выявленных этапах является белорусский (min — 54%). Особенно ярко данная тенденция проявляется в период эскалации (82%), что коррелирует с языковой окрашенностью протеста.

С учетом содержательных особенностей контента лидеров протеста подтверждается тезис о том, что именно данные медийные агенты являлись звеном, конвертирующим онлайн-протест в офлайн.

Примечательно также, что **уровень вовлеченности** в цифровую коммуникацию характеризуется восходящим трендом. От этапа к этапу показатель ERday% вырос в 7 раз (с 13,65 до 94,45%), что не вполне коррелирует с динамикой лидеров протеста и в сочетании с другими факторами говорит скорее о самостоятельной роли оппозиционных медийных агентов в процессах.

Таким образом, **цифровой менеджмент** оппозиционных политических акторов и медийных агентов был направлен на формирование культурной идентичности белорусских пользователей путем обособления от РФ (в том числе, через использование белорусского языка) и акцентирования их внимания на «европейском», «западном» пути РБ, апелляции к мировому сообществу, о чем также свидетельствует использование английского языка. Четко определяется разный функционал: акторы (лидеры) формировали протестные установки пользователей, а медийные агенты усиливали их и конвертировали в офлайн-

Таблица 6 / Table 6

Особенности цифрового менеджмента формально аполитичных медийных агентов, % / Particular features of digital management of formally apolitical media agents, %

Параметр	Значения	I этап	II этап	III этап	IV этап
Сетевая платформа	Канал активной коммуникации	BK, Facebook	BK, Telegram	BK, Telegram	BK, Telegram
Содержательные особенности, %	Рациональные	0	14	33	31
	Эмоциональные	100	71	67	69
	Поведенческие	0	15	0	0
Язык, %	Русский язык	67	71	100	86
	Белорусский язык	33	29	0	14
Вовлеченность	ER %	35,9	19,73	33,25	60,24

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

пространство. Вместе с тем совокупность характеристик дискурсивного поля, продуцируемого медийными агентами, позволяет говорить об их самостоятельной и ведущей роли в процессе относительно иных продуцентов протестного цифротока.

Анализ цифрового менеджмента аполитичных медийных агентов (табл. 6) показывает, что, являясь формально аполитичными, в информационном пространстве они выступали, по меньшей мере, как симпатизанты оппозиции. В продуцируемых дискурсах выявлены сугубо протестные. Они интерпретируют событийный ряд, связанный с протестной повесткой, с целью дегуманизировать провластных политических акторов (акцент на репрессиях), а также сформировать установку поддержки большинством ценностей протеста («белорусы — за перемены»).

Следует отметить, что данные агенты не выходили за рамки своей повседневной **цифровой инфраструктуры**: превалирует контент на русском **языке** (в среднем $\frac{3}{4}$), ключевой сетевой платформой является ВК. Продуцируемый контент является преимущественно эмоциональным и в значительной мере носит юмористический характер.

Следует отметить несколько моментов. Выделяется всплеск (15%) поведенческого контента на этапе эскалации. Динамика коэффициента **вовлеченности** коррелирует с показателем оппозиционных политических акторов. Однако аполитичные МА скорее следовали за событиями, на что указывает частота простейших форм вовлеченности.

Следовательно, трансляция протестных установок пользователей осуществлялась и формально аполитичными МА. Подобного рода ситуация позволила протестным политическим акторам расширить свою аудиторию за счет «неопределившихся», вовлекая их в протестную повестку через дегуманизацию руководства РБ и их действий путем высмеивания.

СПЕКТР ТЕХНОЛОГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО

Содержательный анализ контента позволил определить **спектр технологий манипулирования**, применявшийся в рамках протестной волны в Белоруссии. На три метода («повторения», «семантического манипулирования» и «наклеивания ярлыков») пришлось от 79 до 84% релевантного контента (в зависимости от этапа), продуцируемого медийными агентами с разной политической позицией. Обе стороны выбрали технологии, оказывающие влияние на эмоциональное состояние потребителя, отличающиеся простотой использования продуцентами контента.

Определение **семантического ядра релевантного цифротока** показывает содержательное наполнение текстов, в том числе и манипулятивное. Семантический ряд (рис. 3) был сегментирован по этапам и направленности потока.

На подготовительном этапе и фазе эскалации провластный цифрпоток характеризуется высокой степенью апелляции к внешнеполитическим игрокам в событийном сегменте, а призывы и ряд слов-концептов заключаются в формиро-

4 этап	Минск; Гродно; Брест; беспорядки; Витебск; Гомель; Могилев; Путин; самолет. жить мирно; призвать к миру; работать. БЧБ-тряпка; Белорусский Майдан; западные кураторы; радикалы; сакральная жертва; скандальный авиапассажир; компания эмигрантов; Президент Лукашенко; мир; Всебелорусский; государственное предприятие; гражданин; место для жизни; наш дом; БЧБ-быдло	Минск; Путин; Марш Мудрости; отравление; акция; Москва; Алексей Навальный; дворец Путина; акция; Марафон волі; Пенсионный протест; ФСБ; Россия; Гомель; Пинское дело; расследование; планы «Перамога»; Пінская справа; суд над Навальным Думать; решение; пойти; хотеть; знать; я выхожу; не быць скотам; видеть поддержку; верни выборы; включай мозги, а не телевизор; мы верим у перамогу; смотреть; понимать; рассказать; ийти; румынский сценарий смены власти; жить; гуляю; не забудем; я. Право; протест; новая жизнь; День Воли; белорусское политическое болото; акупацыйнай адміністрацыі; кровавое цунами; каратели; орда; мусора; закат над болотом; народная любовь увяла навсегда; 3%; от Хабаровска до Бреста диктатуре нету места; ябатька; выность «сутки»; воины света; свободу народу; фальсификаторы; лукавый ботексный царь; нелегитимный; самоназначенный; Беларусь-путинский улус, а таракан-главарь этого улуса; лукосеки; ябатинг; пытки; Пагоня; Купалінка; Магутны Божа; военная хунта; шють дело; любители стабильности; фашистская система; садистское отношение к протестующим; лукашсты загналі бюджэты; приедут и за Колей; конец эпохи Лукашенко; ябатька; черный четверг; лукашист; КЗ-тряпка; пропагандоны; Саша 7 рублей; слабовики; лука; Московия; белорусские власти совершили акт бандитизма; политзаключенный; палітвязень; карманный Веня; лукашенизм это не путь, а тупик; фильм MINSK; чистки; дело студентов; усатая крыса; диктатор; могила Лукашенко; репрессии; протестующие-«лишние люди»; страх; унижение; боль; убийства; избиения
3 этап	Витебск; Гомель; Россия; Брест; Могилев; Гродно. признать; работать. Змагары; гастролирующий цирк; работа	Минск; Витебск; Гомель. Ийти; знать; думать; хотеть; стоять. Требование; протест; лукашэнкауцы; сделка с совестью; крысиный король; ябачьки таракан; Лукашеску; загнивающее болот; о крэзидед; бандитские твари; слабовики
2 этап	Россия. Знать; думать. Три несчастные девчонки; мирный бунт; цветные революции не для Белоруссии; белорусское государство; работа; гражданин; мир; независимость республики; протестуны; БЧБ-быдло	Минск; Акция солидарности; Россия; Марш Свободы; Марш Единства; Марш Мира и Независимости. знать ийти видеть; сделать репост; вместе; свободу политзаключенным; стоять; НИ ШАГУ НАЗАД; сделать; хотеть; подруга за подругу; УХОДИ; мы пераможам фашызм; не будем считать Лукашенко президентом. Протест; перамены; дзед; з-пад; Шклова; трехпроцентный; независимых кандидатов не пускают; дед; зверства; мы не оппозиция, мы белорусы; каратели; да, зверье, зверье; оккупанты; Куропаты; сафари кровавого царя; лукавый; узурпатор; страшный и усатый президентиче; белорусская Венера; киберпартизан; мирная белорусская революция; живе Беларусь
1 этап	Кремль; Россия; Москва; массовый. знать; работать; думать; пострадать. площадь для лохов; бацька; забугорная методичка; Света наверно все; Белорусский Майдан; белорусское государство; победа; страна	Минск; участие; площадь; пикет солидарности. Пойти; прийти; стоять; сделать репост ийти; верым, можим, пераможам; поехали кататься; хотеть; напомнить; знать; я не боюсь; подай сигнал; Белорусские католики против фальсификаций на выборах; Беларусь шумит; Расскажи. Право; честные люди; за честные выборы; самозванец; Саня 3% Саня три процента; трыпрацэнты; Жыве Беларусь; лукаботы; Саша три процента; Саша 3%; ЯМЫ97%; воины света; мы не народец; силовой сценарий выборов; фальсифікацыя грэх; Белорусская демократическая мечта; у нас есть голос; бардак
	Провластный цифрпоток	Протестный цифрпоток

Рис. 3 / Fig. 3. Семантическое ядро / Semantic core

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

вании в сознании граждан образа «стабильности» и «мира». У протестного цифрпоток он иной: событийный компонент имеет внутривнутриполитический уклон, а слова-концепты на двух этапах нацелены на формирование «чувства большинства», а также негативного образа политического оппонента.

Особенностью семантического ядра на фазе «эха» является его унификация: событийный компонент представлен по большей части событиями внутренней повестки, а концепты нацелены на негативизацию образа своих политических оппонентов. Отметим также, что слова-призывы в рамках провластного цифрпоток носят мирный характер, а протестные медийные агенты

призывают к активным неконвенциональным действиям.

Превалирование слов, связанных с внешнеполитическим дискурсом, на первых этапах характерно для провластного цифрпоток, а на последующих — для протестного. С внутривнутриполитическим дискурсом ситуация обратная. Скорее всего, апелляция «вовне» является признаком слабости позиции.

Общий фон слов-концептов носит негативный характер в обоих сегментах, но концептуально провластный цифрпоток обладает позитивным наполнением («мир», «государства», «работа» и т.д.), а протестный нацелен на негативизацию образа Лукашенко и его политики в разных сферах.

Семантическое ядро протестного цифротока разнообразнее: обилие слов-концептов, а также глаголов-призывов, особенно в заключительный период, является свидетельством активной деятельности протестных медийных агентов для конвертации онлайн-потребителей в офлайн-протестующих.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на основании полученных данных можно заключить следующее:

- Ключевым дискурсом анализируемого событийного ряда в обоих цифротоках является «Лукашенко». Продюценты-лоялисты акцентировали внимание на архетипическом образе политика как мудреца. Протестное дискурсивное поле менялось: на первоначальных этапах активно формировалась повестка неэффективности А. Лукашенко как государственного деятеля, его неактуальность. Затем его образ негативизировался преимущественно через его «человеческие» особенности.

- Дискурсы, посвященные «лицам» протеста, крайне малочисленны. В основном их генерировал провластный цифроток, транслируя образ С. Тихановской и ее соратников как предателей Родины.

- Следует отметить существенную долю дискурсов, связанных с тематиками культуры (языковая проблематика), исторической памяти (события в Куропатах), а также масштабную трансляцию продуктов искусства, посвященных протестной повестке.

- Можно говорить о попытках представить события как культурный (цивилизационный) конфликт. Это показывает совокупность дискурсов культурно-исторической направленности, придание событиям (с обеих сторон) оттенка религиозного противостояния. Широко использовались дискурсы церкви, священников, «с нами Бог». Подчеркивают это и языковые стратегии: провластные продюценты используют только русский язык, обращают внимание на приверженность общим с Россией ценностям. Языковые особенности контента их оппонентов

несут месседж о привлекательности «западного» исторического пути РБ.

- Ведущие технологии манипулирования сознанием схожи. Стороны воздействовали на эмоциональное состояние, вызывая симпатию или антипатию. Данные методы являются наиболее приемлемыми в рамках конфликта, поскольку не требуют для своей реализации объемных и аргументированных текстов, легко воспринимаются пользователями.

- Общая черта — убеждение пользователя, что потребители контента, разделяющие их точку зрения, являются большинством, а их оппоненты — заблуждающееся или маргинальное меньшинство. Внимание пользователей акцентировалось на поддержке позиции различными референтными группами, а также субъектами международного права.

- Цифровой менеджмент протестных продюцентов контента дифференцирован: политические акторы (и формально аполитичные медийные агенты) «поднимали» эмоциональность, а медийные агенты конвертировали протест в офлайн-среду. Это, помимо эффективной организации акций, позволило сохранить потенциал в виде высокого уровня вовлеченности пользователей в протестный контент. Но, оценивая роль протестных медийных агентов через характеристики дискурсивного поля (обширное и многозначное; доминирование эмоционального контента; доля побуждающих к действию дискурсов; выверенность инфраструктуры), можно говорить об их ведущей роли в данной протестной волне и вспомогательной функции акторов.

Перспективным направлением по изучению стратегии цифрового менеджмента является детальный анализ цифровой инфраструктуры: портретирование сетевых узлов, а также определение приоритетных сетевых площадок для каждой совокупности дискурсов. Следует проанализировать структуру сетевых агентов-ретрансляторов и определить роль комментаторов-ботов, выявив доленое соотношение стихийных и искусственных комментариев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Castells M. The Rise of the network society. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf>
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995.

- Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
3. Thompson J.B. Political scandal: power and visibility in the media age. Cambridge: Polity; 2000.
4. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ГРАНД: Фаир пресс; 2006.
Reingold G. Smart crowd: a new social revolution. Transl. from English by A. Garkavy. Moscow: GRAND: Fair press; 2006. (In Russ.).
5. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-formirovaniya-ustanovok-protestnogo-povedeniya-v-seti-internet-opyt-primeneniya-kibermetricheskogo-analiza-na-primere-1>
Azarov A.A., Brodovskaya E.V., Dmitrieva O.V., Dombrovskaya A. Yu., Filchenkov A.A. Strategies for the formation of attitudes of protest behaviour on the Internet: the experience of using cybermetric analysis (on the example of Euromaidan, November 2013). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-formirovaniya-ustanovok-protestnogo-povedeniya-v-seti-internet-opyt-primeneniya-kibermetricheskogo-analiza-na-primere-1>. (In Russ.).
6. Бродовская Е.В. Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-menedzhment-v-deyatelnosti-rossiyskih-politicheskikh-partiy-problemnoe-pole-upravleniya-informatsionnymi-potokami-v>
Brodovskaya E.V. Digital management in the activities of Russian political parties: the problematic field of information flow management in social media. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-menedzhment-v-deyatelnosti-rossiyskih-politicheskikh-partiy-problemnoe-pole-upravleniya-informatsionnymi-potokami-v>. (In Russ.).
7. Бродовская Е.В. Массовые политические протесты в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: причины возникновения, социальная база, цифровая инфраструктура. *Журнал политических исследований*. 2021;5(1):23–35. DOI: 10.12737/2587–6295–2021–5–1–23–35
Brodovskaya E.V. Mass political protests in the Republic of Belarus in the summer-autumn of 2020: causes, social base, digital infrastructure. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy = Journal of Political Research*. 2021;5(1):23–35. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587–6295–2021–5–1–23–35
8. Чижов Д.В. Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016;(1):313–338.
Chizhov D.V. Formation of the image of Russian political parties on the Internet. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*. 2016;(1):313–338. (In Russ.).
9. Домбровская А.Ю., Никулин Е.Р. Медийная инфраструктура протеста в «новых» медиа на примере белорусского кейса (декабрь 2019 года): структура, каналы, смыслы, технологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynaya-infrastruktura-protesta-v-novyh-media-na-primere-belorusskogo-keysa-dekabr-2019-goda-struktura-kanaly-smysly-tehnologii>
Dombrovskaya A. Yu., Nikulin E. R. Media infrastructure of protest in “new” media on the example of the Belarusian case (December 2019): structure, channels, meanings, technologies. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynaya-infrastruktura-protesta-v-novyh-media-na-primere-belorusskogo-keysa-dekabr-2019-goda-struktura-kanaly-smysly-tehnologii>. (In Russ.).
10. Косоруков А.А., Осипов В.С. Механизмы социально-политической мобилизации молодежи на примере российских, белорусских и китайских телеграмм-каналов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-sotsialno-politicheskoy-mobilizatsii-molodezhi-na-primere-rossiyskih-belorusskih-i-kitayskih-telegram-kanalov>
Kosorukov A.A., Osipov V.S. Mechanisms of socio-political mobilization of youth on the example of Russian, Belarusian and Chinese telegram channels. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-sotsialno-politicheskoy-mobilizatsii-molodezhi-na-primere-rossiyskih-belorusskih-i-kitayskih-telegram-kanalov>. (In Russ.).

11. Есиев Э.Т. Интернет-технологии политической мобилизации в белорусских протестах на предвыборном этапе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-politicheskoy-mobilizatsii-v-belorusskih-protestah-na-predvybornom-etape>.
Esiev E. T. Internet technologies of political mobilization in Belarusian protests at the pre-election stage. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-politicheskoy-mobilizatsii-v-belorusskih-protestah-na-predvybornom-etape>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никита Анатольевич Тюков — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
niktuk@mail.ru

Егор Романович Никулин — магистрант исторического факультета Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
egor.nikulin.98@bk.ru

Владимир Леонидович Шаповалов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия
vladshapovalov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nikita A. Tyukov — Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
niktuk@mail.ru

Egor R. Nikulin — Master's student, Faculty of History, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
egor.nikulin.98@bk.ru

Vladimir L. Shapovalov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO(U)), Moscow, Russia
vladshapovalov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Н.А. Тюков — разработка общей концепции исследования, дискурс-анализ, интерпретация данных.

Е.Р. Никулин — социально медийный анализ, дискурс-анализ.

В.Л. Шаповалов — анализ и интерпретация данных.

Authors' declared contributions:

N.A. Tyukov — development of a general research concept, discourse analysis, data interpretation.

E.R. Nikulin — social media analysis, discourse analysis.

V.L. Shapovalov — data analysis and interpretation.

Статья поступила 27.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-50-54
УДК 32.019.52(045)

Сетевой мониторинг как перспективное направление совершенствования системы профилактики этнополитических конфликтов в Российской Федерации

К. Т. Лукьяненко

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2556-7295>

АННОТАЦИЯ

Межэтнические и межнациональные отношения в Российской Федерации, с учетом многонационального и многоконфессионального населения нашей страны, являются одним из приоритетных вопросов государственной политики. Как для российской политологии, так и для системы государственной власти, особое внимание заслуживают вопросы, связанные с профилактикой этнополитических конфликтов в государстве. В статье рассматриваются проблемы, связанные с осуществлением сетевого мониторинга как перспективного направления совершенствования системы профилактики этнополитических конфликтов в Российской Федерации, а также основные тенденции в развитии данной сферы с учетом государственных стратегических приоритетов.

Ключевые слова: этнополитический конфликт; конституционный строй; межнациональные отношения; профилактика экстремизма; сетевой мониторинг

Для цитирования: Лукьяненко К.Т. Сетевой мониторинг как перспективное направление совершенствования системы профилактики этнополитических конфликтов в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):50-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-50-54

ORIGINAL PAPER

Network Monitoring as a Promising Direction for Improving the Prevention of Ethnopolitical Conflicts in the Russian Federation

K. T. Lukianenko

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2556-7295>

ABSTRACT

Interethnic relations in the Russian Federation, taking into account the multinational and multi-confessional population of our country, are one of the priority state policy issues. Both for Russian political science and the system of state power, issues related to the prevention of ethnopolitical conflicts in the state deserve special attention. The article examines the problems associated with the implementation of network monitoring as a promising direction for improving the system of prevention of ethnopolitical conflicts in the Russian Federation and the main trends in the development of this area, considering state strategic priorities.

Keywords: ethnopolitical conflict; constitutional order; interethnic relations; prevention of extremism; network monitoring

For citation: Lukianenko K.T. Network monitoring as a promising direction for improving the prevention of ethnopolitical conflicts in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):50-54. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-50-54

Формирование современной модели национальной политики в Российской Федерации берет свое начало с момента образования нового государственного строя в 1991 г. При этом важно отметить, что в тот момент разработка ключевых принципов государственной политики в сфере межнациональных отношений усложнялась за счет ряда факторов, таких, как «парад суверенитетов», расширение автономий ряда регионов, рост националистических настроений на отдельных территориях и др.

Тем не менее, с учетом воздействия различных социальных и экономических тенденций, в 90-е гг. прошлого века в Российской Федерации удалось сформировать действенную систему гармонизации межэтнических отношений и социальной напряженности по национальному фактору, а также общероссийскую гражданскую идентичность.

В настоящее время в Российской Федерации ключевыми документами, которые регламентируют государственную национальную политику, являются:

- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, цель которой — укрепление государственного единства и целостности России, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечение конституционных прав и свобод граждан¹;
- Государственная программа «Реализация государственной национальной политики», одна из задач которой — снижение конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений².

При этом в качестве ключевых акторов, участвующих в выработке и реализации государственной национальной политики выступают отдельные государственные структуры и ведомства, среди которых формально головное

место занимает Федеральное агентство по делам национальностей (в качестве профильного федерального органа исполнительной власти), направленное, в соответствии с нормами ст. 1 постановления Правительства Российской Федерации от 18.04.2015 № 368 «О Федеральном агентстве по делам национальностей»³, среди прочего, на такие аспекты, как:

- осуществление мер по укреплению единства многонационального российского народа, обеспечение межнационального согласия и этнокультурного развития народов, защиты прав нацменьшинств и коренных малочисленных народов нашего государства;
- осуществление мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений на территории Российской Федерации;
- осуществление профилактики дискриминации на этноконфессиональной основе;
- предупреждение разжигания розни, ненависти либо вражды на этноконфессиональной почве.

Стоит отдельно отметить, что помимо указанного Федерального агентства важную роль в системе профилактики этнополитических конфликтов принимают также профильные подразделения МВД России, некоторые подразделения органов системы ФСБ России, а также иных правоохранительных органов.

Помимо этого, также стоит выделить факт наличия различных консультативных и экспертных структур в системе органов государственной власти различных уровней.

Так, например, в структуре Администрации Президента Российской Федерации, помимо ответственного за указанное направление работы Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике, функционирует еще и Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, включающий в себя в качестве структурного подразделения Комиссию по мониторингу и разрешению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений⁴.

¹ Официальный портал правовой информации: Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>

² Официальный портал правовой информации: постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102132944&backlink=1&nd=102420710>

³ Официальный портал правовой информации: постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2015 № 368 «О федеральном агентстве по делам национальностей». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102403971&backlink=1&nd=102370851>

⁴ Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. URL: <https://sovetnational.ru/sovet/komissii/commission-4/> (дата обращения: 13.10.2021);

Таким образом, можно сказать, что в Российской Федерации имеется действенная правовая и структурная системы, направленные на эффективное обеспечение профилактики и пресечения этнополитических конфликтов в соответствии с правовыми нормами.

Рассматривая же технические аспекты мероприятий по выявлению и профилактике возникновения различного рода конфликтов на этноконфессиональной почве (в том числе этнополитические конфликты) в Российской Федерации, стоит выделить некоторые основные механизмы:

- реализация разноуровневых планов мероприятий по профилактике конфликтов на этноконфессиональной почве (федеральный, региональный, муниципальный уровни);
- работа с профильными социально ориентированными некоммерческими организациями (в том числе землячествами) и духовными руководителями как лидерами общественного мнения с целью выстраивания диалога и недопущения возникновения деструктивных действий, в том числе на почве политизации этнической общности с целью ее последующей мобилизации в противозаконных целях;
- образовательно-просветительская работа по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, которая преимущественно ведется в молодежной среде;
- мониторинг и анализ настроений населения с целью выявления потенциальных точек возникновения конфликтов на этноконфессиональной основе;
- иные механизмы.

В рамках профилактики этнополитических конфликтов особого внимания заслуживает механизм осуществления мониторинга и анализ настроений населения с целью выявления потенциальных конфликтов на национальной и конфессиональной почве.

Такой мониторинг осуществляется со стороны Федерального агентства по делам национальностей в рамках реализации норм соответствующего постановления путем ведения государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций⁵

⁵ Официальный портал правовой информации: постановление Правительства Российской Федерации от 28.10.2017

(далее — Система мониторинга конфликтных ситуаций).

Система мониторинга конфликтных ситуаций представляет собой единое информационное пространство, которое направлено на обеспечение условий, необходимых для действенной выработки управленческих решений в сфере национальной политики Российской Федерации.

Целью функционирования Системы мониторинга конфликтных ситуаций является:

- обеспечение условий для своевременного выявления конфликтных ситуаций в этноконфессиональной сфере;
- обеспечение оперативного реагирования в случае возникновения конфликтных ситуаций в этноконфессиональной сфере на разных уровнях управления;
- обеспечение возможности принятия оперативных и эффективных управленческих решений в указанной сфере.

Система мониторинга конфликтных ситуаций осуществляет анализ данных российского сегмента сети Интернет в разрезе федерации и субъектов путем отслеживания аккаунтов в социальных сетях и электронных СМИ, частных блогов, а также мессенджеров. Среди объектов анализа стоит выделить такие, как Telegram, Instagram, Youtube и др.⁶ При этом собранные данные и полученная аналитика хранятся до 1100 дней. Важно отметить, что описанная система постоянно развивается за счет совершенствования алгоритмов и скорости обработки информации, что позволяет повышать эффективность ее работы.

При этом в работе рассматриваемой Системы можно выделить несколько ключевых модулей, каждый из которых несет свой функционал⁷:

- Ситуационный центр;
- Темы оперативного наблюдения;
- Темы постоянного наблюдения;
- Карточки кризисных ситуаций;

№ 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710310028>

⁶ «Глаз да глаз». URL: <https://rg.ru/2019/03/07/v-rossii-rasshirlaiut-monitoring-konfliktov-na-etnicheskoj-pochve.html>

⁷ Презентация руководителя Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА РАН Зорина. URL: <http://seminars.spa.msu.ru/wp-content/uploads/lekcia-zorin.pdf> (дата обращения: 13.10.2021);

- Календарь событий;
- Экспертная панель.

Таким образом, система обеспечивает ведение данного мониторинга с целью раннего выявления потенциальных конфликтов на этноконфессиональной почве и оперативного реагирования. В работе системы участвуют эксперты различного уровня, а также отраслевые специалисты, которые анализируют данные системы и принимают соответствующие меры во взаимодействии с представителями иных профильных органов государственной власти.

Также, помимо описанной системы, для профилактики возникновения конфликтов на этноконфессиональной почве функционирует и ряд иных информационных систем и структур, цель деятельности которых так или иначе сводится к рассматриваемым вопросам. Среди них можно выделить таких ключевых акторов, как:

- Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов «EAWARN», целью которой является наблюдение за этнополитической ситуацией в Российской Федерации и других постсоветских государствах;
- Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), который на протяжении многих лет ежеквартально проводит мониторинг десятков научных центров и вузов в различных субъектах Российской Федерации;
- Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды (ЦИСМ), учрежденный по поручению Президента Российской Федерации в 2018 г., задачей которого, помимо прочего, является выявление контента, связанного с распространением различного рода деструктивных тенденций среди молодежи, в том числе на этноконфессиональной почве⁸.

Рассматривая вышеописанную совокупность фактов, можно сделать вывод о том, что в вопросах, связанных с профилактикой этноконфессиональных (в том числе этнополитических) конфликтов, достаточно пристальное внимание со стороны профильных государственных структур уделяется сетевому мониторингу настроений пользователей российского интернет-сегмента в качестве действенного

инструмента пресечения потенциальных конфликтов на ранних этапах.

Данную тенденцию можно обозначить как смещение фокуса работы в рамках осуществления профилактических мероприятий с преобладанием очного формата на интернет-сегмент. Это можно объяснить тем, что в настоящее время социальные сети и Интернет выступают действенной информационно-коммуникационной площадкой, создающей возможность осуществления общественной дискуссии и облегчающей организацию протестных настроений, в том числе на этнической или конфессиональной почве.

Рассматривая перспективы развития профилактики этнополитических конфликтов в Российской Федерации, стоит выделить направление, связанное с анализом и мониторингом интернет-сегмента, а также отметить необходимость совершенствования механизма оперативного реагирования на предконфликтные и конфликтные ситуации, выявленные в рамках осуществления сетевого анализа, что требует дальнейшего развития системы межведомственного взаимодействия.

Данные перспективы подтверждаются действующими документами стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также отраслевыми документами в области регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений.

Так, одним из приоритетных направлений информационной безопасности в соответствии с Доктриной⁹ является обеспечение противодействия использованию информационных технологий, направленных на пропаганду экстремизма, ксенофобии и национализма.

Вместе с тем в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отражено, что в настоящее время со стороны отдельных акторов осуществляются намеренные попытки размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место российского государства в истории, а также разжигания конфликтов на этноконфессиональной почве.

⁸ Официальный сайт Центра изучения и сетевого мониторинга молодежной среды — раздел «Об организации». URL: <https://www.cism-ms.ru/ob-organizatsii/>

⁹ Официальный портал правовой информации. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102161033&backlink=1&nd=102417017>

Также в Стратегии в качестве одного из национальных интересов Российской Федерации выступает развитие безопасного пространства в информационной сфере и защита российского социума от деструктивного информационно-психологического воздействия.

В совокупности данные документы создают устойчивую правовую основу для дальнейшего развития существующей системы по мониторингу и профилактике возникновения этнополитических конфликтов на территории Российской Федерации.

Можно предположить, что в среднесрочной перспективе будет происходить увеличение объема финансирования, направленного на развитие информационных систем и отдельных проектов, которые призваны осуществлять мониторинг и анализ в рассматриваемой сфере. Стоит при этом выделить возрастающую роль некоммерческих организаций в данном вопросе, которые в рамках реализации государственных грантов или субсидий фактически берут у государства на аутсорсинг часть функционала в рассматриваемой сфере (например, Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды). Также аналогичный функционал сохраняется и за некоторыми научными учреждениями.

Так, стоит предположить, что, помимо уже действующих акторов, возможно, будет образованы новые подразделения на базе профильных органов государственной власти. Кроме

того, стоит отметить вероятность расширения анализируемых параметров и источников для проактивного выявления потенциальных точек социального напряжения на основе этноконфессиональных факторов.

Также, с учетом возрастающей роли надгосударственных объединений в сфере безопасности и роста международной террористической активности в странах Ближнего Востока и Центрально-Азиатского региона, можно предположить вероятность развития межстранового сотрудничества в указанной сфере в рамках существующих международных организаций (Союз Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности или др.). Данная тенденция может быть выражена в усилении взаимодействия между профильными органами государственной власти в соответствующей сфере за счет обмена информацией или выработки единых подходов к осуществлению сетевого мониторинга. Также может быть запущена единая межстрановая система мониторинга этнополитических конфликтов в рамках указанных надгосударственных образований.

В заключение можно сказать, что в настоящее время в Российской Федерации одним из основных инструментов профилактики этнополитических конфликтов является проводимая уполномоченными структурами непрерывная работа по мониторингу и анализу информационной среды.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирилл Тимурович Лукьяненко — студент 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Lukianenko0817@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kirill T. Lukianenko — Student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
Lukianenko0817@mail.ru

Статья поступила 19.11.2021; принята к публикации 05.12.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.11.2021; accepted for publication on 05.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-55-59
УДК 342.4(045)

Демократизация политических процессов и развитие гражданского общества: основания для поправок в Конституцию Республики Беларусь

М.В. Баженова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1356-8872>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен ряд поправок, предложенных для внесения в основной закон Республики Беларусь в контексте трансформационных процессов политической и социальной конъюнктуры. Проанализированы индексные показатели демократии на территории страны и изучены данные Национального статистического комитета Республики Беларусь для выявления запроса населения на изменение общественных процессов. Автор отмечает, что необходимость внесения поправок в Конституцию обусловлена демократизацией политических процессов и развитием гражданского общества. В работе также рассмотрена деятельность представителей органов власти после выборов Президента 2020 г. и реакция населения, выраженная в массовых постэлекторальных политических протестах. Изменения, предложенные для внесения в основной закон, являются обязательным условием для обеспечения стабильного развития страны в социальной и политической сфере, а также могут служить законодательной базой для интеграционного процесса.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь; правовая система Республики Беларусь; демократизация политических процессов; гражданское общество; национальная система ценностей общества

Для цитирования: Баженова М.В. Демократизация политических процессов и развитие гражданского общества: основания для поправок в Конституцию Республики Беларусь. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):55-59. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-55-59

ORIGINAL PAPER

The Democratisation of Political Processes and Development of Civil Society: Grounds for Amendments to the Constitution of the Republic of Belarus

M.V. Bazhenova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1356-8872>

ABSTRACT

The article examines several amendments proposed for introduction into the fundamental law of the Republic of Belarus in the context of the transformational processes of the political and social environment. The author analysed the meaning of the index of democracy on the country's territory. Further, the author studied the data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus to identify the population's demand for changing social processes. The author notes that the need to amend the Constitution is due to the democratisation of political processes and the development of civil society. The paper also examines the activities of government officials after the 2020 presidential elections and the reaction of the population, expressed in mass post-electoral political protests. Proposed by the author, amendments to the leading law are a prerequisite for ensuring the country's stable development in the social and political spheres and can also serve as a legislative basis for the integration process.

Keywords: Constitution of the Republic of Belarus; legal system of the Republic of Belarus; democratisation of political processes; civil society; the national value system of society

For citation: Bazhenova M.V. The democratisation of political processes and development of civil society: Grounds for amendments to the Constitution of the Republic of Belarus. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):55-59. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-55-59

ВВЕДЕНИЕ

Беларусь — унитарная президентская республика: президент Александр Лукашенко является главой государства, главнокомандующим вооруженными силами, а также руководит исполнительной властью через премьер-министра. Данные полномочия аккумулируют контроль над социальной, экономической и политической сферами жизни общества, над политикой государственной безопасности и процессом взаимодействия с зарубежными партнерами. Замыкание процесса принятия стратегических решений на конкретном человеке и отсутствие альтернативного взгляда на ситуацию способствует установлению авторитарной власти [1]. По данным аналитического центра британской компании Economist Intelligence Unit, индекс демократии республики составляет 2,59/10, что характеризуется как авторитарный режим. Для анализа внутренней обстановки требуется учет следующих показателей: политическое участие граждан в процессе принятия политических решений (3/10), развитость политической культуры (5/10), степень гражданской свободы (2,06/10)¹.

В демократических государствах реализация процесса волеизъявления граждан осуществляется через институт политических партий. Идеологическое многообразие Парламента страны и результаты выборов отражают политические предпочтения населения и помогают принимать решения органам власти. Стагнация представительства законодательной власти может влиять на укрепление действующего политического режима и отсутствие возможности реальной политической конкуренции в стране. Также на принятие необходимых политических решений влияет экономическая обстановка и зарубежные партнеры Республики Беларусь: в 2020 г. ими являлись Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки и Германия². Россия — не только крупнейший импортер продукции, но и источник прямых инвестиций в белорусскую экономику, а также крупнейший кредитор для белорусского правительства. По данным Минфина Белоруссии, 48% внешней задолженности приходится на рос-

сийский рынок³. В подобных многосторонних отношениях укрепляется тесная взаимосвязь между государствами, как в политической, так и в экономической сфере.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Предложенные поправки в основной закон Республики Беларусь являются показателем демократизации государства. Изменение главного закона страны затрагивает базовые принципы функционирования общества и влияет на процесс создания новых общественных институтов. Одним из условий для изменений стали массовые политические протесты и беспорядки после переизбрания главы государства в 2020 г. На президентских выборах, прошедших 9 августа, Александр Лукашенко получил 80,10% голосов избирателей, что превышало процент прогнозируемой победы в государственных СМИ и спровоцировало массовое недовольство населения⁴. Для стабилизации политической обстановки были привлечены силовые структуры, действия которых привели к росту социальной напряженности⁵. В первые дни протестов пострадало около 7 тыс. человек. На следующий день после обнародования результатов голосования появились сведения об убитых и без вести пропавших⁶. Однако действия сотрудников правоохранительных органов, использовавших огнестрельное оружие, резиновые пули и слезоточивый газ, были оправданы в государственных СМИ, что усугубило социальную обстановку⁷.

Несмотря на нестабильность в стране, выборы были признаны легитимными со стороны глав других государств. Владимир Путин одним из первых выразил надежду, что переизбранный президент Александр Лукашенко будет

¹ Worldpopulationreview. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/democracy-countries>

² Основные показатели внешней торговли. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya>

³ Состояние государственного долга Республики Беларусь. URL: https://minfin.gov.by/public_debt/condition/

⁴ В Белоруссии в ходе несанкционированных акций пострадали 103 правоохранителя. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/9189713>

⁵ Belarus's Lukashenka Doubles Down On Fear To Silence Pro-Democracy Opponents. URL: <https://www.rferl.org/a/belarus-lukashenka-doubling-down-fear-opposition/31241320.html>

⁶ Подсчитано число пропавших участников протеста в Белоруссии. URL: <https://lenta.ru/news/2020/08/17/propali/>

⁷ Водомёты, дубинки, резиновые пули: как в ночь после выборов 9 августа силовики разгоняли протестующих в Минске. URL: <https://www.kp.ru/daily/217167/4267817/>

содействовать дальнейшему развитию республики. По данным апрельского исследования Белорусской аналитической мастерской, 65,7% граждан страны относятся положительно к российскому президенту. Поддержка со стороны России могла оказать влияние на часть протестующего населения и перевести недоверие белорусских граждан к власти в скрытую форму.

Фактором поддержки со стороны Российской Федерации также послужил официальный визит Александра Лукашенко в Москву в сентябре 2020 г., во время которого стороны договорились о рефинансировании долга республики и о предоставлении ей кредита. Также в ходе визита состоялось обсуждение возможных поправок в белорусскую конституцию «без внешнего воздействия»⁸.

ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ ПРИНЯТИЯ

Формирование списка поправок в основной закон республики осуществлялось на протяжении года. В процессе подготовки документа учитывались тенденции развития общества и механизмы их регулирования. 14 октября 2021 г. председатель Совета Республики Национального собрания страны Наталья Кочанова сообщила о скором вынесении проекта конституционной реформы на референдум, проведение которого назначено на февраль 2022 г.⁹ В преамбуле белорусской конституции планируется внесение дополнений о сохранении национальной самобытности, культурных и духовных традициях и незыблемости народовластия. В основную часть закона будет добавлена статья о государственном обеспечении сохранности исторической правды и памяти о подвиге белорусского народа во время Великой Отечественной войны.

Предложенное изменение защищает исторические факты от введения иных трактовок, касающихся основ становления белорусской государственности. Примером искажения исторических фактов на постсоветском простран-

стве является создание образа героя на Украине, что в контексте трансформационных процессов общественных отношений послужило оправдательным механизмом действий националистов. «Обеление» образа Степана Бандеры, который «боролся за независимость Украины» повлияло на активизацию протестного потенциала населения. Одной из более уязвимых групп в политических протестах является молодое поколение. Молодежь выступает контролируемой «мягкой силой» в процессе политических и социальных протестов из-за легкой мобилизации, что объясняется особенностями психики и мышления [2].

***В демократических
государствах реализация
процесса волеизъявления
граждан осуществляется
через институт политических
партий. Идеологическое
многообразие Парламента страны
и результаты выборов отражают
политические предпочтения
населения и помогают принимать
решения органам власти.
Стагнация представительства
законодательной власти
может влиять на укрепление
действующего политического
режима и отсутствие
возможности реальной
политической конкуренции
в стране.***

Принятие следующих поправок является превентивной мерой, служащей нормативной базой для других законодательных актов, декларирующих или запрещающих любые изменения в структуре общественного восприятия незыблемости исторического наследия.

1. Внесение изменений в ст. 18 Конституции Республики Беларусь: Республика Беларусь может использовать на территории страны коллективную оборону для обес-

⁸ В Кремле рассказали об итогах переговоров Путина и Лукашенко. Что обсудили лидеры России и Белоруссии? URL: https://lenta.ru/brief/2020/09/14/luka_putin/

⁹ В Белоруссии назвали сроки голосования по поправкам в конституцию. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20211014/belorusiya-1754634247.html>

печения суверенитета и территориальной целостности.

2. Данная поправка дает возможность иностранным государствам, заключившим международные соглашения с Белоруссией, обеспечить военное присутствие на территории страны. Подобная мера соответствует международной тенденции: рост антироссийских и антибелорусских настроений на Западе требует социального сплочения государств и военного обеспечения безопасности.

Повышение избирательного ценза на пост главы государства направлено на осуществление перехода власти опытному политику, знающему особенности государственного управления. Также, по мнению российского политолога Алексея Макаркина, в Белоруссии будет осуществлен транзит власти, а через поправки начнется процесс стабилизации обстановки в обществе в условиях политического кризиса.

3. Закрепление института брака как союза мужчины и женщины, которые наделены равными правами и обязанностями.

4. Введение уточняющего понятия запрещает легитимизацию однополых браков на территории страны. Закрепление подобной меры является сдерживающим фактором размывания специализации полов, незаконности ЛГБТ-протестов и сдерживания распространения ВИЧ-инфекции. Узаконивание нетрадиционного брака разрушает институт семьи, что противоречит культурным ценностям белорусского общества. Трансформация социальной сферы жизни населения без применения данных регулирующих методов снизит уровень рождаемости и коэффициент демографической нагрузки.

5. Изменение процесса выдвижения кандидатов на выборы, что подразумевает установление запрета финансирования расходов

на подготовку и проведение выборов иностранными государствами, организациями и гражданами.

Согласно ст. 5 Конституции Республики Беларусь народ изъявляет свою политическую волю через институт партий, члены которых избраны народом. Иностранные организации на территории республики могут реализовывать свою деятельность в интересах другого государства, что будет направлено на изменение политического строя и повлияет на национальную безопасность. Таким образом, предложенная поправка исключает возможность внешнего влияния на политический процесс.

Изменение избирательного ценза на пост президента: кандидат должен быть не моложе 40 лет и не менее 20 лет проживать на территории республики. Кандидат не может занимать пост более двух сроков, что формально обеспечивает регулярную сменяемость политической элиты.

Повышение избирательного ценза на пост главы государства направлено на осуществление перехода власти опытному политику, знающему особенности государственного управления. Также, по мнению российского политолога Алексея Макаркина, в Белоруссии будет осуществлен транзит власти, а через поправки начнется процесс стабилизации обстановки в обществе в условиях политического кризиса. Но введение ограничений по срокам для главы государства может вступить в силу с момента принятия поправок, что позволит Александру Лукашенко баллотироваться еще дважды¹⁰.

Изменение политической культуры населения и запрос граждан на демократию в белорусском государстве побуждает представителей власти к модернизации политической системы. Политические протесты 2020 г. выявили трансформационные общественные процессы, затрагивающие основные тенденции развития государства и объясняющие необходимость изменений их регулирования, которые политическая элита республики реализовывает при помощи внесения поправок в конституцию. Обеспечение устойчивого развития государства

¹⁰ «Под себя не делаю»: для чего Лукашенко меняет конституцию Белоруссии. Известия. 4 сентября 2021 г. URL: <https://iz.ru/1216293/igor-karmazin/pod-sebia-ne-delaiu-dlia-chego-lukashenko-meniaet-konstitutciiu-belorussii> (дата обращения 27.10.2021).

отражено в предлагаемых изменениях через постоянную сменяемость власти и переход к полицентричной системе управления страной: расширение полномочий Национального собрания Республики Беларусь и премьер-министра, запрет финансирования проведения выборов иностранными государствами с целью сохранения суверенитета и национальной самобытности. Данные изменения могут повлиять на переход к коллективному руководству государством.

Для демократизации режима предлагается расширение политического плюрализма и мер, обеспечивающих стабильное функционирование социальной и политической общественных

систем, сохранение культурной идентичности белорусского народа. Например, закрепление проявления патриотизма, гражданской активности и сохранения исторической памяти как конституционного долга граждан. Предложенные поправки могут стать базой для более существенных изменений, таких как создание Союзного государства с Российской Федерацией. Союзные программы и решения об углублении интеграции двух государств, подписанные на заседании Совета Министров Союзного государства Беларуси и России, могут реализоваться через принятие качественных поправок в главный закон республики и обеспечить совместное стабильное развитие стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Черепанов В. А. О правовых вопросах сменяемости власти. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovykh-voprosakh-smenyaemosti-vlasti>
Cherepanov V. A. On the legal issues of the turnover of power. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovykh-voprosakh-smenyaemosti-vlasti>. (In Russ.).
2. Франц В. А. «Мягкие» технологии формирования протестных настроений в контексте проблемы идентичности российской молодежи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkie-tehnologii-formirovaniya-protestnykh-nastroeniy-v-kontekste-problemy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi>
Franz V. A. "Soft" technologies for the formation of protest sentiments in the context of Russian youth's identity problem. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkie-tehnologii-formirovaniya-protestnykh-nastroeniy-v-kontekste-problemy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Владимировна Баженова — студентка 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
bamariv@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Bazhenova — 3rd-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial, Moscow, Russia
bamariv@mail.ru

Статья поступила 17.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 17.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69
УДК 32(045)

Идеологическое измерение Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: сравнительный анализ документов 2015 и 2021 годов

В.Ш. Сургуладзе

ООО «СТК»; Аналитическая группа «С.Т.К.»; Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7948-0128>

АННОТАЦИЯ

2 июля 2021 г. Президентом В.В. Путиным была утверждена новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. В статье предпринят сравнительный анализ Стратегий национальной безопасности Российской Федерации 2015 и 2021 гг., приводится контент-анализ понятийного аппарата указанных документов стратегического планирования в части обеспечения информационного, социокультурного и ценностного суверенитета. Делается вывод об усилении тренда на укрепление государственного суверенитета России на базе поддержания традиционных духовно-нравственных ценностей, предотвращения негативных последствий вестернизации. Отмечается продолжающийся отход Российского государства от западноцентричной внешней политики и ориентация на внутренние силы и ресурсы стратегического развития. Констатируется факт последовательной гармонизации принципов, установок и содержания комплекса целеполагающих документов государственного стратегического планирования в части укрепления всех измерений государственного суверенитета.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; политика идентичности; идеология; стратегическое планирование; государственный суверенитет в культурной, идейно-политической и ценностной сферах

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. Идеологическое измерение Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: сравнительный анализ документов 2015 и 2021 годов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):60-69. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69

ORIGINAL PAPER

The Ideological Dimension of the National Security Strategy of the Russian Federation: A Comparative Analysis of the Documents of 2015 and 2021

V. Sh. Surguladze

“STC” LLC; “S.T.C.” Analytical Group; Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7948-0128>

ABSTRACT

On 2 July 2021, President V.V. Putin has approved a new National Security Strategy of the Russian Federation. The article undertakes a comparative analysis of the national security strategies of the Russian Federation 2015 and 2021, provides a content analysis of the conceptual apparatus of these strategic planning documents in terms of ensuring information, socio-cultural and value sovereignty. The author concluded that there is the strengthening of the trend towards reinforcement the state sovereignty of Russia based on maintaining traditional spiritual and moral values, preventing the negative consequences of westernization. There is a continuing departure of the Russian state from the Western-centric foreign policy and orientation towards internal forces and resources of strategic development. Finally, the author stated the consistent harmonization of the principles, attitudes, and content of the goal-setting documents of state strategic planning in terms of strengthening all dimensions of state sovereignty.

Keywords: National security strategy of the Russian Federation; identity policy; ideology; strategic planning; state sovereignty in the cultural, ideological, political, and value spheres

For citation: Surguladze V. Sh. The ideological dimension of the national security strategy of the Russian Federation: A comparative analysis of the documents of 2015 and 2021. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):60-69. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69

Государственный переворот 2014 г. на Украине¹ и череда прошедших в разных регионах мира, поддержанных коллективным Западом «цветных» революций, рост международной напряженности, военного, политического, экономического (санкционного) и информационного давления на Российскую Федерацию, активность внешнеполитических акторов, направленная на разрушение духовно-нравственных ценностей и подрыв политической и социальной стабильности² государства, привели к усилению внимания российских властей к обеспечению национальной безопасности в информационно-идеологической сфере. Указанные факты были зафиксированы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 года (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>) и существенно переосмыслены и акцентированы в редакции документа, подписанного Президентом В.В. Путиным 2 июля 2021 г. (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>).

В определении понятия «обеспечение национальной безопасности» как в редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 года, так и в редакции 2021 г. выделены информационные и организационные меры в соответствующей сфере³. В Стратегии национальной безопасности 2015 г. к области стратегических национальных интересов, стратегических национальных приоритетов относилась сфера культуры⁴, которой был посвящен отдельный подраздел⁵. В редакции Стратегии 2021 г. особо выделены стратегические национальные приоритеты: «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» и «информационная безопасность»⁶.

В Разделе III «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические нацио-

нальные приоритеты» документа 2021 г., наряду с указанием на необходимость укрепления, сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культурного и исторического наследия⁷, появился пункт, оговаривающий «развитие безопасного информационного пространства» и защиту российского общества от «деструктивного информационно-психологического воздействия».

СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТА С ВООРУЖЕННОЙ ОБОРОНЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГУМАНИТАРНУЮ СФЕРУ

Важным отличием обновленной Стратегии стало заметное смещение акцента с вооруженной обороной и экономического детерминизма в гуманитарную, социокультурную сферу сбережения народа России и развития человеческого потенциала⁸. В основу обеспечения национальной безопасности в Стратегии 2021 г. положен моральный фактор, приоритет безопасности в духовно-нравственной, ценностной сфере, без которого не может быть эффективной обороны в военной сфере. В Стратегии учитывается взаимообусловленность социально-экономического, материального прогресса, безопасности и сохранения идентичности, самосознания общества.

Показательна формулировка статьи 28 раздела IV: «Народ является носителем суверенитета Российской Федерации и ее главным достоянием. Российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны».

Часть 14) статьи 33 оговаривает значение для обеспечения национальной безопасности государства обучения и воспитания детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

В разделе Стратегии, посвященном обороне страны, появились пункты, оговаривающие

¹ Статья 17 Раздела II. Россия в современном мире, 2015.

² Статья 43 подраздела «Государственная и общественная безопасность» Раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

³ Статья 6 Раздела I. Общие положения, 2015; Часть 4) Статьи 5 Раздела I. Общие положения, 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

⁴ Статьи 30 и 31 Раздела III. Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, 2015.

⁵ Культура. Статьи 76–82 Раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

⁶ Части 8) и 4) Статьи 26 Раздела III. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты, 2021.

⁷ Статья 30 раздела III. Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, 2015; Часть 7) статьи 25 раздела III. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты, 2021.

⁸ Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Статьи 28–33 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

идейно-политические аспекты обеспечения государственной безопасности, необходимость поддержания «на высоком уровне морально-политического и психологического состояния личного состава, правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах»⁹, военно-патриотического воспитания и подготовки граждан к военной службе¹⁰.

Усиление внимания российских властей к обеспечению государственной безопасности в «мягком» измерении проявилось в появлении в Стратегии национальной безопасности 2021 года отдельного подраздела «Информационная безопасность»¹¹, в котором констатируется расширение использования «информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности»¹², фиксируются угрозы деструктивного воздействия посредством современных технологий на молодежь¹³, стремление транснациональных корпораций сохранить монопольное доминирование в сети Интернет, возможности цензурирования и блокировки альтернативных интернет-платформ¹⁴, политически мотивированное искажение исторических фактов, происходящих в России и мире событий¹⁵.

Информационная безопасность рассматривается в Стратегии 2021 г. не только в «мягком», но и в техническом, технологическом, цифровом измерении, в контексте уязвимости российских информационных ресурсов и объектов критической информационной инфраструктуры вследствие использования иностранных информационных технологий и телекоммуникационного оборудования¹⁶. Целью обеспечения информационной безопасности провозгла-

шается укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве¹⁷.

Среди шестнадцати задач, необходимых для достижения цели обеспечения информационной безопасности, выделяются развитие сил и средств информационного противоборства¹⁸, противодействие деструктивному пропагандистскому и информационному воздействию на граждан и общество¹⁹, «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о внутренней и внешней политике Российской Федерации»²⁰.

Фактом, обозначившим заметный поворот в сторону защиты ценностного суверенитета и национальной безопасности государства в информационной сфере, стало появление в Стратегии национальной безопасности 2021 года подраздела «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»²¹. С точки зрения реализации государственной политики идентичности данный подраздел можно считать ключевым, заключающим в себе мировоззренческие установки российского общества и государства. В этой части документа констатируется обусловленное высоким уровнем социально-экономического и технологического развития, пропагандой свободы личности, вседозволенности и общества потребления разрушительное воздействие на семейные ценности, институт брака, религиозные устои, подчеркиваются угрозы утраты человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА НА БАЗЕ ПОДДЕРЖАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДЛЯ РОССИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Значительное место в Стратегии 2021 г. уделено проблеме сохранения культурного суверените-

⁹ Часть 12) статьи 40 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹⁰ Часть 13) статьи 40 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹¹ Информационная безопасность. Статьи 48–57 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹² Статья 49 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹³ Статья 52 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹⁴ Статья 53 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹⁵ Статья 53 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹⁶ Статья 55 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹⁷ Статья 56 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹⁸ Часть 10) статьи 57 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

¹⁹ Части 11) и 12) статьи 57 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

²⁰ Часть 15) статьи 57 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

²¹ Статьи 84–93 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

та в условиях насаждения чуждых историческим традициям и опыту предшествовавших поколений народов России реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка. Констатируются угрозы утраты Российской Федерацией культурного суверенитета в результате вестернизации культуры, фальсификации российской и мировой истории. Впервые в текст Стратегии национальной безопасности вводится понятие «вестернизация», употребляемое в контексте информационно-психологических диверсий, угрожающих культурному суверенитету²².

В Стратегии 2015 г. подраздел «Культура» (статьи 76–82) раздела IV «Обеспечение национальной безопасности» носил более общающий характер и был одним из последних. В документе 2021 г. угрозы в ценностной и информационной сфере были концептуально переосмыслены, представлены в более развернутой и систематизированной форме. В Стратегии появились новые подразделы — «Информационная безопасность» (статьи 48–57) и «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (статьи 84–93). Таким образом идейно-политические задачи обеспечения культурного и ценностного суверенитета были выведены на новый уровень, получили усиленное звучание и самостоятельное сущностное значение, обрели характер ключевых приоритетов государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности государства.

Важным концептуальным отличием Стратегии 2021 г. стало смещение акцента со ставшей традиционной экономической повестки на более комплексную постановку задач обеспечения безопасности и самодостаточности развития государства. Так, например, в Стратегии подраздел, посвященный информационной безопасности, предшествует подразделу «Экономическая безопасность» (статьи 58–67).

Впервые в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации Соединенные Штаты Америки фактически названы центром глобальной антироссийской информационной борьбы: «Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападениям

со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций», оказывающих «информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации»²³.

Статья 90 констатирует, что *веками формировавшиеся базовые духовно-нравственные и культурно-исторические ценности российского общества являются основой, позволяющей сохранять и укреплять суверенитет государства и обеспечивать дальнейшее развитие социума.*

В Стратегии 2021 г. указываются традиционные для российского общества духовно-нравственные ценности, среди которых отмечают: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, семейные ценности, ценности гуманизма, справедливости, коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения, исторической памяти, преемственности поколений и единства народов России²⁴. Государственная политика идентичности Российской Федерации, в соответствии с документом, основывается на поддержании общероссийского гражданского самосознания, предполагающего защиту «традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»²⁵.

Данные положения Стратегии развивают ориентацию документа 2015 г., в котором также выделялись ценности коллективизма, исторического единства народов России, преемственности истории и приверженность традиционным нормам нравственности, поддержанию общероссийской идентичности²⁶. В Стратегии 2015 г. выделялись угрозы национальной безопасности в области культуры, среди которых отмечалась внешняя культурная информационная экспансия, включающая распростране-

²³ Статья 87 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

²⁴ Статья 91 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

²⁵ Статья 92 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

²⁶ Статьи 76, 77, 78 подраздела «Культура» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

²² Статья 88 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

ние низкокачественной продукции массовой культуры, попытки размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей и единства многонационального народа России, пропаганду вседозволенности, нетерпимости, попытки фальсификации российской истории и подрыва в мире позиций русского языка и культуры²⁷. Ставилась задача защиты российского общества от деструктивного пропагандистского и информационного воздействия зарубежных структур²⁸.

В качестве механизмов обеспечения национальной безопасности и достижения стратегических целей в сфере культуры в Стратегии 2015 г. выделялись государственная культурная, национальная, молодежная политика, ориентированные на сохранение традиционных для России духовно-нравственных ценностей²⁹ и обеспечение ее культурного суверенитета³⁰, предотвращение деструктивной идейно-ценностной экспансии и патриотическое воспитание.

Продолжая тренд, ориентированный на защиту информационно-идеологического, идейно-политического, духовно-нравственного, ценностного суверенитета и безопасности Российской Федерации, Стратегия 2021 г. фиксирует 14 задач, решение которых должно служить защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Среди этих задач: укрепление общероссийской гражданской идентичности и гражданского единства³¹, реализация государственной информационной политики, направленной на укрепление традиционных для российского общества ценностных ориентиров и неприятия гражданами навязываемых извне деструктивных идейных установок, стереотипов и моделей поведения³². Укрепление культурного суверенитета Российской Федерации увязыва-

ется в документе с задачей сохранения единого культурного пространства³³. Ставится задача защиты российского общества от «внешней идейно-ценностной экспансии и внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия»³⁴.

ОТХОД ОТ ЗАПАДНОЦЕНТРИЧНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ, ОРИЕНТАЦИЯ НА СОБСТВЕННЫЕ СИЛЫ И РЕСУРСЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В отличие от Стратегии национальной безопасности 2015 года, в которой оговаривалась заинтересованность Российской Федерации в выстраивании полноценных партнерских отношений с Европейским союзом³⁵ и Соединенными Штатами³⁶, документ 2021 г. характеризуется заметным снижением ожиданий от возможности реализации равноправного диалога с государствами коллективного Запада. В редакции документа 2015 г. при констатации неприемлемости для России наращивания военной активности НАТО и приближения инфраструктуры альянса к российским границам³⁷, при констатации комплексной политики сдерживания России, проводимой США и их союзниками и предусматривающей оказание политического, экономического, военного и информационного давления³⁸, при отмечавшемся в документе расширении сети военно-биологических лабораторий США на территориях сопредельных с Россией государств³⁹, тем не менее, оговаривалась готовность развития с блоком равноправных отношений⁴⁰, высказывалась настроенность на диалог. В Стратегии 2021 г. США и НАТО уделено значительно

²⁷ Статья 79 подраздела «Культура» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

²⁸ Статья 47 подраздела «Государственная и общественная безопасность» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

²⁹ Статьи 80 и 82 подраздела «Культура» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

³⁰ Статья 82 подраздела «Культура» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

³¹ Часть 1) статьи 93 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

³² Часть 4) статьи 93 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

³³ Часть 7) статьи 93 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

³⁴ Часть 13) статьи 93 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

³⁵ Статья 97 подраздела «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

³⁶ Статья 98 подраздела «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

³⁷ Статья 15 раздела II. Россия в современном мире и Статья 106 подраздела «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

³⁸ Статья 12 раздела II. Россия в современном мире, 2015.

³⁹ Статья 19 раздела II. Россия в современном мире, 2015.

⁴⁰ Статья 107 подраздела «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2015.

меньше места. Стратегия фиксирует усиление военных опасностей и угроз России со стороны Североатлантического альянса⁴¹ и Соединенных Штатов⁴² без упоминания необходимости развития конструктивных отношений.

Стратегия отличается общей ориентацией на защиту суверенитета Российской Федерации и нейтрализацию попыток внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств⁴³. В сфере международных отношений документ утверждает курс на оказание поддержки в сохранении общероссийской культурной идентичности соотечественникам, проживающим за рубежом⁴⁴, укрепление позиций российских средств массовой информации в мире⁴⁵, противодействие фальсификации истории и защиту исторической памяти⁴⁶.

Среди задач по обеспечению национальной безопасности утверждается необходимость укрепления *экономического суверенитета* страны⁴⁷ и экономической безопасности⁴⁸. Оговаривается в документе и необходимость обеспечения *суверенитета финансовой системы и соответствующей инфраструктуры*⁴⁹. Усилилось социальное звучание Стратегии национальной безопасности, ориентация на самостоятельное развитие. В данном отношении документ полностью соответствует поправкам к Конституции Российской Федерации, принятым в 2020 г.

⁴¹ Статья 35 подраздела «Оборона страны» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

⁴² Статья 36 подраздела «Оборона страны» раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

⁴³ См., например: часть 13) статьи 101 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021. Подраздел «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество».

⁴⁴ Часть 19) статьи 101 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021. Подраздел «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество».

⁴⁵ Часть 22) статьи 101 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021. Подраздел «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество».

⁴⁶ Часть 21) статьи 101 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021. Подраздел «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество».

⁴⁷ Статья 66 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

⁴⁸ Статьи 58–67 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

⁴⁹ Часть 17) статьи 67 раздела IV. Обеспечение национальной безопасности, 2021.

Завершающий абзац редакции Стратегии национальной безопасности 2021 г. дополнился указанием на укрепление единства и сплоченности российского общества.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 2015 И 2021 ГГ., СВЯЗАННОГО С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО, СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И ЦЕННОСТНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

При сопоставимом объеме документов (40 и 43 страницы) сравнительный частотный контент-анализ использования ключевых слов в Стратегиях национальной безопасности Российской Федерации 2015 и 2021 годов демонстрирует системное усиление внимания государства к обеспечению национальных интересов, суверенитета и национальной безопасности на базе самостоятельного развития и укрепления всех форм суверенитета и безопасности при существенном расширении понимания сферы государственного суверенитета.

Сравнительный частотный контент-анализ использования ключевых слов, связанных с обеспечением информационного, социокультурного и ценностного суверенитета Российской Федерации, подтверждает существенное усиление в новой Стратегии внимания к ценностному, культурному, духовно-нравственному измерению безопасности и суверенитета. В частности, в Стратегии зафиксирована ориентация на реализацию соответствующей национальным интересам политики памяти. В документе 2015 г. упоминались только памятники истории и культуры (1 раз), в новой Стратегии историческая память упоминается 10 раз, упоминание ценностей выросло с 14 до 27 раз, истории — с 11 до 29, традиций — с 14 до 25, духовности и духовно-нравственных ценностей — с 16 до 24, патриотизма — с 2 до 5 раз. Наблюдается в Стратегии 2021 г. и существенный рост внимания к воспитанию и молодежной политике — с 4 до 19 и с 3 до 7 раз.

Упоминание государственного суверенитета в различных сферах возросло с 8 до 18 раз, в частности, впервые упомянут суверенитет в информационном и экономическом пространстве, с 1 до 3 раз выросло количество упоминаний культурного суверенитета. С 38 до 70 раз увеличилось упоминание проблем в информа-

Сравнительный контент-анализ понятийного аппарата Стратегий национальной безопасности Российской Федерации 2015 и 2021 годов, связанного с обеспечением информационного, социокультурного и ценностного суверенитета / Comparative content-analysis of the conceptual apparatus of the National Security Strategies of Russia for 2015 and 2021 year, associated with the provision of information, socio-cultural, and value sovereignty

Ключевые понятия	Количество упоминаний	
	2015	2021
Суверенитет в том числе:	8 раз Ст. 6, ст. 8, ст. 30, ст. 36, ст. 42, ст. 61, ст. 62, ст. 82	18 раз Ст. 1, ч. 1) ст. 5, ст. 12, ст. 21, ч. 2) ст. 25, ст. 28, ч. 2) ст. 40, ст. 49, ст. 56, ст. 66, ч. 17) ст. 67, ст. 86, ст. 88, ст. 90, ч. 7) ст. 93, ст. 95, ст. 99
технологический	1 раз Ст. 61	—
<i>в информационном пространстве</i>	—	1 раз Ст. 56
экономический	—	1 раз Ст. 66
финансовый	1 раз Ст. 62	1 раз Ч. 17) ст. 67
культурный	1 раз Ст. 82	3 раза Ст. 86, ст. 88, ч. 7) ст. 93
Национальные (и смежные) интересы	30 раз Ст. 1, ст. 3, ст. 6, ст. 7, ст. 17, ст. 27, ст. 28, ст. 29, ст. 30, ст. 31, ст. 43, ст. 44, ст. 47, ст. 62, ст. 69, ст. 70, ст. 71, ст. 82, ст. 87, ст. 98, ст. 104, ст. 107, ст. 109	19 раз Ст. 2, ч. 1), 2), 5) ст. 5, ст. 15, ст. 24, ст. 25, ст. 26, ч. 5) ст. 40, ч. 1) ст. 47, ч. 17) ст. 76, ст. 96, ч. 10), 14), 17), 19), 26) ст. 101
Информация в том числе:	38 раз Ст. 6, ст. 12, ст. 13, ст. 21, ст. 22, ст. 36, ст. 43, ст. 44, ст. 47, ст. 48, ст. 53, ст. 56, ст. 58, ст. 59, ст. 62, ст. 69, ст. 70, ст. 75, ст. 79, ст. 82, ст. 90, ст. 109, ст. 112, ст. 113, ст. 114	70 раз Ч. 4) ст. 5, ст. 17, ст. 18, ст. 19, ч. 4) ст. 25, ч. 4) ст. 26, ч. 2) ст. 40, ст. 42, ст. 44, ч. 11) ст. 47, ст. 48, ст. 49, ст. 50, ст. 51, ст. 52, ст. 53, ст. 54, ст. 55, ст. 56, ст. 57, ч. 1), 2), 3), 4), 5), 6), 8), 9), 10), 11), 12), 13), 14), 15), 16) ст. 57, ч. 8), 10) ст. 67, ч. 14) ст. 76, ст. 86, ст. 87, ст. 88, ч. 4), 12), 13) ст. 93, ст. 99, ч. 22), 26) ст. 101, ст. 103
информационная безопасность	4 раза Ст. 6, ст. 58, ст. 104, ст. 113	14 раз Ч. 4) ст. 5, ст. 18, ч. 4) ст. 26, ст. 48, ст. 49, ст. 50, ст. 56, ст. 57, ч. 1), 2), 9), 12), 13), 14), 16) ст. 57
<i>информационная политика</i>	—	1 раз Ч. 4) ст. 93.
информационно-коммуникационные, телекоммуникационные технологии, сети, среда	7 раз Ст. 21, ст. 22, ст. 43, ст. 53, ст. 70, ст. 75, ст. 82	12 раз Ст. 42, ч. 11) ст. 47, ст. 48, ст. 49, ст. 52, ст. 54, ст. 55, ч. 4) ст. 57, ч. 14) ст. 57, ч. 8) ст. 67, ч. 14) ст. 76, ст. 99
критическая информационная инфраструктура	1 раз Ст. 43	3 раза Ст. 51, ст. 55, ч. 3) ст. 57
<i>информационная (информационно- коммуникационная) инфраструктура</i>	3 раза Ст. 53, ст. 56, ст. 59	4 раза Ч. 1), 5) 11), 13) ст. 57
<i>информационная (идейно-ценностная) экспансия</i>	1 раз Ст. 79	1 раз Ч. 13) ст. 93

Продолжение таблицы / Table (continued)

Ключевые понятия	Количество упоминаний	
	2015	2021
информационное (информационно-психологическое) воздействие	2 раза Ст. 47, ст. 82	5 раз Ч. 4) ст. 25, ст. 52, ч. 11) ст. 57, ст. 87, ч. 13) ст. 93
информационно-психологические диверсии	—	1 раз Ст. 88
информационная сфера	5 раз Ст. 44, ст. 47, ст. 69, ст. 82, ст. 90	3 раза Ст. 44, ч. 14) ст. 57, ч. 8) ст. 67
информационное пространство	1 раз Ст. 21	7 раз Ст. 17, ч. 4) ст. 25, ст. 50, ст. 51, ст. 56, ч. 22), 26) ст. 101
информационная система	1 раз Ст. 112	—
информационные ресурсы	1 раз Ст. 112	5 раз Ст. 19, ст. 50, ст. 53, ст. 55, ч. 3) ст. 57
информационная поддержка	1 раз Ст. 114	—
информационные меры	3 раза Ст. 6, ст. 36, ст. 109	1 раз Ч. 4) ст. 5
информационные инструменты	1 раз Ст. 13	—
недостовверная информация	—	2 раза Ст. 44, ст. 52
противоправная информация	—	1 раз Ст. 52
достоверная информация	—	2 раза Ч. 1), 15) ст. 57
доступность информации	1 раз Ст. 53	—
информационное противоборство	1 раз Ст. 20	1 раз Ч. 10) ст. 57
информационное давление	1 раз Ст. 12	—
информационная кампания	—	1 раз Ст. 19
информационная деятельность	—	3 раза Ст. 19, ч. 16) ст. 57, ст. 86
средства массовой информации и массовых коммуникаций	—	5 раз Ст. 19, ч. 12) ст. 93, ч. 22) ст. 101
Интернет (сеть, интернет-компании, интернет-платформы, интернет-продукция)	1 раз Ст. 82	8 раз Ст. 44, ст. 52, ст. 53, ч. 5) ст. 57, ч. 11 ст. 93
Культура	38 раз Ст. 11, ст. 28, ст. 30, ст. 31, ст. 40, ст. 62, ст. 70, ст. 76, ст. 77, ст. 79, ст. 80, ст. 81, ст. 82, ст. 95, ст. 115	36 раз Ст. 22, ч. 7) ст. 25, ч. 8) ст. 26, ст. 28, ст. 31, ч. 7), 14), 15) ст. 33, ч. 11) ст. 40, ч. 16), 17) ст. 47, ч. 17) ст. 83, ст. 85, ст. 86, ст. 87, ст. 88, ст. 89, ст. 90, ст. 92, ст. 93, ч. 4), 6), 7), 8), 10), 11), 14) ст. 93, ч. 18), 19) ст. 101

Окончание таблицы / Table (continued)

Ключевые понятия	Количество упоминаний	
	2015	2021
Угрозы «вестернизации»	–	1 раз Ст. 88.
Ценности	14 раз Ст. 11, ст. 13, ст. 30, ст. 40, ст. 43, ст. 70, ст. 76, ст. 77, ст. 78, ст. 79, ст. 80, ст. 82	27 раз Ст. 1, ст. 8, ст. 11, ст. 19, ст. 22, ст. 23, ч. 7) ст. 25, ч. 8) ст. 26, ст. 28, ч. 14) ст. 33, ч. 11) ст. 40, ст. 46, ст. 84, ст. 85, ст. 86, ст. 87, ст. 90, ст. 91, ст. 92, ч. 3), 4), 10), 11), 13) ст. 93
История	11 раз Ст. 11, ст. 21, ст. 70, ст. 77, ст. 78, ст. 79, ст. 82	29 раз Ст. 19, ч. 7) ст. 25, ч. 8) ст. 26, ст. 28, ч. 14) ст. 33, ст. 53, ст. 86, ст. 87, ст. 88, ст. 90, ст. 91, ст. 92, ст. 93, ч. 2), 4), 6), 9), 11) ст. 93, ч. 21) ст. 101
Традиции	14 раз Ст. 11, ст. 28, ст. 30, ст. 43, ст. 62, ст. 70, ст. 75, ст. 76, ст. 78, ст. 79, ст. 80, ст. 82	25 раз Ст. 8, ст. 11, ст. 17, ст. 19, ст. 21, ст. 22, ч. 7) ст. 25, ч. 8) ст. 26, ч. 14) ст. 33, ст. 46, ст. 84, ст. 86, ст. 87, ст. 89, ст. 91, ст. 92, ст. 93, ч. 3), 4), 10), 11) ст. 93
Память	–	10 раз Ч. 8) ст. 26, ст. 88, ст. 91, ст. 92, ст. 93, ч. 2), 6), 11) ст. 93, ч. 21) ст. 101
Пропаганда	5 раз Ст. 43, ст. 47, ст. 53, ст. 79, ст. 82	5 раз Ст. 44, ст. 52, ч. 11) ст. 57, ст. 85, ч. 13) ст. 93
Духовность (духовно-нравственные ценности)	16 раз Ст. 7, ст. 11, ст. 30, ст. 43, ст. 50, ст. 53, ст. 70, ст. 76, ст. 77, ст. 78, ст. 79, ст. 80, ст. 82	24 раза Ст. 10, ст. 11, ст. 21, ст. 22, ч. 7) ст. 25, ч. 8) ст. 26, ст. 28, ст. 30, ч. 14) ст. 33, ст. 46, ст. 84, ст. 87, ст. 90, ст. 91, ст. 92, ст. 93, ч. 4), 5), 9), 10), 11) ст. 93
Патриотизм (патриотическое, военно-патриотическое воспитание)	2 раза Ст. 11, ст. 82	5 раз Ст. 22, ч. 13) ст. 40, ст. 91, ч. 6), 9) ст. 93
Воспитание	4 раза Ст. 70, ст. 76, ст. 80, ст. 82	9 раз Ст. 22, ст. 30, ст. 32, ч. 14) ст. 33, ч. 13) ст. 40, ч. 17) ст. 83, ч. 5), 6), 9) ст. 93
Молодежь	3 раза Ст. 70, ст. 76, ст. 82	7 раз Ч. 11), 14) ст. 33, ст. 44, ч. 9) ст. 47, ст. 52, ч. 10), 11) ст. 76
Наследие	1 раз Ст. 82	2 раза Ч. 7) ст. 25, ч. 8) ст. 93
Идентичность	2 раза Ст. 76, ст. 77	3 раза Ст. 92, ч. 1) ст. 93, ч. 19) ст. 101
США	4 раза Ст. 12, ст. 15, ст. 17, ст. 19	3 раза Ст. 36, ч. 18) ст. 67, ст. 87
Организация Североатлантического договора (НАТО)	4 раза Ст. 15, ст. 16, ст. 106, ст. 107	1 раз Ст. 35

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ционной сфере: информационной безопасности (с 4 до 14 раз), впервые введено словосочетание «информационная политика». Выросла (с 1 до 7 раз) частота упоминаний информационного пространства, информационных ресурсов (с 1 до 5 раз), впервые введена классификация видов информации — «недостоверная информация» (2 раза), «противоправная информация» (1 раз), «достоверная информация» (2 раза), «информационная кампания» (1 раз).

В отличие от Стратегии 2015 г., в документе 2021 г. появилось упоминание средств массовой информации и массовых коммуникаций (5 раз), с 1 до 8 раз увеличилось количество упоминаний явлений, связанных с деятельностью в сети Интернет. Введено понятие «вестернизация» (1 раз), оцениваемой в качестве угрозы культурному суверенитету Российской Федерации (см. таблицу).

* * *

Примечательной особенностью Стратегии 2021 г. является исчезновение раздела, содержавшего ключевые показатели состоя-

ния национальной безопасности Российской Федерации, завершавшего документ 2015 г.⁵⁰ В новой редакции оговаривается контроль за реализацией Стратегии в рамках государственного мониторинга состояния национальной безопасности, определяемых Президентом и отражаемых в ежегодном докладе Секретаря Совета Безопасности о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению, однако сами показатели не раскрываются⁵¹.

Стратегия национальной безопасности 2021 г. — пример последовательной гармонизации принципов, установок и содержания комплекса целеполагающих документов государственного стратегического планирования, документ фиксирующий ориентацию российских властей на укрепление всех сфер государственного суверенитета и усиление внимания к обеспечению его культурной, ценностной, идейно-политической составляющей.

⁵⁰ Статьи 115 и 116 раздела VI. Основные показатели состояния национальной безопасности, 2015.

⁵¹ Статья 105 раздела V. Организационные основы и механизмы реализации настоящей Стратегии, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахтанг Шотович Сургуладзе — генеральный директор ООО «СТК»; ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.»; докторант департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия bafing@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vakhtang Sh. Surguladze — Cand. Sci. (Philosophy), “STC” LLC General director; “S.T.C.” Analytical group leading expert; doctoral student of Political Sciences Department, Financial University, Moscow, Russia bafing@mail.ru

Статья поступила 20.09.2021; принята к публикации 15.10.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.09.2021; accepted for publication on 15.10.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Методологические проблемы формирования концепции национальной кибербезопасности Российской Федерации

Г.Ю. Никопорец-Такигава^а, Е.В. Бучнев^б

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5611-8396>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-5511-9784>

АННОТАЦИЯ

Развитие информационных технологий и повсеместная цифровизация многих видов жизнедеятельности создают проблему информационной защищенности индивида в цифровом пространстве, а также указывают на необходимость разработки системы контроля за данным пространством. В предлагаемой статье рассматриваются основные проблемы концепции российской политики национальной кибербезопасности. Авторы отмечают, что на политику безопасности и защиты информационных ресурсов и данных влияют две разнонаправленные тенденции: отсутствие четкого определения интернет-пространства и его границ в законодательной базе и интерес государственного сектора к независимости и защищенности этого пространства от возможных угроз и атак. Формирование концепции национального интереса в поле кибербезопасности ведет к решению сразу нескольких задач как на внутреннем поле цифрового присутствия, так и на международной арене. Авторы приводят ряд основополагающих терминов, которые будут интересны и необходимы для дальнейших исследований в данном направлении, и обращают внимание на недостаточную терминологическую разработанность данной темы.

Ключевые слова: кибербезопасность; цифровое пространство; киберпреступность; интернет-пространство; цифровизация; киберугроза

Для цитирования: Никопорец-Такигава Г.Ю., Бучнев Е.В. Методологические проблемы формирования концепции национальной кибербезопасности Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):70-74. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-70-74

ORIGINAL PAPER

Methodological Problems Concerning Concept's Formation of the National Cybersecurity in the Russian Federation

G. Yu. Nikoporets-Takigawa^a, E.V. Buchnev^b

Russian State Social University (RSSU), Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-5611-8396>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-5511-9784>

ABSTRACT

The development of information technologies and the widespread digitalisation of many life factors needs an individual's information security in the digital space. Also, it indicates the need to develop a system of control over this space. This article discusses the main problems concerning the Russian national cybersecurity policy concept. The authors note that two multidirectional trends influence the implementation of the security policy and the protection of information resources and data. First, it is the lack of a clear definition of the Internet space and its boundaries in the legislative framework. Second, the significant interest of the public sector in the independence and security of this space from possible threats and attacks. The formation of the concept of national interest in the field of cybersecurity leads to the solution of several tasks at once, both in the internal domain of digital presence and in the international arena. The authors provide several fundamental terms that will be interesting and necessary for further research in this direction. We have drawn attention to the insufficient terminological elaboration of this topic.

Keywords: cybersecurity; digital space; cybercrime; internet space; digitalisation; cyber threat

For citation: Nikoporets-Takigawa G. Yu., Buchnev E.V. Methodological problems concerning concept's formation of the national cybersecurity in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):70-74. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-70-74

ВВЕДЕНИЕ

На данном этапе развития цивилизации интернет-пространство формирует новый процесс социализации. Если в рамках географических границ и политических административных единиц мы говорим о развитии и возможном сворачивании процесса глобализации, в цифровом пространстве глобализация — процесс, состоявшийся и практически завершившийся. Возникает новая форма государственности — e-government и e-governance. Интернет-пространство создает законы и нормы поведения и участия. Это пространство, как и любое другое, подвержено угрозам различного характера, но, в отличие от нецифровых пространств, угрозам неосязаемым и в силу этого не поддающимся контролю. Развитие информационных технологий обусловило возникновение новых видов и причин конфликтов и кризисов. Интернет-пространство, в частности как политический институт, развивается стремительнее других нецифровых пространств. Оно не просто отвечает на запросы, но и создает прецеденты¹, казавшиеся невозможными несколько лет назад². Подобные обстоятельства указывают не только на особую важность процессов, происходящих в интернет-пространстве, но и на необходимость их защиты.

Система кибербезопасности должна включать те меры и действия, которые способствуют защите процессов, операций и информации внутри интернет-пространства. Однако существуют трудности в идентификации, понимании характера, источника и направления кибератак, и это обстоятельство актуализирует необходимость формирования национальной концепции кибербезопасности.

Стратегия национальной кибербезопасности должна работать как на персонализированную защиту индивидуума, так и на защиту государства и социума. Если по отношению к социуму в целом данная политика должна выступать в качестве одной из функций государства, то в случае киберзащиты индивидуумов участие государства требует сложной детализации.

МЕТОДЫ

В рамках исследования использовался классический метод анализа документации и нор-

мативно-правовой базы Российской Федерации. Критический анализ позволил выявить проблемное поле, очертить круг необходимых дополнительных исследований, способствующих дальнейшему формированию концепции государственного присутствия в интернет-пространстве, а также определить степень взаимодействия в нем государства и гражданина. Для выборки был проведен контент-анализ концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации (проект)³ и Руководящих указаний по кибербезопасности⁴, позволивший прояснить заинтересованность в кибербезопасности как залого независимости государственной политики и власти в целом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Развитие отечественных информационных технологий в России, как и в других странах, происходило преимущественно в области военно-промышленного комплекса и выступало не только гарантом безопасности и подконтрольности советского вооружения, но и подтверждало высокий уровень знаний советских специалистов и их возможность самостоятельно разрабатывать и исследовать информационное пространство как таковое. Впоследствии, в связи с распадом СССР и экономическим и социальным кризисами, информационные технологии в сознании граждан все чаще стали ассоциироваться с определенным уровнем благосостояния и избранностью. Первое десятилетие существования независимого российского государства ставило перед населением вопросы выживания во время социального и экономического кризиса, а также диктовало необходимость знакомства с информационными технологиями, которые постепенно стали проникать в быт рядовых граждан. Цифровизация проникла практически во все сферы жизнедеятельности: денежные средства начали массового вытесняться из обращения благодаря банковским картам, а в дальнейшем и технологиям бесконтактной оплаты; электросамокаты и электровелосипеды с внутренним программным обеспечением позволили большому количеству граждан передвигаться

¹ URL: <https://anri.org.ru/2019/06/09/v-zashhitu-ivana-golunova/>

² URL: <https://style.rbc.ru/life/5f1ffd909a7947b6725c35ac>

³ Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf>

⁴ Международный стандарт ИСО/МЭК 27032:2012. URL: <https://www.iso.org/standard/44375.html>

на недоступные ранее расстояния в крупных городах [1]. Цифровизация услуг образования делает процесс получения знаний и умений не только более быстрым, но и формирует безбарьерное образовательное пространство [2, 3]; медицинские и муниципальные услуги, которые начали развиваться в столице, позволяют перевести огромный объем работы в цифровое поле [4].

Таким образом, в развитых странах сформировалось общество потребления, получившее возможность использовать технологические средства и информационное пространство, но не выработавшее достаточного опыта по защите этого пространства и своего нахождения в нем. На данный момент в государстве существуют не только региональные⁵, но и федеральные интернет-ресурсы⁶, которые аккумулируют в себе сразу несколько функций и институтов [5]: медицина, образование, транспорт, Пенсионный фонд, трудовая деятельность. При этом оценить степень защищенности информации и доверия к такой защите у населения достаточно сложно, так как известные исследовательские центры не располагают подобной статистикой. Хотя подобная информация могла бы быть полезна для целого ряда исследований в контексте киберзащиты и кибербезопасности [6].

Отдельно следует отметить попытки государства сформировать нормативную базу для выстраивания политики кибербезопасности. Речь идет о стратегии кибербезопасности Российской Федерации [7]. Не вызывает сомнения тот факт, что развитие цифровых технологий в России происходило намного быстрее, чем во многих странах Европы, Африки и Азии. Однако разграничение интернет- и информационного пространства происходит в нашей стране достаточно медленно, о чем свидетельствует наличие двух отдельных терминов: «интернет-пространство» и «цифровое пространство».

Процесс формирования национальной стратегии, начавшийся в 2013–2014 гг., не привел к созданию официального документа, закрепляющего обязанности государства в отношении обеспечения кибербезопасности. Однако в 2014 г. был разработан и предложен к обсуждению проект концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации. Основной

задачей указанной концепции, как следовало из введения, было обоснование актуальности формирования национальной политики интернет-безопасности. В данном проекте была предпринята попытка закрепить основные принципы национальной стратегии и ее место в государственно-правовой системе Российской Федерации. Концепция рассматривала цифровизацию как неотъемлемую составляющую развития современного демократического государства, ориентированного на эффективность и социальную ответственность, а внедрение цифровых процессов в систему государственного и экономического управления — как логичный критерий совершенствования самой системы.

Данный документ должен был аккумулировать в себе предыдущие предложения и разработки⁷, направленные на формирование множества аспектов российской информационной безопасности⁸⁹. Тем не менее особого внимания заслуживает попытка представить интернет-пространство как систему отношений государства и гражданина, заинтересованных в безопасности личности и информации.

В рамках проведенного анализа документа был выделен пункт V указанной стратегии, где сформулированы основные принципы, выступающие базисом для стратегии государственной кибербезопасности. Проект предлагал 6 принципов, каждый из которых затрагивал: участников системы взаимоотношений в интернет-пространстве, первостепенную защиту личности (либо организации) и приравненной к ней информации, необходимость сотрудничества всех участников системы взаимоотношений для обеспечения максимальной защищенности, границы ответственности сторон в случае возникновения потенциальных киберугроз, важность оценки приоритетности риска кибербезопасности и возможных негативных последствий.

Проектная концепция позволила выявить государственные интересы, границу

⁵ Сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru>

⁶ ГОСУСЛУГИ. URL: <https://www.gosuslugi.ru>

⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁸ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646).

⁹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 07.02.2008 № Пр-212).

необходимой защиты и своего (государственного) присутствия в информационном пространстве. Сами взаимоотношения государства и гражданина рассматривались как партнерские, взаимовыгодные и взаимно необходимые.

Для обеспечения кибербезопасности государство предложило не просто идентифицировать возникающие угрозы, но и координировать действия всех участников, присутствующих в информационном поле. Данная система позволила бы обеспечить максимально эффективное использование государственных усилий по поддержанию защиты ресурсов и выбор рациональных методов защиты.

Следует отметить, что в данном документе интернет-пространство понимается как независимое поле интересов, где государство должно помочь обеспечить максимальную защиту своих граждан. Следовательно, такая защита от всех возможных киберугроз и кибератак — помощь гражданам от государства, что не предполагает полного контроля и вмешательства с его стороны в интернет-пространство. Более того, имеются в виду именно совместные усилия граждан и государства по обеспечению личной кибербезопасности, что подразумевает также и большую степень усилий самого гражданина по обеспечению своей защищенности. Таким образом, именно данное сотрудничество государства и гражданина будет формировать благоприятную среду для функционирования механизмов защиты и создаст защищенность всего интернет-пространства. Из этого следует, что кибербезопасность — это не система законов и требований, а система кооперации внутри интернет-пространства. Этот аспект особенно важен в настоящее время (когда

все чаще звучат призывы о независимости и автономности российского интернета, а следовательно, и интернет-пространства), так как он позволяет понять, что существуют концепции, которые не ставят своей целью подчинение интернет-пространства государству, но пытаются сформировать новый вид сотрудничества с гражданином.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Формирование национальной политики кибербезопасности — процесс длительный и комплексный. Существование независимого, но безопасного для государства и граждан интернет-пространства — залог успешного функционирования не только экономических и политических институтов государства (обеспечение которого является одной из первостепенных функций государства как такового), но и общества в целом. Исследование проблемных зон нормативно-правовой базы политики государственной кибербезопасности должно стать основой для прояснения и разделения государственной и личной ответственности по созданию безопасного интернет-пространства, для разграничения защиты этого пространства и использования его государством в определенных целях.

Национальная кибербезопасность подразумевает не только нормативно-правовое регулирование данного поля взаимоотношений, но и развитие грамотности использования интернет-ресурсов, цифровой культуры; формирование четкого представления о личных цифровых данных гражданина, требующих такой же защиты, как физические и материальные ресурсы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов В. И. Создание инфраструктуры велосипедного транспорта в г. Москве. *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020;3(1):938–940.
2. Понизовкина И. Ф. Цифровизация высшего образования: перспективы и риски. *Право и практика*. 2020;(1):194–202.
3. Лукьянец А. Н., Ельмендеева М. А. Педагогические технологии в эпоху цифровизации высшего образования. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020;9(4):171–173.
4. Шандора Н. Цифровизация системы здравоохранения: опыт и перспективы. *Наука и инновации*. 2020;(2):38–43. URL: <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2020-2-38-43>
5. Hayes R. A. One click, many meanings: interpreting paralinguistic digital affordances in social media. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2016;(60):171–187.
6. Урнов М. Ю. Россия: виртуальные и реальные политические перспективы. *Общественные науки и современность*. 2014;(5):52–62.
7. Литвинов Д. А. Оценка политики России в области кибербезопасности и возможные варианты ее совершенствования. *Вестник науки и образования*. 2019;19-2(73):76–82.

REFERENCES

1. Stepanov V. I. Creation of cycling infrastructure in Moscow. *The Greater Eurasia: Development, security, cooperation = Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 2020;3(1):938–940. (In Russ.).
2. Ponizovkina I. F. Digitalisation of higher education: prospects and risks. *Law and practice = Pravo i praktika*. 2020;(1):194–202. (In Russ.).
3. Lukyanets A. N., Elmendeveva M. A. Pedagogical technologies in the era of digitalisation of higher education. *The azimuth of scientific research: pedagogy and psychology = Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. 2020;9(4):171–173. (In Russ.).
4. Shandora N. Digitalization of the healthcare system: experience and prospects. *Science and innovation = Nauka i innovatsii*. 2020;(2):38–43. URL: <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2020-2-38-43>. (In Russ.).
5. Hayes R. A. One click, many meanings: interpreting paralinguistic digital affordances in social media. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2016;(60):171–187.
6. Urnov M. Yu. Russia: virtual and real political perspectives. *Social sciences and modernity = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2014;(5):52–62. (In Russ.).
7. Litvinov D. A. Assessment of Russia's cybersecurity policy and possible options for its improvement. *Bulletin of science and education = Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2019;19-2(73):76–82. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галина Юрьевна Никипорец-Такигава — доктор политических наук, кандидат филологических наук, декан гуманитарного факультета, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

nikiporetsgiu@rgsu.net

Евгений Владимирович Бучнев — аспирант, ассистент гуманитарного факультета, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

buchnevev@rgsu.net

ABOUT THE AUTHORS

Galina Yu. Nikiporets-Takigawa — Dr. Sci. (Political Sciences), Cand. Sci. (Philological Sciences), Dean of the Faculty of Humanities, RSSU, Moscow, Russia

nikiporetsgiu@rgsu.net

Evgeny V. Buchnev — Assistant and Postgraduate student at the Faculty of Humanities RSSU, Moscow, Russia

buchnevev@rgsu.net

Статья поступила 10.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.12.2021; accepted for publication on 20.12.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-75-79
УДК 159.9(045)

Доверие как политико-психологический феномен*

Д.З. Музашвили

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7500-1513>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается доверие как важнейший элемент функционирования общества. Проведен анализ литературы по проблеме доверия в различных областях знания, таких как философия, социология, экономика, политология. Особый акцент сделан на изучении доверия и недоверия с точки зрения психологических исследований, с учетом влияния глобальных преобразований в современном обществе. Кроме того, проведен анализ исследований по проблемам доверия к политическим лидерам, институтам, органам государственной власти.

Ключевые слова: доверие-недоверие; доверительные отношения; факторы доверия; уровень доверия; эмоциональный компонент; когнитивный компонент; избирательная кампания; положительный имидж

Для цитирования: Музашвили Д.З. Доверие как политико-психологический феномен. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):75-79. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-75-79

ORIGINAL PAPER

Trust as a Political and Psychological Phenomenon**

D.Z. Muzashvili

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7500-1513>

ABSTRACT

The article examines Trust as the essential element of the functioning of society. Firstly, the author analysed the literature on the problem of Trust in various fields of knowledge, such as philosophy, sociology, economics, and political science. Particular emphasis was placed on the study of Trust and distrust from the point of view of psychological research, considering the impact of global transformations in modern society. In addition, the author carried out the analysis of studies on the issues of trust in political leaders, institutions, government bodies.

Keywords: trust-distrust; trusting relationship; trust factors; level of trust; emotional component; cognitive component; election campaign; positive image

For citation: Muzashvili D.Z. Trust as a political and psychological phenomenon. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):75-79. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-75-79

Доверие как один из основных элементов функционирования общества в целом, а также — важная часть межличностного и межгруппового взаимодействия присутствует во всех сферах общественной жизни (политике, образовании, экономике, религии и т.д.) и в последнее время привлекает внимание исследователей в различных областях знания. Рассматривая взаимоотно-

шения в любой из них, мы обнаруживаем аспект, который можно выразить в категории «доверие-недоверие».

Опираясь на данные регулярных исследований консалтингового агентства Edelman «Барометр доверия» (Edelman Trust Barometer), которое проводится в 27 странах мира, можно заметить, что у России наиболее низкие показатели во всех областях (<https://www.edelman>).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 21-011-31678 «Разработка индекса доверия к власти граждан и элит современной России».

** This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project 21-011-31678 "Development of an index of trust in the government of citizens and elites of modern Russia."

com/trust/2021-trust-barometer). Нельзя не учитывать тот факт, что большое влияние на это оказали эпидемия и кризис: в таких условиях меняются социальные представления о доверии, формы и характеристики отношений, носящих доверительный характер.

В различных областях психологического знания (организационной, педагогической, политологической, возрастной психологии) построение доверительных отношений — одна из самых актуальных тем для исследований, учитывая тот факт, что глобальные преобразования в современном обществе — как политические, так и социально-экономические — неизбежно влияют не только на построение, но и на сохранение доверия.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проанализировал уровень доверия россиян к власти. Согласно представленным данным на 24 декабря 2021 г. показатель одобрения деятельности Президента вырос по сравнению со значениями предыдущей недели (65,5 и 60,5% соответственно). Уровень доверия составил 66,9%. Уровень положительной оценки работы премьер-министра и правительства России — 38,8 и 31,9% соответственно (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaja-press-konferencija-prezidenta-rf-2021-i-reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-2021-12-24>).

Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) представил данные, согласно которым 31% россиян считают, что людям можно доверять, 65% — что с людьми следует быть осторожными, 16% участников опроса уверены, что сегодня в нашем обществе люди доверяют друг к другу, а 78% убеждены в обратном (<https://fom.ru/TSennosti/14215>).

Феномен доверия на протяжении последних лет интересует исследователей в разных областях научного знания: философии, социологии, политологии, экономики и, конечно же, психологии. Есть большой массив информации об исследовании данного феномена, проанализировав который, можно заключить, что существуют его различные трактовки, а также множество теоретических моделей доверия, — в зависимости от целей исследований.

Исследователи С. Д. Гуриева и М. М. Борисова провели масштабный анализ научной литературы социально-психологического характера по проблеме доверия, в результате которого было выявлено, что термин «доверие» понимается весьма неоднозначно и имеет множество различных трактовок в связи с широкими возможностями его применения. Разные научные направления ищут свои механизмы формирования доверия, а также возможности трансформации и инструменты воздействия.

Согласно данному исследованию в философии доверие — это «реалия социального бытия, продуктивная социальная конструкция», а также «современная социальная проблема, социально-экономический механизм, обеспечивающий социальное развитие и социальный порядок» (В. Ю. Столяр), в экономике — «социально-экономический феномен сознания и функциональная характеристика социальной жизни общества на макро-, мезо- и микроуровнях, понимаемые как убеждение в надежности действий и коммуникаций с различными акторами и предсказуемости их поведенческих реакций» (Г. С. Ромашкин), в социологии — «вера в надежность человека и социальной системы» (Э. Гидденс), а также «функция деятельности социальных акторов, реализующаяся вне сферы системных ролевых ожиданий» (А. Селигмен). В политологии доверие — это «эмоционально окрашенное, устойчивое отношение людей к политическим институтам, руководителям, выражающееся в их поддержке, в отождествлении с ними личности, определенной социальной группы, в рассмотрении их как своих представителей» (Г. Д. Ишманова) и «важнейший фактор международных отношений, роль которого в последние годы приобретает все большее значение». «Доверие является условием создания таких сложных международных политических систем, как интеграционное объединение» (Р. А. Доброхотов) [1].

В различных областях психологического знания (организационной, педагогической, политологической, возрастной психологии) построение доверительных отношений — одна из самых актуальных тем для исследований, учитывая тот факт, что глобальные преобразования в современном обществе — как политические, так и социально-экономические — неизбежно влияют не только на построение, но и на сохранение доверия.

Данный феномен имеет истинно психологическую природу и является основой не только межличностного взаимодействия, но и взаимоотношения человека с миром и с самим собой [2]. На Западе исследование доверия как психологического явления началось с проблемы взаимодействия психотерапевта и клиента в процессе терапии и установления доверительных отношений в процессе психологического консультирования. Можно сказать, что какой бы аспект доверия мы ни рассматривали в различных сферах, всегда существует его психологическая составляющая.

Среди наиболее крупных психологов, изучавших феномен доверия, следует отметить Э. Эриксона, который ввел понятие «базовое доверие», противопоставив ему «недоверие к окружающему миру» [3], а также А.Г. Маслоу, Э. Фромма, К.Р. Роджерса, Э. Шострома.

В отечественной литературе наиболее глубокий анализ доверия провел исследователь А.Б. Купрейченко. Рассматривая данный феномен как психологическое отношение, автор выделяет три составляющих компонента: эмоциональный, поведенческий и когнитивный [4]. Эмоциональный компонент включает в себя эмоциональную сторону процесса общения. В поведенческий входит предрасположенность к определенным действиям при общении с партнером с учетом обстоятельств взаимодействия. Когнитивный включает в себя представление обо всех участниках процесса, которые находятся в доверительных отношениях, а также об условиях их взаимодействия.

Но рассматривать доверие лишь в контексте взаимодействия при общении людей друг с другом было бы неверно. Более широкую, онтологическую трактовку данного явления дает автор Т.П. Скрипкина — один наиболее авторитетных исследователей данного феномена. Автор полагает, что доверие — один из видов социально-психологической установки

и выделяет три вида доверия: к окружающему миру, к людям и к самому себе [5, 6].

Мы уже установили, что доверие присуще всем сферам человеческой жизни, т.е. от степени доверия в процессе взаимодействия человека с окружающим миром зависит как сама суть взаимодействия, так и его результат. С учетом этого рассматривается доверие населения к природе, миру в целом, государственным органам и политике правительства.

Избиратели составляют мнение не столько о самой политике, сколько о том образе, который он выстраивает. При этом необходимо обратить внимание на то, что один и тот же образ люди воспринимают по-разному. Чаще всего доверие возникает тогда, когда политик провозглашает те же ценности, которые поддерживает электорат.

В свое время Ф. Фукуяма высказал мысль, что доверие — это базовая характеристика развитого человеческого общества, проявляющаяся и на индивидуальном уровне и на социальном [7].

Анализ исследований по проблемам доверия к властным институтам, политическим лидерам и т.д. выявил несколько особенностей:

- Уровень доверия к определенным лицам государственной власти значительно выше, чем уровень доверия к властным институтам, при этом важен статус руководителя: чем выше уровень, тем больше доверия [8].
- Немаловажным фактором в контексте формирования доверия является активность политика в социальных сетях, что делает его «доступным» к общению, приближая к обычному пользователю. Иллюзия сокращения дистанции, возможность личной коммуникаций путем написания сообщения как обычному пользователю интернета — все это повышает уровень доверия, создавая образ открытого человека [9]. Новые информационные техно-

логии в условиях цифровизации — наиболее перспективное направление в области формирования общественного доверия.

В результате исследований также были выявлены факторы, оказывающие влияние на формирование доверия к органам государственной власти и политическим деятелям: ориентация на решение проблем социального характера (с учетом интересов и нужд населения); наличие в сознании стереотипов о представителях государственной власти; объем информации, носящей объективный характер [9].

Но факторы доверия и недоверия к органам государственной власти в современных условиях весьма изменчивы и противоречивы. Граждане в повседневной жизни склонны к проявлению доверия (пусть и на подсознательном уровне), но все же, согласно результатам исследования, у многих людей имеется четкая установка на запрет проявления доверия. Однако молодое поколение более склонно к доверию, чем к недоверию [10].

Особое значение феномена доверия к власти имеют избирательные кампании. По данным исследований, сформировать положительный имидж можно путем использования информационно-психологических инструментов. От этого напрямую зависит успех политиков, чьи полномочия определяются в ходе выборов [11].

Интересно, что избиратели составляют мнение не столько о самом политике, сколько о том образе, который он выстраивает. При этом необходимо обратить внимание на то, что один и тот же образ люди воспринимают по-разному. Чаще всего доверие возникает тогда, когда политик провозглашает те же ценности, которые поддерживает электорат. Исследователи выявили характеристики политика, которые способствуют формированию доверия: надежность, честность, оптимизм, доброжелательность, искренность, профессионализм, открытость, хорошее партнерство, а также характеристики, которые разрушают его: высокомерие, эгоизм, агрессия, необязательность, пренебрежение к окружающим [11]. Как и в любой организации, стоит учитывать тот факт, что построение доверительных отношений основывается на ясных, четко сформулированных и общепризнанных принципах и задачах.

Таким образом, доверие — это сложное понятие, достаточно широко представленное в современных исследованиях в различных областях. Если рассматривать доверие общества в целом, то не вызывает сомнения тот факт, что жизнь в условиях взаимного доверия комфортнее, но «доверие — одно на всех, а недоверие — персонально, и чтобы люди смогли от него отказаться, в обществе должны сформироваться устойчивые и прочные привычки и стимулы» [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуриева С. Д., Борисова. М. М. Доверие как социально-психологическое явление. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2014;(4):126–136.
2. Скрипкина Т. П. Психология доверия. Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия; 2011. 264 с.
3. Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. Пер. с англ. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга»; 1996. 590 с.
4. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН; 2008. 564 с.
5. Скрипкина Т. П. Методологические подходы и основные направления изучения доверия в отечественной психологии. От истоков к современности. Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. М.: Когито-Центр; 2015.
6. Скрипкина Т. П. Психология доверия. Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия; 2011. 264 с.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак»; 2004. 732 с.
8. Копылова Ю. Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти. Дис... канд. психол. наук: 19.00.05. М.; 2003. 173 с.
9. Киселева А. М., Шпак Е. А. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом. *Власть и государственное управление*. 2015;6(37):66–75.
10. Плесовских С. Н. Феномен доверия в российском обществе: социологические основы и диагностика. Автореф. дис. ... канд. наук. М.; 2004.

11. Шукюрова М.Г. Доверие как социально-психологический феномен в политике. Автореф. дис. ... канд. наук. М.; 2005. 158 с.

REFERENCES

1. Gurieva S.D., Borisova M.M. Trust as a socio-psychological phenomenon. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*. 2014;(4):126–136. (In Russ.).
2. Skripkina T. P. The psychology of trust. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions. Moscow: Academy; 2011. 264 p. (In Russ.).
3. Erickson E. Childhood and Society. 2nd ed., rev. and amend. St. Petersburg: Lenato, AST, University Book Foundation; 1996. 590 p. (In Russ.).
4. Kupreychenko A. B. The psychology of trust and distrust. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2008. 564 p. (In Russ.).
5. Skripkina T. P. Methodological approaches and main directions of the study of trust in Russian psychology. From the origins to the present: a collection of materials from the anniversary conference. In 5 vols. Moscow: Kogito-Center; 2015. (In Russ.).
6. Skripkina T. P. The psychology of trust. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions. Moscow: Academy; 2011. 264 p. (In Russ.).
7. Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity. Moscow: AST Publishing House; "Ermak"; 2004. 732 p. (In Russ.).
8. Kopylova Yu. N. Public trust as a factor in increasing the social status of public authorities. Abstract of dis ... cand. psychol. sciences: 19.00.05. Moscow; 2003. 173 p. (In Russ.).
9. Kiseleva A. M., Shpak E. A. Social networks in the process of communication between government and society. *Vlast' i gosudarstvennoye upravleniye = Power and public administration*. 2015;6(37):66–75. (In Russ.).
10. Plesovskikh S. N. The phenomenon of trust in Russian society: sociological foundations and diagnostics. Author's abstract of dis. ... cand. sciences. Moscow; 2004. (In Russ.).
11. Shukurova MG Trust as a socio-psychological phenomenon in politics. Author's abstract of dis. ... cand. sciences. Moscow; 2005. 158 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Диана Зурабовна Музашвили — кандидат философских наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
DZMuzashvili@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Diana Z. Muzashvili — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia
DZMuzashvili@fa.ru

Статья поступила 25.12.2021; принята к публикации 30.12.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.12.2021; accepted for publication on 30.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Взгляд на межкультурную коммуникацию как взаимодействие жизненных миров и преодоление кризиса доверия*

С.А. Большунова^а, А.Г. Тюриков^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена научному наследию Андрея Яковлевича Большунова — мыслителя, ученого и наставника, который внес большой вклад в науку и дидактику. В статье рассматривается роль межкультурной коммуникации в социокультурной сфере как базовой для остальных сфер жизнедеятельности общества, включая политику, образование, науку и экономику. В работе в виде карты жизненных миров представлена авторская модель межкультурной коммуникации в социокультурной сфере. Жизненный мир понимается авторами как intersubjectively разделяемый повседневный мир индивида. Анализ отношений между социокультурными жизненными мирами в динамике позволяет констатировать наличие трансформаций, децентраций, пересборки социального, глобальной напряженности. Преодоление кризиса доверия, снижение международной напряженности, по мнению авторов, возможно за счет создания общего глобального жизненного мира. В качестве конкретных практик, способствующих созданию пространства intersubjectively разделяемых смыслов, предложены делиберативные мероприятия, основанные на модели абсолютного гостеприимства и обращения даров.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; жизненный мир; intersubjectivity; делиберация; абсолютное гостеприимство; кризис доверия; межкультурные конфликты

Для цитирования: Большунова С.А., Тюриков А.Г. Взгляд на межкультурную коммуникацию как взаимодействие жизненных миров и преодоление кризиса доверия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):80-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-80-89

ORIGINAL PAPER

A Look at Intercultural Communication as the Interaction of Lifeworlds and Overcoming the Crisis of Trust**

S.A. Bolshunova^а, A.G. Tyurikov^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

ABSTRACT

The article is devoted to the scientific heritage of Andrei Yakovlevich Bolshunov, a thinker, scientist, and mentor who made an outstanding contribution to science and didactics. The article examines the role of intercultural communication in the sociocultural sphere as a basic one for other spheres of society's life, including politics, education, science, and economics. In this paper, we presented the authors' model of intercultural communication in the sociocultural sphere in the form of a map of the lifeworlds. Under the term 'lifeworld', we understood by the authors as an intersubjective shared everyday world of the individual. Analysis of the relationship between sociocultural lifeworlds in dynamics makes it possible to ascertain the presence of transformations, decentrations, reassembly of social, global tensions. Overcoming the crisis of confidence, reducing international tension, according to the authors, is possible through the creation of a common global lifeworld. Finally, we propose a specific practices that contribute to creating a space of intersubjectively shared meanings, deliberative activities based on the model of absolute hospitality and the circulation of gifts.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

Keywords: intercultural communication; lifeworld; intersubjectivity; deliberation; absolute hospitality; crisis of confidence; intercultural conflicts

For citation: S.A. Bolshunova, A.G. Tyurikov. A look at intercultural communication as the interaction of lifeworlds and overcoming the crisis of trust. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):80-89. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-80-89

В настоящей статье представлены результаты теоретического исследования глобальной социокультурной ситуации, формирующей межкультурные коммуникации в современном мире.

По мнению авторов, именно социокультурная сфера общественной жизни является базовой для протекания любых межкультурных коммуникаций, поскольку остальные сферы, в частности политическая, экономическая, научная и пр., находятся внутри нее. Сходной точки зрения придерживаются авторы из разных областей науки. Например, экономисты. Р. Бэртон утверждает, что экономическая теория является культурной системой [1], а Т. Седлачек подчеркивает культурное происхождение экономики [2]. Помимо теоретической взаимосвязи культуры и экономики, существуют и конкретные эмпирические данные, указывающие на то, что экономическая деятельность индивида зависит от его культурной принадлежности, или, в нашей терминологии, его принадлежности к определенному жизненному миру. Так, множество работ посвящены описанию культурной специфики ведения бизнеса и межкультурных переговоров [3, 4]. Из данных текстов очевидно, что экономические акторы не руководствуются исключительно экономическими рациональными мотивами, — во многом их действия продиктованы культурной принадлежностью.

В политологии культурологический подход выражается в рассмотрении политики как поля культуры [5]. Подобно культурной специфике бизнеса можно говорить о культурных особенностях политики тех или иных стран или формаций. Аналогичным образом культурными особенностями обладает сфера образования, что отражается в формировании учебных программ и планов, отборе предметов, входящих в школьную или вузовскую программу, выборе методов обучения и его содержания. Культура влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Таким образом, с точки зрения культурологического подхода экономика, политика, образование, наука представляют собой воплощения культуры.

Классическое определение социокультурной сферы в социологии базируется на создании и/или сохранении нормативной культурной традиции, разделяемой в той или иной степени всеми членами общества и передаваемой через различные социальные процессы [6]. Мы проанализируем некоторые из существующих подходов к демаркации социокультурных кластеров.

Во-первых, это цивилизационная модель С. Хантингтона. Еще в 1990-х гг. социолог С. Хантингтон размышлял о цивилизационных войнах как основной угрозе XXI в. [7]. Возможный раскол виделся ему не по географическим границам, но по границам цивилизаций. Под цивилизацией он понимал наивысшие культурные образования, объединяющие людей и обеспечивающие им культурную самобытность. С. Хантингтон выделял восемь основных цивилизаций: западную, исламскую, конфуцианскую, японскую, индуистскую, славяно-православную, латиноамериканскую и африканскую, а отношения между ними определял как более или менее конфликтные, но фактически никогда не нейтральные.

Другое распространенное деление представлено в рамках Всемирного обзора ценностей, начатого Р. Инглхартом и проводимого на протяжении последних 40 лет [8]. В исследовании выделено два основных измерения межкультурных вариаций: 1) традиционные и секулярно-рациональные ценности; 2) ценности выживания и самовыражения. Самая новая Всемирная карта ценностей включает 8 кластеров: африкано-исламские, латиноамериканские, православно-европейские, западно- и южноазиатские, конфуцианские, католическо-европейские, протестантско-европейские, ценности англоговорящих стран. Многолетнее исследование Р. Инглхарта демонстрирует, что ценности трансформируются, а карта со временем претерпевает существенные изменения.

Типологизация мира с позиции отечественного ученого обнаруживается у философа Н. Я. Данилевского, опубликовавшего труд «Россия и Европа» во второй половине XIX в. [9]. Он также оспаривает деление, основанное исключительно на географических и исторических признаках,

и настаивает на необходимости введения такого понятия, как «культурно-исторический тип», который определяется языком, культурными и психологическими факторами, присущими совокупности близких по духу народов. Всего Н. Я. Данилевский выделял одиннадцать типов: египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, европейский и развивающийся славянский. Все типы признавались им самобытными цивилизациями, но особое внимание он уделял формирующейся славянской цивилизации. В зарождающийся Всеславянский союз, по его мнению, должны были войти: Россия, Украина, Беларусь, Польша, Чехия, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия, Болгария, Молдавия, Крит, Кипр, Родос, Венгрия.

Приведенный обзор нельзя назвать исчерпывающим, однако он является достаточным, чтобы сделать некоторые выводы. Во-первых, выделение социокультурных кластеров возможно на основании различных параметров: географии, языка, истории, традиций, социальных практик и институтов, ценностей, психологических факторов и пр. Во-вторых, несмотря на различия в параметрах, результат у многих авторов классификаций и типологий оказывается схожим. Это дает основания предполагать, что существуют некоторые фундаментальные различия социокультурных формаций, которые затем воплощаются в разных формах: ценностях, институтах, практиках и т.д. Мы предполагаем, что таким фундаментальным отличием является принадлежность к разным жизненным мирам, из которых исходят конкретные воплощения.

С точки зрения феноменологического подхода, которого придерживаются авторы статьи, онтология социокультурного строится посредством понятия интерсубъективности как обобщенного опыта представления. Жизненный мир — это интерсубъективно разделяемый повседневный мир индивида. Авторская модель межкультурной коммуникации в социокультурной сфере создана на основании определения, описывающего межкультурную коммуникацию как вид целенаправленного и самоорганизующегося коммуникативного взаимодействия, видообразующим признаком которого является дефицит интерсубъективно разделяемых ресурсов, возникающий вследствие того, что коммуниканты принадлежат разным жизненным мирам [10]. Вслед за Ю. Хабермасом

мы считаем, что жизненный мир конституируется различными интерсубъективно разделяемыми ресурсами, такими как общие смыслы, язык, ценности, общественные практики, социальные институты, символы, знания, первичная интерсубъективность [11]. Производство жизненных миров осуществляется посредством коммуникативных действий.

В отличие от цивилизаций, культурно-исторических типов и ценностных кластеров, жизненные миры, как уже сказано, конституированы интерсубъективными ресурсами. Соответственно, народы или сообщества будут относиться к одному жизненному миру, если у них есть общие интерсубъективные ресурсы. Иными словами, чем больше ресурсы схожи друг с другом, тем ближе жизненные миры.

Еще один важный параметр, который необходимо добавить к интерсубъективным ресурсам в социокультурной сфере, — «общность судьбы», о которой писал О. Бауэр, давая определение нации [12]. Общность судьбы означает совместное переживание сходной судьбы в постоянном общении и взаимодействии, что подчеркивает деятельностный аспект как дополнение к феноменологическим ресурсам. Данный параметр рассматривается нами не как определяющий признак нации, но как критерий оценки близости наций и народов между собой. Именно он позволяет объяснить социокультурное сходство России и таких бывших советских республик как Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизия, которые похожи на Ближний Восток религией и культурой, и, с точки зрения С. Хантингтона, должны быть частью исламской цивилизации, но в настоящий момент ближе к России.

Итак, авторская дескриптивная модель межкультурной коммуникации в социокультурной сфере построена на основе анализа и синтеза существующих культурных типологий (С. Хантингтона, Р. Инглхарта, Н. Я. Данилевского) и применения нового методологического инструментария, созданного в рамках фундаментального исследования доверия в межкультурных коммуникациях. В результате выделено восемь жизненных миров (см. рисунок): евразийский, конфуцианский (китайский), западный, (который может быть разделен на европейский и англоговорящий), исламский, африканский, индуистский, латиноамериканский. Выделенные жизненные миры являются наиболее крупными формаци-

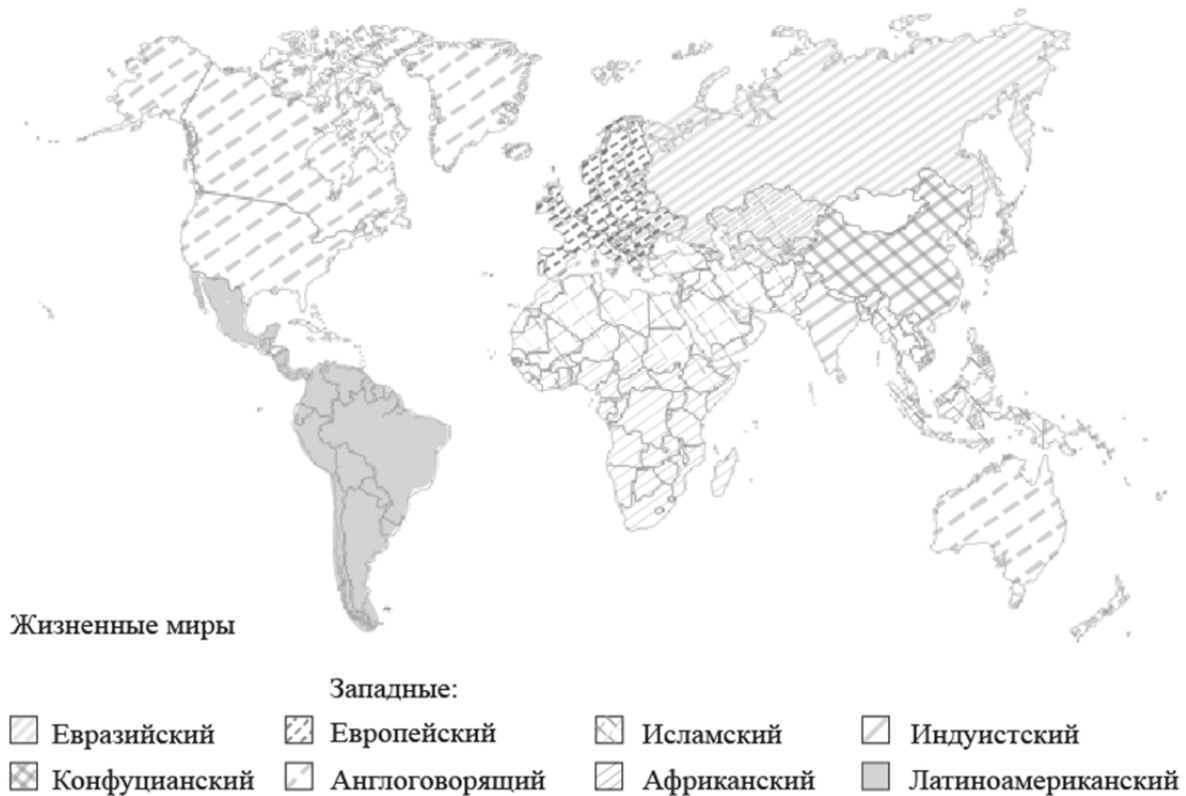

Рис. / Fig. Дескриптивная модель межкультурной коммуникации в социокультурной сфере: карта жизненных миров / A descriptive model of intercultural communication in the sociocultural sphere: a map of the lifeworlds

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ями, которые, подобно сферам, включают в себя меньшие элементы.

Основной чертой современной социокультурной ситуации является ее подвижность. Жизненные миры находятся в стадии трансформаций: некоторые из них разрушаются, другие децентрируются, и внутри них происходит пересборка социального [13]. Поскольку объединение всех существующих типологий и описание всех трансформаций, происходящих с жизненными мирами в мировом масштабе, невозможно в силу объема и трудозатратности, в рамках проводимого исследования было принято решение сосредоточиться на жизненном мире, в который включена Россия. Наиболее корректно обозначить его как евразийский, поскольку он объединяет страны, население которых принадлежит к разным конфессиям, языки которых относятся к разным языковым группам и т.д.

Россия как особый, меньший жизненный мир внутри евразийского, объединяет 85 субъектов и более 190 народов. Далее с разных сторон к РФ примыкают сходные социокультурные области. К одному жизненному миру, исходя из близости

интерсубъективных ресурсов, в первую очередь могут быть отнесены восточные славяне из России, Беларуси и Украины. Помимо общего прошлого, языка, религии, символов, существует ценностная близость данных стран в настоящем времени¹. При этом невозможно не замечать происходящие трансформации и разломы данного жизненного мира. Украинский Евромайдан 2013 г. был напрямую ориентирован на сближение с Европой и продолжал уже начатое движение в сторону западного жизненного мира. Важно отметить, что данная трансформация происходит, в том числе, через целенаправленное создание дефицитов интерсубъективных ресурсов: введение законодательных ограничений на использование русского языка; создание независимых социальных институтов; формирование независимого медиапространства, включая собственные СМИ, телевизионные проекты, социальные сети, блогосферу; пересмотр исторических фактов и конструирование новых символов и идентично-

¹ World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp>

сти. Выборы президента в Беларуси, прошедшие в 2020 г., также продемонстрировали наличие общественных противоречий, которые, при их усилении и радикализации, потенциально ставят вопрос не только о выборе главы государства, но и о выборе жизненного мира.

Второй круг близости к жизненному миру, в который входит Россия, может быть выделен по параметру общей судьбы, сформировавшей общие интерессубъективные ресурсы у изначально довольно разных стран, с точки зрения культуры, традиций, языка и (в некоторых случаях) религии. Речь идет о странах, входивших в СССР. Во-первых, это Грузия и Армения, которые могут быть выделены отдельно, поскольку являются православными и уже по этому параметру близки к рассматриваемому жизненному миру. Во-вторых, это государства Средней Азии: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Азербайджан и Туркменистан. Времена Советского Союза оставили их населению в качестве наследия не только знание русского языка, общий культурный багаж, основанный на советском массовом искусстве (в первую очередь, кинематографе), но и характер функционирования социальных институтов, особенности общественных практик.

Однако и здесь наблюдаются признаки трансформаций и флуктуаций. В Грузии происходят процессы, как в Украине, — движение в сторону Запада. Во всех странах постсоветского пространства наблюдаются похожие политические процессы: авторитарные режимы устанавливаются в них на время или на постоянной основе, что приводит к накоплению общественного недовольства и восприятию Европы как альтернативы авторитаризму и коррупции. Таким образом, мы одновременно видим несомненное сходство указанных стран, но в то же время в динамике наблюдаем процессы разлома.

Особую группу, прилегающую к евразийскому жизненному миру, составляют страны Прибалтики, входившие в состав СССР: Латвия, Литва и Эстония. Именно здесь конфликт жизненных миров, напряженность и взрывные трансформации выражены особенно ярко. С одной стороны, Россия и Прибалтика также обладают общей судьбой, включая как советский период, так и периоды, когда Латвия, Литва и Эстония входили в состав Российской империи. Большинство жителей этого региона до сих пор владеет русским языком, по сей день ощутимы сходства в культуре

и традициях, например в национальной кухне². С другой стороны, политика отделения происходит в данных странах наиболее резко и жестко: законодательно ограничено использование русского языка, сносятся и переносятся памятники советского периода, проводятся информационные кампании среди населения. Такие меры носят слишком радикальный характер, поэтому международная правозащитная организация Amnesty International признала Языковую инспекцию Эстонии — орган, контролирующей неиспользование русского языка, — карательным и репрессивным³.

Последняя группа, причастная к евразийскому миру, может быть выделена на основании типологии Н. Я. Данилевского. Это славянские православные страны: Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Болгария; в меньшей степени — славянские католические страны, в частности: Хорватия, Словения, Словакия, Польша, Чехия, а также европейские православные: Молдавия, Румыния, Греция и Кипр.

Социокультурная напряженность характерна для всех «пограничных», т.е. находящихся на стыке жизненных миров, стран. Более того, помимо напряженности внутри жизненных миров и на их границах, можно также констатировать кризис доверия и глобальную напряженность как борьбу метанарративов различных жизненных миров друг с другом. Это наблюдается и во взаимодействии евразийского мира с западным (о чем свидетельствует «вторая холодная война»), и в противостоянии части исламского мира остальным жизненным мирам, радикализации исламских движений.

Параллельно с этим разные социокультурные формации в настоящее время избирают различные стратегии сохранения социокультурной идентичности и единства. Глобально можно констатировать кризис доверия в международных коммуникациях. Для западной цивилизации характерна экспансия ценностей, для конфуцианской (в лице Китая) — эмансипация и самоизоляция; для индуистской — попытка соз-

² Lithuanian 2011 Population Census in Brief. URL: https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Lietuvos_gyventojai_2011.pdf/8321a3c1-c8b9-4468-825c-52a7b753f281

³ Эстония: языковая полиция получила новые рычаги для дискриминации. URL: https://archive.is/20120717111128/www.amnesty.org/en/library/asset/EUR_51/001/2007/en/e897d3cb-d3ad-11dd-a329-2f46302a8cc6/eur510012007ru.html#selection-283.0-283.65

дания более сильного социокультурного фона, нежели глобальные тренды; для евразийского мира — активная попытка противостоять культурной экспансии на международной арене; для исламского — жесткое отстаивание права на социокультурные проявления и самоопределение; для латиноамериканского — постколониальные движения [14]. Африканский жизненный мир, в силу слабого экономического и политического положения, оказывается вовлеченным в конфликты и революции, становясь площадкой для промышленной экспансии и политических игр западных стран.

Все это ставит перед Россией новые экзистенциальные вызовы. В настоящий момент наблюдается экзистенциализация кризиса в отношениях между разными жизненными мирами, что означает невозможность компромиссов. Каждый жизненный мир претендует на доминирование в политической и социокультурной сфере, однако интерсубъективные ресурсы миров зачастую противоречат друг другу и не могут быть совмещены просто по принципу сложения. Выходом из сложившейся ситуации может стать создание новой картины общего жизненного мира, в котором будет место и основным игрокам (России, Китаю, США и т.д.), и всем другим. Необходим новый глобальный консенсус. Сразу следует заметить, что создание общего жизненного мира не предполагает стирания границ и унификации, но подразумевает формирование зоны разделяемых всеми интерсубъективных ресурсов. Это не редуцирует существующие жизненные миры, но создает еще один, новый, в котором игроки обладают общими смыслами, ценностями, знаниями и т.д., и именно в рамках этого мира обретают способность к продуктивному диалогу.

Таким образом, преодоление кризиса доверия возможно за счет создания зон «активной интерсубъективности», методологически обеспечиваемых высоким уровнем рефлексии и герменевтики и формирующих запрос на ведущие гуманистические понятия. В политической сфере данной цели можно достичь с помощью международных мероприятий в логике коммуникативного действия и делиберативной политики Ю. Хабермаса [15]. В повестку подобных мероприятий должны выноситься глобальные (планетарные) вызовы и проблемы. Подобно авторам доклада Римского клуба, мы разделяем идею о задействовании в общепланетарных интересах потенциала отечественности разных культур [16]. Таким образом,

мероприятия должны быть сфокусированы не на разногласиях, а на общих вызовах. Разногласия же должны присутствовать в момент обсуждения, поскольку цель делиберативных практик — найти консенсусное решение, т.е. такую картину общего мира, в которой есть место видению каждого. Структура указанных мероприятий позволяет добиться эффективной межкультурной коммуникации, поскольку нацелена на создание общего жизненного мира.

Важно, чтобы делиберативные мероприятия носили не разовый, а повторяющийся характер. Перманентное функционирование зон формирования активной интерсубъективности позволит обеспечить непрерывную коммуникацию и генерацию ее новых форм. Делиберативные мероприятия возможны в разном формате, например как международные общественные жюри, советы мудрости, «группы озарения», различные формы, получившие развитие в формат-практиках и т.п. Несмотря на разнообразие форм, их применение — ноу-хау для межкультурной коммуникации. Различие форматов и масштабов делиберативных мероприятий связано с различием целей их проведения и техник модерирования. Обсуждение тех или иных вопросов, скажем, в рамках общественной организации низового уровня, в котором участвуют все или почти все ее члены, может представлять собой тривиальную форму «прямой демократии», а принятые в ходе ее обсуждения решения обычно имеют локальный характер. Напротив, для обсуждения сложных вопросов «регионального масштаба» лучше избрать формат типа «гражданское жюри», «конференция по достижению консенсуса», «делиберативная игра». Делиберативная игра является наиболее распространенным форматом данного направления. Ее правила более подробно описаны в других публикациях авторов⁴.

Несмотря на различие форматов, для делиберативных мероприятий характерны следующие общие правила, связанные друг с другом: 1) изложение того, что важно на самом деле; 2) добросовестное предъявление позиции от первого лица; 3) аргументированная позиция; 4) установка на понимание и взаимопонимание; 5) установка

⁴ Концептуально-методические рекомендации «Дискуссионные модели вовлечения занятых в производственном секторе социальных, деловых и профессиональных групп в производстве общественного капитала». URL: <http://cmrp.ru/uploads/methodology-social-capital.pdf>

на достижение консенсуса; 6) распаковывание («снятие мундиров» и статуса).

Соблюдение этих правил обеспечивает появление принципа субъектности, который «обозначает ...все те преобразования самого себя, которые нужны для получения доступа к истине [правде]», ...«нужно, чтобы субъект менялся, преобразовывался..., становился отличным от самого себя, чтобы получить доступ к истине», которая «дается субъекту только ценой введения в игру самого существования субъекта» [17]. Поскольку вызовы — это ситуации, на которые человек или человечество не могут найти ответа в настоящий момент (иначе не было бы и проблемы), поиск ответа подразумевает обретение участниками нового состояния.

Еще один механизм для создания общего жизненного мира кроется в мероприятиях, реализуемых на основании концепции абсолютного гостеприимства Ж. Деррида [18], которое рассматривается им как противоположность вторжению, одна из возможных стратегий при Встрече с Другим [19]. Абсолютное гостеприимство подразумевает Встречу разных жизненных миров во всей их полноте. При этом существуют два вида гостеприимства. Первое — наиболее распространенное — условное, или обусловленное законами, вытекающими из культуры, истории и религии, и вписанное в право, обычай, этнос, нравственность. Условное гостеприимство предполагает предъявление социального статуса субъектов коммуникации, их определенность, названность. Второе — абсолютное гостеприимство — совершенно иное по своей природе. Оно упраздняет законы и требует полной открытости: «я открываю мой дом... я даю место не только иностранцу, но и абсолютному, неизвестному, анонимному другому, и я даю место [этим другим], ...без всяких взаимных обязательств с их стороны и даже — не спрашивая их имени» [18]. Так, в абсолютном гостеприимстве гость лишен идентичности, а значит, и ответственности, что влечет за собой отказ хозяина от любых ожиданий. Единственный закон гостеприимства — оно стоит вне законов. Абсолютное гостеприимство — это отношения, которые должны быть уникальными, сочетающимися одновременно креативность и ответственность хозяина. В ходе данного процесса хозяин и гость изобретают приемы речевой деятельности. Имеются в виду, конечно, не национальные языки, а язык как дискурсивная практика.

На практике установка на абсолютное гостеприимство создает уникальную ситуацию, поскольку учитывает и идеал, и приходящие от мира ограничения. Следовательно, задача заключается в следующем: каждый раз находить некий уникальный компромисс между полюсами абсолютного и условного гостеприимства. Политическая задача состоит в том, чтобы систематически создавать ситуации или пространства уникального компромисса, которые были бы относительно устойчивы и обеспечивали бы необходимую свободу, учитывая существующие правила. Подобно делиберативным мероприятиям, такие ситуации не могут носить разовый характер.

Принципы ситуаций абсолютного гостеприимства следующие: 1) они сочетают творчество и ответственность, уникальность и закон; 2) хозяин не имеет никаких ожиданий в отношении гостя; 3) Другой приходит туда, где происходит «переизобретение» языка; 4) гостеприимство всегда уникально.

Конкретным примером реализации модели абсолютного гостеприимства является чемпионат мира по футболу, проходивший в России в 2018 г. При подготовке к мероприятию были установлены особые правила, как формальные, так и неформальные. Так, был разработан Федеральный закон «О подготовке и проведении в РФ чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»⁵. Закон разрешал участникам чемпионата, включая болельщиков, въезд на территорию РФ без визы; осуществление трудовой деятельности без получения разрешения на работу или патентов и т.д. Формальные правила сочетались с неформальным праздником болельщиков на улицах российских городов.

Последняя сфера межкультурной коммуникации, которую предлагается рассмотреть в рамках данной статьи, — экономическая. Экономика вносит значимый вклад в трансформацию жизненных миров и влияет на процесс их пересмотра. Оставаясь в рамках идеи о необходимости создания общего жизненного мира

⁵ Федеральный закон «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147218/

для повышения эффективности межкультурной коммуникации, мы в качестве формы создания зоны активной интерсубъективности в сфере экономики предлагаем такие практики, как кула и потлач — «обращение даров». Потлач как специфический тип коммуникации обладает потенциалом, чтобы стать сферой производства доверия. Кула — очерчиваемое обращением символических даров пространство, в котором «туземцы ведут и обычную торговлю, и между отдельными островами происходит обмен множества предметов потребления». «Кула ... охватывает широкий спектр действий, которые друг с другом связаны и влияют друг на друга так, что составляют единое органическое целое» [20].

Кратко суть обращения даров можно описать в двух стратегиях:

1. Межкультурная коммуникация артикулируется как смысловой дар [21]. Подобная стратегия прорабатывалась авторами доклада Римского клуба за 2018 г. в отношении общепланетарной экологической повестки [16].

2. Внедрение логики «потлач» в международные отношения, т.е. внедрение принципов безусловности коммуникаций, добровольной уязвимости, бескорыстия, искренности, взаимности, безоговорочности всех атрибутов человечности, вовлеченных в обращение даров (таких, как щедрость, благородство, великодушие, милосердие).

Важно подчеркнуть, что такие мероприятия не ограничиваются профессиональными дипломатическими коммуникациями, но несут печать различных форм общественной и народной дипломатии. Основная цель обращения даров — производство и стимулирование новых форм общения. Следовательно, показателем эффективности обращения даров будет непрерывающаяся доверительная коммуникация, несмотря на вызовы, внешние условия и барьеры.

Обозначенные практики формирования зон активной интерсубъективности (делиберативные мероприятия, мероприятия, реализующие модель абсолютного гостеприимства, и обмен дарами) на первый взгляд могут показаться утопией. Однако без них межкультурные коммуникации будут иметь формальный и утилитарный характер. «Если мы попытаемся вывести политику гостеприимства из мечты о гостеприимстве без условий, это будет не только невозможно, но будет иметь извращенные последствия. [Но] несмотря на эту перспективу извращения, несмотря на эту невозможность, мы продолжаем мечтать или думать о чистом гостеприимстве, о чистом даре» [22]. Примеры воплощения данных моделей в современном мире, в частности различные формы делиберативных игр, культурные и спортивные события, теория предметов Ж. Бодрийяра, основанная на принципе «кула и потлач» [23], демонстрируют, что они не являются утопией, а, напротив, открывают возможности для формирования общего жизненного мира и выстраивания межкультурных коммуникаций на его основе.

Обобщая вышесказанное, еще раз обозначим основные моменты. Анализ современных отношений между жизненными мирами позволяет охарактеризовать существующие межкультурные коммуникации и глобальную ситуацию в международных отношениях в целом как напряженные. Чтобы изменить сложившееся положение, необходимо сформировать общий жизненный мир, в котором будут представлены смыслы каждого. Для этого надо создать пространство активной интерсубъективности, что возможно за счет формирования общих интерсубъективных ресурсов. В качестве практик, направленных на реализацию данной цели, предлагаются делиберативные мероприятия, базирующиеся на моделях абсолютного гостеприимства и обращения даров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Benton R. Economics as a Cultural System. *Journal of Economic Issues*. 1982;16(2):461–469.
2. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем Пресс; 2016. 544 с.
3. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации (для бакалавров). М.: КноРус; 2016. 254 с.
4. Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the Mind. NY: McGraw-Hill; 1991. 246 p.
5. Ижигова Н.В. Культура и политика. Методологические проблемы. *Социологические исследования*. 2007;(5):95–103.
6. Михеева Н.А. Социальное управление как фактор развития социально-культурной сферы. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_14._mart_2008_g./mikheeva.pdf

7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство-АСТ»; 2003. 603 с.
8. Inglehart R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American sociological review*. 2000;65(1):19–51.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации; 2008. 816 с.
10. Тен Ю.П. Анализ дескриптивных и прескриптивных моделей межкультурных коммуникаций в социально-экономической сфере. *Философия и культура социума: подходы, концепции, мнения*. 2021;21(3):78–87.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука; 2001. 379 с.
12. Гнатенко П.И. Национальная психология. Монография. Дніпропетровськ: Поліграфіст; 2000. 213 с.
13. Большунов А.Я., Большунова С.А., Тюриков А.Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2019;9(6):6–9.
14. Briggs J. and Sharp J. Indigenous knowledges and development: a postcolonial caution. *Third World Quarterly*. 2004;25(4):661–676.
15. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука; 2001. 417 с.
16. Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer; 2018. 220 p.
17. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука; 2007. 677 с.
18. Derrida J. Of hospitality. Anne Dufourmantelle invites Jacques Derrida to respond; translated by Rachel Bowlby. Stanford; 2000. 162 p.
19. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: Российская политическая энциклопедия; 2011. 510 с.
20. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); 2004. 552 с.
21. Smith A.R. Phenomenology of Intercultural Communication. URL: https://www.academia.edu/7282485/Phenomenology_of_Intercultural_Communication
22. Деррида Ж., Марион Ж. О даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан Люком Марионом. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dare-diskussiya-mezhdu-zhakom-derrida-i-zhanlyukom-marionom>
23. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический Проект; 2007. 335 с.

REFERENCES

1. Benton R. Economics as a Cultural System. *Journal of Economic Issues*. 1982;16(2):461–469.
2. Sedlacek T. The economy of good and evil. In search of the meaning of Economics from Gilgamesh to Wall Street. Moscow: Ad Marginem Press; 2016. 544 p. (In Russ.).
3. Sadokhin A.P. Introduction to the theory of intercultural communication (for bachelors). Moscow: KnoRus; 2016. 254 p. (In Russ.).
4. Hofstede G. Cultures and organisations: Software of the Mind. NY: McGraw-Hill; 1991. 246 p.
5. Izhikova N.V. Culture and politics. Methodological problems. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2007;5(5):95–103. (In Russ.).
6. Mikheeva N.A. Social management as a factor in the development of the sociocultural sphere. State management. Electronic bulletin. 2008;(14). URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_14._mart_2008_g./mikheeva.pdf. (In Russ.).
7. Huntington S. The clash of civilisations. Moscow: Publishing House-AST; 2003. 603 p. (In Russ.).
8. Inglehart R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000;65(1):19–51.
9. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2008. 816 p. (In Russ.).
10. Ten Yu.P. Analysis of descriptive and prescriptive models of intercultural communications in the socio-economic sphere. *Filosofiya i kul'tura sotsiuma: podkhody, kontseptsii, mneniya = Philosophy and culture of society: approaches, concepts, opinions*. 2021;21(3):78–87. (In Russ.).
11. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. Saint Petersburg: Nauka; 2001. 379 p. (In Russ.).
12. Gnatenko P.I. National psychology. Monograph. Dnipro: Poligrafist, 2000. 213 p. (In Russ.).

13. Bolshunov A. Ya., Bolshunova S. A., Tyurikov A. G. Intercultural communication: challenges of the global transformation of lifeworlds. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6(42)):6–9. (In Russ.).
14. Briggs J., Sharp J. Indigenous knowledges and development: a postcolonial caution. *Third World Quarterly*. 2004;25(4):661–676.
15. Habermas Yu. The inclusion of the Other. Essays of political theory. St. Petersburg: Nauka; 2001. 417 p. (In Russ.).
16. Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer; 2018. 220 p.
17. Foucault M. Hermeneutics of the subject. A course of lectures delivered at the Collège de France in 1981–1982. St. Petersburg: Nauka; 2007. 677 p. (In Russ.).
18. Derrida J. Of hospitality. Anne Dufourmantelle invites Jacques Derrida to respond; translated by Rachel Bowlby. Stanford; 2000. 162 p.
19. Avtonomova N. S. The philosophical language of Jacques Derrida. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2011. 510 p. (In Russ.).
20. Malinovsky B. Favorites: Argonauts of the western part of the Pacific Ocean. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2004. 552 p. (In Russ.).
21. Smith A. R. Phenomenology of Intercultural Communication. URL: https://www.academia.edu/7282485/Phenomenology_of_Intercultural_Communication
22. Derrida J., Marion J. About the gift: a discussion between Jacques Derrida and Jean Luc Marion. Philosophical and literary magazine “Logos”. 2011;3(82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dare-diskussiya-mezhdu-zhakom-derrida-i-zhanlyukom-marionom>. (In Russ.).
23. Baudrillard J. On the criticism of political economy of the sign. Moscow: Academic Project; 2007. 335 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

София Андреевна Большунова — младший научный сотрудник международного центра социальной экспертизы и развития департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
SABolshunova@fa.ru

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, руководитель департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
AGTyurikov@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sofia Andreevna Bolshunova — Junior Research Fellow, International Center for Social Expertise and Development, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
SABolshunova@fa.ru

Alexander Georgievich Tyurikov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
AGTyurikov@fa.ru

Статья поступила 25.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Предметное поле экономической политологии с точки зрения экономиста

З.Э. Межва

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2488-6315>

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является критический анализ определения предметного поля экономической политологии. В рассмотренных автором книгах и статьях доминирует ситуативная картина предмета, определяемая сложившейся в России практикой взаимоотношений бизнеса и государства. Также автором проанализированы программы обучения ведущих вузов России. Учитывая экономическую и политическую ситуацию в мире в конце 2021 г., автор делает вывод о неудовлетворительном состоянии как исследований, так и обучения данной дисциплине. Основным тезисом работы является утверждение, что в ближайшие годы судьба мира во многом будет определяться борьбой в сфере экономики, в особенности в области денежного обращения и финансов. Поэтому стране срочно нужны специалисты особого профиля — экономисты-политологи.

Ключевые слова: экономическая политология; государственное управление; бизнес; индикаторы развития; международные отношения; политика; политология

Для цитирования: Межва З.Э. Предметное поле экономической политологии с точки зрения экономиста. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):90-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-90-99

ORIGINAL PAPER

The Subject of Economic Politology from the Economist's Point of View

Z.E. Mierzwa

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2488-6315>

ABSTRACT

The purpose of the article is a critical analysis of the determination of the subject matter of economic politology. In the books and articles analysed by the author, the situational picture of the subject dominates, determined by the current practice of relations between business and the state in Russia. The author also analysed the training programs of the leading universities in Russia. Considering the economic and political situation in the world at the end of 2021, the author concluded that the state of both research and teaching in this discipline is unsatisfactory. The article's central thesis is the assertion that in the coming years, the world's fate will largely be determined by the struggle in the economy, especially in the field of money circulation and finance. Therefore, the country urgently needs new specialists of a unique profile — an economist-political scientist.

Keywords: economic politology; public administration; business; development indicators; international relationships; politics; political science

For citation: Mierzwa Z.E. The subject of economic politology from the economist's point of view. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):90-99. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-90-99

ВВЕДЕНИЕ

Если сузить рамки политики к собственно экономической сфере, рассмотрению подлежат экономические и политические рычаги влияния (воздействия), когда экономические цели достигаются неэкономическими способами (в основном политическими, но также военными действиями или с помощью вовлечения социальных сил в виде, например протестного движения или цветных революций); или когда политические цели достигаются экономическими способами. Применение экономических мер для достижения политических целей и политических мер для достижения экономических целей требует измерения и оценки эффективности.

Таким образом вырисовывается двуликий образ экономической политологии — одновременно экономического анализа политических процессов и политического анализа экономических процессов.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Экономическая политология не является меганаукой и не создает для самой себя теоретическую основу, суть которой, как правило, формулируется в виде парадигмы. Теоретическая основа требует выработки исследовательской программы экономической политологии и инструментов анализа.

В отличие от точных наук, экономические науки имеют полную свободу в формулировке основополагающей парадигмы. Парадигма не должна быть верна (правдива) — она должна быть идеологически полезна.

Экономическую политологию мы будем рассматривать как: 1) научную, исследовательскую дисциплину со своим предметным полем и инструментарием; 2) область знаний; 3) программу обучения. Принципиальное место в этой триаде принадлежит исследовательской программе и ее результатам. Именно результаты образуют область накопленных знаний, которые затем становятся основой программы обучения.

Экономическая политология рассматривает соответствующие отношения на разных уровнях: международном (всемирном), региональном (субрегиональном), билатеральном и страновом. В случае федеративных государств страновой анализ может охватывать специфичные для них межрегиональные отношения внутри страны. Институциональной единицей на любом уровне является государство, что признано на международном уровне.

Для определения предметного поля экономической политологии принципиальное значение

имеют теоретико-методологические основы (платформа, парадигма) проводимых анализов (марксизм, кейнсианство, неолиберализм, анархизм, гибридные и смешанные течения). После выбора платформы и парадигмы можно сформулировать исследовательскую программу и определить инструментарии анализа.

В настоящее время экономическая политология находится на начальном этапе становления и ограничивается анализом отношений бизнеса с государством и обществом — в основном в России (разве что, за исключением проблематики лоббизма). Поэтому экономическая политология пока не имеет четко определенных основных понятий и категорий, а ее предметное поле определяется настолько расплывчато и многословно, что порой в потоке слов теряется смысл сказанного (если он там действительно присутствует).

Аморфный характер употребляемых терминов приводит к столь же расплывчатым формулировкам, например: «взаимодействие политической и экономической сфер в любом обществе» или «экономическая политика в широком понимании направлена на реализацию основной ее цели — обеспечение стабильного и гармоничного экономического развития государства». Относительно первого примера укажем только на то, что взаимодействовать могут только люди, а не какие-то сферы. Что касается второго примера, то лучше бы целью экономической политики было «стабильное и гармоничное экономическое развитие общества».

Еще более неоднозначным является употребление слова «государство», особенно в смысле субъекта отношений. Еще молодой Маркс, критикуя гегелевскую философию права, писал: «Как будто не народ есть действительное государство. Государство есть нечто абстрактное. Только народ есть нечто конкретное». Не удивительно, что вместе с изгнанием Маркса изгнали и человека как субъекта экономических отношений.

Поэтому триада «государство-бизнес-общество» по существу неприемлема. Триада «власть (государственная)-бизнес(-сообщество)-общество» не многим лучше, но отражает предмет исследований. Это позволяет рассматривать отношения в категориях групп интересов и политической конфликтологии.

В ПОИСКАХ ПРЕДМЕТА

В период становления экономической политологии как научной дисциплины действительно доминировала проблематика взаимоотношения

государства (государственной власти) и бизнеса. В России выстраивание цивилизованных отношений власти и бизнеса в 90-х гг. и в начале XXI в. было особенно непростым. Свидетельством этому являются работы Г.А. Колобовой [1, 2], А.Г. Олейнова [3–5], С.В. Расторгуева¹ [6], Л.М. Капицы [7,8], А.Д. Богатурова² [9], Е.Б. Завьяловой [10], Т.А. Шаклеиной³, А.В. Павроза⁴ [11], К.В. Симонова [12,13], Я.А. Пляйса [14], Е.Ю. Алексеевой [15], А.Ю. Зудина [16], А.А. Кинякина⁵, Л.Е. Ильичевой [17], К.Ю. Киселя [18], Е.И. Марковской⁶, А.Н. Шохина [19], А.И. Ильинского [20], И.А. Истомина [21] и др.

Экономическая политология как отдельная научная дисциплина появилась в 2005 г. на факультете политологии МГИМО(У). В 2011 г. была создана кафедра политологии и государственно-частного партнерства. Предметом изучения было отношение бизнеса с властью и обществом. Однако в МГИМО экономическую политологию развивают как прикладное знание о практике отношений бизнеса и власти и способах их перевода в русло конструктивного партнерства и интересах общества.

Зато ВШЭ делает акцент на использовании объяснительных возможностей классических и неклассических западных экономических теории в той мере, в какой они дают ключ к пониманию политических явлений.

Но в обоих вузах интерес к экономической политологии как новой, требующей дальнейшего развития научной дисциплине явно потерян.

По мнению А. Богатурова [9], «объяснительная способность экономической политологии зависит от двух одинаково важных блоков знаний. Первый должен обеспечивать понимание общих теоретических закономерностей поведения государства и экономически активных граждан в политических процессах. Второй — способность разбираться и применять на практике знание конкретной специфики отношений власти, бизнеса и общества в различных странах — прежде всего в самой Российской Федерации».

Здесь правильно подчеркнут двойственный характер предмета — страновой и международной. Но о каких «общих теоретических закономерностях поведения» идет речь? Теоретические закономерности есть только в гипотезах, — в жизни существуют реальные закономерности.

«В странах не западных, многие из которых, включая Россию, по современной классификации относятся к типу нелиберальных демократий, теория рационального выбора работает лишь отчасти и не является “аналитическим ключом” к пониманию происходящих процессов...».

Возникает вопрос: что значит: «по современной классификации»? А в чем смысл утверждения, что в России «теория рационального выбора работает лишь отчасти»? Разве не факты являются основой для выдвижения теории? Кроме того, совсем не понятно, как можно в основу новой научной дисциплины класть «опозорившуюся» теорию рационального выбора с ее ключевым субъектом *homo economicus*? Разве результаты исследований Д. Канемана, А. Тверски, Р. Шиллера, Дж. Акелрофа, Р. Талера и сотни других не доказали всю научную несостоятельность этой теории (а точнее, гипотезы)?

Далее читаем: «В экономической политологии в равной степени внимательно изучаются эти отношения по поводу и власти, и извлечения прибыли. Извлечение прибыли оказывается объектом политического анализа наряду с борьбой за власть». Прибыль — категория строго экономической. Здесь речь должна идти об извлечении *экономической выгоды*. Это понятие намного шире, а категория прибыли оставляет за рамками анализа все самозанятое население, а также такие нематериальные ценности, как гудвилл (имидж, престиж).

Встречаются также попытки расширить проблемное поле экономической политологии, включая области, которые напрямую связаны с изучением вопросов обеспечения политической без-

¹ Расторгуев С.В. Власть и бизнес: модели взаимодействия. Учебник для направлений аспирантуры «Политология» и «Экономика». Серия «Аспирантура». М.; 2021.

² Байков А.А., Богатуров А.Д., Данилин И.В., Жигулин В.В., Киришин П.А., Олейнов А.Г., Сушенцов А.А., Томберг Р.И., Фокин В.Ю., Фомин А.М. Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом. Учебное пособие. Богатуров А.Д., ред. М.: Аспект Пресс; 2012.

³ Байков А.А., Баталов Э.Я., Бирюков А.В., Богатуров А.Д., Болгова И.В., Виньо А., Гневашева В.А., Данилин И.В., Звягельская И.Д., Истомин И.А., Колдунова Е.В., Крутских А.В., Кузнецов А.В., Кузнецов В.А., Мартынов Б.Ф., Ревенко Л.С., Ревенко Н.С., Сушенцов А.А., Ткаченко С.Л., Томберг И.Р., Торкунов А.В., Фененко А.В., Ходынская-Голенищева М.С., Худайкулова А.В., Шаклеина Т.А., Шишков Ю.В. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник. Шаклеина Т.А., Байкова А.А., ред. 3-е изд. перероб. М.: Аспект Пресс; 2022.

⁴ Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; 2006. ISBN 5-288-04017-6.

⁵ Кинякин А.А. Проблемы взаимоотношения власти и бизнеса в современной России. Учебное пособие. М.: РУДН; 2008.

⁶ Добрынин Л.А., Марковская Е.И., Медведь А.А., Привалов Н.Г., Рагимова Н.С., Троицкая И.В. Взаимодействие государства и бизнеса. Учебное пособие. Марковская Е.И., ред. СПб.: СПбГЭУ; 2014.

опасности бизнеса, профилактики политических рисков, а также с выработкой оптимальной стратегии поведения бизнеса в отношении общества и государства в политических ситуациях в любых странах, включая собственную. Дополнением к этому является также учет российской системы политико-государственных механизмов регулирования экономики.

Г. Колобова [1] считает, что объектом исследования экономической политологии, по мнению ряда авторов, является триада: бизнес-общество-власть. При этом под бизнесом понимается любой субъект, извлекающий экономическую *прибыль* из своей деятельности. Например, согласно А. Богатурову, экономическая политология, основываясь на экономическом анализе политических явлений, изучает, прежде всего, властные отношения для извлечения прибыли. Проблемное поле экономической политологии определяется как совокупность четырех блоков:

- теоретико-методологических основ взаимодействия бизнеса с обществом и государством, где основной акцент делается на теорию рационального выбора;
- вопросов обеспечения политической безопасности бизнеса;
- отношений бизнеса и общества;
- воздействия бизнеса на государство.

Таким образом, ключевым индикатором сущности экономической политологии является термин «бизнес».

Перечислив все претензии к другим авторам, Г. Колобова утверждает, что «изложенные ранее позиции... не в полной мере раскрывают сферу исследования экономической политологии и требуют уточнения».

Далее Г. Колобова пишет: «Вместе с тем, нельзя не согласиться, что экономическая политология есть производная от термина “экономическая политика”». Здесь, кажется, «телегу ставят впереди лошади». Экономическая политология — это, прежде всего, научная дисциплина, а также некоторая область научных знаний. На основе этих же знаний, являющихся результатом исследований, формулируют принципы, стратегию, инструменты и меры экономической политики.

Г. Колобова указывает, что исходный тезис заключается в том, что «состояние экономической сферы государства, несмотря на наличие собственно экономических закономерностей развития, принципиально определяется политическими факторами». Кажется, надстройка рулит базисом,

а не наоборот. И все-таки политические факторы, даже революция, определяются движением базиса, когда идея становится материальной силой, овладевшей массами. Нельзя забывать, что политические (как и экономические) процессы не имеют самостоятельного характера. Они иницируются и осуществляются людьми (акторами).

По мнению Г. Колобовой, «именно политические условия определяют основы и векторы развития экономики (например, плановый или рыночный характер экономики)», но она не поясняет, что же создало сами политические условия.

Результатом реализации исследовательских целей и задач экономической политологии является предметно определенная область теоретических знаний, которые далее становятся предметом обучения, а также наборы инструментов влияния на экономические процессы и управления ими. При этом инструменты могут иметь характер политический (в том числе силовой), экономический (включая коммерческое право), социальный (общественные движения, общественное мнение, НГО), охватывая формальные цели и неформальные практики воздействия ключевых акторов (государства, бизнес-структур, политических партий, иных объединений гражданского общества) на экономическую сферу.

Под экономической политологией Г. Колобова понимает весьма обширную область знаний и предлагает следующее определение: *экономическая политология* — это область политологии, направленная на изучение политических условий функционирования национальной экономики, анализ участия ведущих политических сил государства в принятии и реализации политических решений в экономической сфере и оценку механизмов их воздействия на экономику.

Это определение никуда не годится. До того, как конструктивно выстраивать отношения бизнеса с государственными органами и обществом, государству надо сначала определиться со своим местом в мире, чтобы не попасть в ситуацию, как в басне «Лебедь, Рак и Щука».

С. Расторгуев [6] также придерживается доминирующего тренда, утверждая: «Реактивные и проактивные изменения взаимоотношений акторов политической и экономической систем современной России, обусловленные... поиском оптимальной системы мер государственного регулирования экономики, делают актуальным исследование сложившейся системы взаимоотношений политической власти и бизнеса, разработку методологического

инструментария для прогнозирования взаимосвязей субъектов политики и экономики в контексте проблемы достижения баланса отношений двух систем». Надо добавить: «и достижения целей». Но остается открытым вопрос: в чем этот баланс выражается и как измеряется?

Далее С. Расторгуев определил цель своего исследования, как построение «адекватной вызовам времени концепции взаимоотношений органов государственной власти и хозяйствующих субъектов». Такая постановка вопроса напоминает невыполнимую задачу «экономикс» — поиска равновесия (equilibrium). Именно этот маниакальный поиск условий состояния, в котором противостоящие силы или влияния уравновешены, привели к превращению «экономикс» во «внебрачного ребенка» высшей математики. Если же обратиться к выставленной за дверь гегельянской диалектике в версии, изложенной К. Марксом, то именно источником движения (в том числе и прогресса) является отсутствие равновесия.

Поэтому речь идет о поисках и выработке механизма нахождения равновесия (балансирования интересов) без надежды на его достижение. Ибо, как в споре рождается истина, так и противоречия являются источником движения.

В отличие от (нео)институционального, подход, учитывающий наличие формальных и неформальных групп интересов, является более приближенным к жизни. Особое внимание при этом уделяется изложению групповой теории политики, анализу современных концепций взаимодействия различных по своему характеру и складу групп интересов. Здесь не только надо найти ответ на вопрос: «Ради чего некоторые люди рвутся к власти?», не менее важным является уточнение действительных принципов и условий *целеполагания* субъектов политики (шире — внеэкономической сферы) и экономики.

А. Павроз⁷ рассматривает «группы интересов, представляющие собой социальные объединения для совместного отстаивания и реализации общих интересов, и лоббизм как совокупность специфических каналов и механизмов, посредством которых осуществляется воздействие партикулярных интересов на процессы формирования государственной политики».

Это не только вопрос взаимозаменяемости позиции, так называемый принцип «двери-вертуш-

ки» (revolving door), но также институт лоббизма, теневого правительства, групповой солидарности, круговой поруки, коррупции, плутократии и других олигархических структур.

С ПОЗИЦИИ СИЛЫ

Несмотря на все пакты, договоры, соглашения и пр., в отношениях государств все еще доминируют силовые приемы. Неоспоримый факт, что в большинстве случаев надо принимать во внимание, есть ли у субъектов отношений желание извлечь выгоду из своей позиции сильного или сверхсильного. Тогда перед экономической политологией встает один из важнейших вопросов: как определить (измерить) мощь государства в количественном выражении?

С теоретической точки зрения существует несколько концепций измерения мощи государства: математические подходы к политике (mathematical approaches to politics), количественная международная политика (quantitative international politics), теория статусного поля международных отношений (status-field theory of international relations), теории баланса сил (balance of power theories), индексы политических возможностей (indexes of political capabilities) [22–27].

Национальная мощь определяется как сумма всех ресурсов, доступных нации для достижения национальных целей. Оценка национального могущества политических образований была актуальной уже в классической античности, Средневековье и во время эпохи Возрождения. Ресурсы, которые при этом учитываются, можно разделить на две группы, в зависимости от их применимости и происхождения:

естественные:

- география (положение, рельеф, климат и др.);
- материальные ресурсы (в том числе накопленное богатство);
- население (в особенности его гендерная структура);

и социальные:

- экономические;
- политические;
- военные;
- психологические;
- социологические;
- информационные;
- знания и научные исследования.

Ко всем этим атрибутам разработаны сотни показателей (единичных и комбинированных), а также комплексные показатели (называемые

⁷ Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; 2006. ISBN 5-288-04017-6.

также синтетическими), в том числе многомерные. В русскоязычной литературе особое внимание привлекают работы Л.М. Капицы [7,8], а также работы В. Артюшкина, А. Казанцева [28] и В. Сергеева [29]. В них представлен объективный анализ некоторых индикаторов, применяемых, главным образом, международными организациями для выявления новых тенденций мирового развития, а также для оценки текущей ситуации и прогресса в реализации международных стратегий развития. Указано, что «не все из представленных в данном пособии индикаторов являются убедительными с методологической и научной точки зрения. Поводом для включения их в пособие послужил тот факт, что некоторые из них широко используются в политической пропаганде для формирования стереотипа, образа страны».

Продолжением этой темы является коллективная монография «Индикаторы мирового развития». Ее ценность заключается в том, что авторы детально представили принципы конструкции многих показателей. Одним из главных их недостатков (абстрагируясь от заведомо тенденциозных или «экспертных») можно назвать то, что они конструируются, и впоследствии их числовые значения во многом зависят от конструкции показателя.

Этого недостатка лишены некоторые показатели, принадлежащие к группе многомерных, как я уже указывал в другой своей статье [30]. Еще в 60-х гг. XX в. ООН возлагала большие надежды на такие показатели, но затем эта работа была прекращена, в том числе из-за нехватки мощности тогдашних ЭВМ (слово «компьютер» тогда еще никто не употреблял). Сегодня развитие и применение методов многомерного анализа (multidimensional analysis) существенно помогло бы в развитии политметрики.

Но во всем этом многообразии показателей основное место занимают так называемые индексы мощи (World Power Index — WPI).

COMPOSITE INDEX OF NATIONAL CAPABILITY (CINC)

Комбинированный индекс национального потенциала (КИНП) — это статистический показатель национальной мощи, введенный Дж. Дэвидом Сингером для проекта «Корреляты войны» (Correlates of War) в 1963 г. Индекс является комбинацией шести различных компонентов, которые представляют демографическую, экономическую и военную мощь. Более поздние исследования, как правило, используют шкалу (CINC), которая учитывает частные показатели, более важные для восприятия

истинной государственной мощи, чем традиционно используемый ВВП.

ASIA POWER INDEX

Индекс мощи стран Азии используется, чтобы оценить относительную мощь государств в Индо-Тихоокеанском регионе. Индекс ежегодно публикует Институт Лоуи (Lowy Institute, Австралия) с 2018 г. Он оценивает международную мощь 26 стран и территорий Азии, используя 131 индикатор по 8 тематическим показателям: военные возможности и сети защиты, экономические возможности и отношения, дипломатическое и культурное влияние, а также устойчивость и будущие ресурсы.

WORLD POWER INDEX

Индекс мировой мощи (ИММ), или World Power Index (WPI, <https://www.worldpowerindex.com>), разработанный Daniel Morales Ruvalcaba, является результатом применения метода количественного анализа и призван помочь преодолеть герменевтические проблемы, вызванные субъективной интерпретацией силы в международных отношениях. Таким образом, ИММ способствует точному сравнению национальных возможностей и изучению международной структуры. Индекс определяется в числовом выражении, учитывающем в расчетах совокупность национальных возможностей, которыми обладает государство для осуществления своей власти на международной арене. ИММ использует 18 компонентов, сгруппированных в 3 субиндекса, которые позволяют не только анализировать национальные материальные возможности или «жесткую силу» (связанную с глобальной военной мощью), но и богатство наций, и качество их институтов, а также «мягкую» силу стран.

TONY NORFIELD'S WORLD POWER INDEX

В Индексе мировой мощи Тони Норфилда для оценки статуса страны используются пять измерений международной мощи. Он показывает, что США гораздо более заметны в иерархии, чем можно предположить с помощью простой меры экономического развития, такой как ВВП. Кроме того, он отображает относительную важность других стран и проливает свет на главную геополитическую проблему сегодняшнего дня: подъем Китая.

Норфилд впервые составил индекс в начале 2012 г. и назвал его «Индексом империализма». Его цель состояла в том, чтобы использовать доступные данные для измерения различных аспектов международного статуса стран. Затем он изменил

название индекса, а также некоторые компоненты, но основная логика осталась прежней.

В основном индекс основан на экономических данных со смещением в пользу тех, что отражают международную деятельность страны. Он не измеряет напрямую политическую мощь данной страны, но очевидно, что большая экономика будет иметь больший вес в отношениях с остальным миром, чем маленькая. Поэтому в будущем надо включить в него некоторые непосредственно политические компоненты, которые являются актуальными и легко измеряемыми для широкого круга стран.

Индекс мощи состоит из пяти компонентов:

(1) ВВП (GDP) — измеряется в номинальных долларах США с использованием данных МВФ за соответствующий год;

(2) ПИИ (FDI) — сумма активов прямых иностранных инвестиций с использованием данных ЮНКТАД на конец соответствующего года;

(3) Валюта (FX) — объем глобальных транзакций в валюте за апрель соответствующего года в качестве базового периода с использованием последнего исследования BIS за соответствующий год (транзакции в евро распределяются между 19 членами, входящими в еврозону);

(4) Банки (Banks) — непогашенные международные кредитные активы и депозитные обязательства банков в конкретной стране с использованием данных BIS на конец соответствующего года;

(5) Военные (Military) — военные расходы стран, измеренные в номинальных долларах США, с использованием данных SIPRI за соответствующий год.

Каждый из компонентов имеет одинаковый вес в индексе. Страна с наибольшим показателем компонента получает оценку 100 по этому пункту, а другие страны, соответственно, меньше. Так, например, если у страны А самый большой ВВП, то это 100, а у страны В — четверть этого ВВП, равная 25. В завершение подсчета компоненты для каждой страны складываются, а затем делятся на 5.

Если страна является самой крупной по всем параметрам, ее окончательный номер в индексе будет 100. США почти приблизились к этому значению, и у них показатель составляет 92,4, с наибольшим ВВП, ПИИ, операциями с иностранной валютой и расходами на вооруженные силы. Но они все же занимают второе место после империи, в которой «никогда не заходило солнце», Великобритании — месте размещения посреднических банков (точнее, международного банкинга).

Тема измерений в экономической политологии является чрезмерно важной. Тем не менее

всегда есть место сомнению: действительно ли экономическая статистика измеряет то, что, по ее утверждению, измеряется.

ЧТО ИССЛЕДОВАТЬ?

Любая программа обучения строится на достоверных результатах научных исследований. Разработку исследовательской программы экономической политологии следовало бы вести в четырех направлениях:

- Международные аспекты.
- Внутривостановые аспекты.
- Проблемы измерения (методология и методы количественного анализа).
- Проблемы прогнозирования.

Предварительно можно сказать, что теоретическая и методологическая базы таких исследований должны охватывать следующие группы вопросов:

1. Определение основных тенденций развития стратегически важных геополитических и геоэкономических процессов и явлений в мире. Для этого проводится детальный экономико-статистический анализ с использованием, в том числе, всего спектра таксономических методов анализа. В результате получается (наряду с существующими международными показателями) набор синтетических (композитных) показателей тенденций и динамики развития.

2. На основе полученных данных и другой информации определяются основные стратегические направления, цели и задачи развития страны, в том числе в сфере обороны и крупных/долгосрочных инвестиций.

3. Построение иерархической структуры интересов акторов с учетом подчинения интересов. Определение правил (принципов) установления важности и подчиненности интересов (стихийная, целенаправленная, приказная, консенсусная, договорная, референдум/выборы).

4. Определение возможности, роли и доли участия частного бизнеса в реализации целей и задач развития страны.

5. Комплексная оценка политических, экономических и социальных рисков.

6. Анализ и оценка существующих (CSME/EC\$, EU/€, Switzerland–Liechtenstein/CHF); CSME, EU, EAEU, MERCOSUR, GCC, SICA; CEMAC/XAF, UEMOA/XOF; EEA–Switzerland; CAN, EAC, EUCU, SACU; ASEAN, CEFTA, CISFTA, COMESA, CPTPP, DCFTA, EFTA, GAFTA, USMCA, SAFTA, AANZFTA, PAFTA, SADCFTA) и планируемых (EAC, COMESA, ECCAS, ECOWAS, AEC) международных (двух- и многосто-

ронных) договоров и трактатов экономического характера. Торговая и экономическая карты мира.

7. Финансовая опора политических режимов.

8. Политические аспекты неравенства и бедности.

9. Криминализация бизнеса и государственного аппарата.

10. Теневые виды и структуры предпринимательской деятельности.

11. Политическое значение свойств монетарной и финансовой системы.

12. Экономический рационализм и нормативная политическая экономия.

13. Концепция рационального поведения и теории бихевиоризма (Шиллер, Таллер, Канеман-Тверски).

14. Роль психологии в экономической политологии.

15. Роль идеологии и СМИ в экономической политологии. Экономические интересы, оформленные в виде идеологических установок/лозунгов.

16. Идеологическая роль экономических теорий (науки).

ВЫВОДЫ

Из беглого обзора судьбы экономической политологии (несмотря на многообещающее начало) следует, что этой дисциплине пришло время восстановить былое величие. Автор убежден, что кадровый, организационный и интеллектуальный потенциал Финансового университета способен справиться с такой задачей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колобова Г.А. О предметном поле экономической политологии. *Власть*. 2016;12:156–159.
2. Колобова Г.А. Специфика политико-государственных механизмов регулирования экономики в современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Казань; 2014.
3. Олейнов А.Г. Управление глобальными процессами. Теоретические предпосылки практической реализации. *Международные процессы*. 2018;16(1):134–145. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.11
4. Олейнов А.Г. Экономическое будущее глобализации. *Вестник МГИМО-Университета*. 2018;61(4):92–106. DOI: 10.24833/2071–8160–2018–4–61–92–106.
5. Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017;61(2):54–64. DOI: 10.20542/0131–2227–2017–61–2–54–64
6. Расторгуев С.В. Взаимоотношения политической власти и бизнеса в современной России: модели и тенденции достижения баланса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М.; 2015.
7. Апанович М.Ю., Галищева Н.В., Дегтерев Д.А., Елагин Д.П., Капица Л.М., Морева Е.Л., Лобанов А.А., Олейнов А.Г., Потапова И.Р., Ребрей С.М., Сергеев Е.А.). Индикаторы мирового развития. Капица Л.М., ред. 3-е изд., перераб. и дополн. М.: МГИМО(У); 2021.
8. Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД РФ; 2008.
9. Богатуров А.Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России. *Полис*. 2011;4:8–19.
10. Макаренко А.В., Александров О.Б., Байков А.А., Завьялова Е.Б., Истомин И.А., Кабаченко А.М., Пичков О.Б., Сафрончук М.В., Стрелец И.А., Студеникин Н.В., Фокин В.Ю. Основы экономической политологии. Завьялова Е.Б., ред. М.: МГИМО-Университет; 2015.
11. Павроз А.В. Группы интересов и политические режимы: неоинституциональный анализ современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. СПб.; 2013.
12. Симонов К.В. Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):6–11.
13. Simonov K., Grivach A. Political Risks in Global Energy: From “Resource Nationalism” to “Molecules of Freedom” and Climate Weapons. Valdai Discussion Club Report; July 2020.
14. Пляйс Я.А., Окунев И.Ю., Пятибратов И., Машьянов Д., Урожек Е., Осинина Д., Водопетов С., Долгих А., Сидоренко С., Ковшов М., Юшков И.В. Глобальные геопроекты и Россия. М.; 2019.
15. Алексеева Е.Ю. Институционализация взаимоотношений власти, бизнеса и общества в современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М.; 2008. 19 с.
16. Зудин А.Ю. Россия: бизнес и политика (стратегии взаимодействия бизнеса и государства). *Мировая экономика и международные отношения*. 1996;(3,4,5).
17. Ильичева Л.Е., ред. Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия. М.: ИНЭК; 2010.

18. Кисель К.Ю. Современные модели взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. ВШЭ. М.; 2013.
19. Шохин А.Н., ред. Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия. Монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2011.
20. Ильинский А.И. Теория политических деловых циклов и манипуляционная монетарная политика. *Гуманитарные Науки. Вестник Финансового университета*. 2015;20(4):53–60.
21. Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования. *Polis. Political Studies*. 2020;(6):8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02
22. Hayward R. Alker, Deutsch Karl Wolfgang, Stoetzel Antoine H. *Mathematical Approaches to Politics*. Elsevier Scientific Publishing Company; 1973.
23. Holsti K.J. The Concept of Power in the Study of International Relations. *Background*. 1964;7(4):179–194.
24. Dahl, Robert A. The Concept of Power. *Behavioral Science*. 1957;(2):201–215.
25. Hart Jeffrey. Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations. *International Organization. Spring*. 1976;30(2):289–305.
26. Guzzini Stefano. On the measure of power and the power of measure in International Relations. Danish Institute for International Studies; 2009.
27. Seong-Hun Yun. An Overdue Critical Look at Soft Power Measurement. *Journal of International and Area Studies*. 2018;25(2):1–20.
28. Безруков А, Сушенцов А., Мамонов М., Силаев Н., Маркедонов С., Байков А., Токарев А., Баклицкий А., Маргоев А., Соколов А., Арапова Е., Денисов И., Чечевишников А., Лошкарев И. Международные угрозы 2021. Геополитика после пандемии. Сушенцов А., ред. М.: МГИМО(У); 2020.
29. Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в “Группе 20”: анализ при помощи метода многомерного шкалирования. *Полис*. 2021;(2):125–138. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.00
30. Mierzwa Z.E. Implementation of Multivariate Statistical Analysis for Warning Forecasting. *Review of Business and Economics Studies*. 2017;5(4):22–36.

REFERENCES

1. Kolobova G.A. On the subject field of economic political science. *Vlast' = Power*. 2016;12:156–159. (In Russ.).
2. Kolobova G.A. Specificity of political and state mechanisms for regulating the economy in modern Russia. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Political Science. Kazan; 2014. (In Russ.).
3. Oleinov A. G. Management of global processes. Theoretical prerequisites for practical implementation. *Mezhdunarodnyye protsessy = International processes*. 2018;16(1):134–145. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.11
4. Oleinov A. G. The economic future of globalization. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO University Bulletin*. 2018;61(4):92–106. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071–8160–2018–4–61–92–106
5. Oleinov A. G. International political economy: subject and method. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya = World economy and International Relations*. 2017;61(2): 54–64. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2017–61–2–54–64.
6. Rastorguev S. V. The relationship between political power and business in modern Russia: models and trends in achieving balance. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Political Science. Moscow; 2015. (In Russ.).
7. Apanovich M. Yu., Galischeva N. V., Degterev D. A., Elagin D. P., Kapitsa L. M., Moreva E. L., Lobanov A. A., Oleinov A. G., Potapova I. R., Rebrey S. M., Sergeev E. A. *World Development Indicators*. Kapitsa L. M., ed. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow: MGIMO (U); 2021. (In Russ.).
8. Kapitsa L. M. *World Development Indicators*. Second edition. Moscow: MGIMO(U) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; 2008. (In Russ.).
9. Bogaturov A. D. The concept of economic political science and features of its problem field in Russia. *Polis*. 2011;4:8–19. (In Russ.).
10. Makarenko A. V., Aleksandrov O. B., Baikov A. A., Zavyalova E. B., Istomin I. A., Kabachenko A. M., Pichkov O. B., Safronchuk M. V., Strelets I. A., Studenikin N. V., Fokin V. Yu.). *Fundamentals of Economic Political Science*. Zavyalova EB, ed. Moscow: MGIMO-University; 2015. (In Russ.).
11. Pavroz A. V. Interest groups and political regimes: a neo-institutional analysis of modern Russia. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Political Science. St. Petersburg; 2013. (In Russ.).

12. Simonov K.V. Where will technology take? Choice between digital polyarchy, digital authoritarianism and digital anarchy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):6–11. (In Russ.).
13. Simonov K., Grivach A. Political Risks in Global Energy: From “Resource Nationalism” to “Molecules of Freedom” and Climate Weapons. Valdai Discussion Club Report; July 2020.
14. Plyays Ya.A., Okunev I. Yu., Pyatibratov I., Mashyanov D., Urozhok E., Osinina D., Vodopetov S., Dolgikh A., Sidorenko S., Kovshov M., Yushkov I.V. Global Geoprojects and Russia. Moscow; 2019. (In Russ.).
15. Alekseeva E. Yu. Institutionalization of the relationship between government, business, and society in modern Russia. Abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Moscow; 2008. 19 p. (In Russ.).
16. Zudin A. Yu. Russia: business and politics (strategies for interaction between business and the state). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya = World economy and International Relations*. 1996;(3,4,5). (In Russ.).
17. Ilyicheva L.E., ed. State, business, society: problems of interaction optimization. Moscow: INEK, 2010. (In Russ.).
18. Kisel K. Yu. Modern models of interaction between business structures and government bodies. Dissertation for the degree of candidate of political sciences. HSE. Moscow; 2013. (In Russ.).
19. Shokhin A.N., ed. Business and power in Russia: theory and practice of interaction. Monograph. Moscow: HSE; 2011. (In Russ.).
20. Ilyinsky A.I. Political business cycle theory and manipulative monetary policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2015;20(4):53–60. (In Russ.).
21. Istomin I.A., Baykov A.A. Alliances in the Service of Hegemony: Deconstruction of the Toolkit for Military-Political Dominance. *Polis. Political Studies*. 2020;(6):8–25. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02.
22. Hayward R. Alker, Deutsch Karl Wolfgang, Stoetzel Antoine H. Mathematical Approaches to Politics. Elsevier Scientific Publishing Company; 1973.
23. Holsti K.J. The Concept of Power in the Study of International Relations. *Background*. 1964;7(4):179–194.
24. Dahl, Robert A. The Concept of Power. *Behavioral Science*. 1957;(2):201–215.
25. Hart Jeffrey. Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations. *International Organization*. Spring. 1976;30(2):289–305.
26. Guzzini Stefano. On the measure of power and the power of measure in International Relations. Danish Institute for International Studies; 2009.
27. Seong-Hun Yun. An Overdue Critical Look at Soft Power Measurement. *Journal of International and Area Studies*. 2018;25(2):1–20.
28. Sushentsov A., ed. International Threats 2021. Geopolitics after the Pandemic. Moscow: MGIMO (U); 2020. (In Russ.).
29. Artyushkin V.F., Kazantsev A.A., Sergeev V.M. Power relations among the great powers in the “Group of 20”: analysis using the method of multidimensional scaling. *Polis*. 2021;(2):125–138. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2021.02.00.
30. Mierzwa Z.E. Implementation of Multivariate Statistical Analysis for Warning Forecasting. *Review of Business and Economics Studies*. 2017;5(4):22–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Збигнев Эдмунд Межва — доктор экономических наук, профессор департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
zmierzwa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zbigniew Edmund Mierzwa — Doctor of Political Economy, Professor of the Department of Politology, Financial University, Moscow, Russia
zmierzwa@yandex.ru

Статья поступила 27.11.2021; принята к публикации 15.12.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.11.2021; accepted for publication on 15.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается проблема актуализации немецкой доктрины «Realpolitik» применительно к современной мировой политике. Изложение материала идет по теоретико-методологической линии, сопряженной с обозначением основных подходов к «реальной политике», которые наличествовали в истории политической мысли, и сравнением реалистического направления политологического анализа с нормативно-ценностной парадигмой, а также по практико-ориентированной линии, связанной с обращением к актуальной мировой политической повестке и характеристике тех ее направлений, у которых в качестве базисного начала — политический реализм. При обращении к действительной мировой политике автор делает вывод о том, что реализм особенно актуален в следующих направлениях: сокращение ядерного арсенала и ослабление ракетного потенциала, недопущение развертывания стратегических наступательных вооружений и дислоцирования вооруженных сил конкурирующих военно-политических блоков на приграничных территориях, борьба с международным терроризмом, а также предотвращение последствий пандемии новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: «Realpolitik»; «реальная политика»; политический реализм; мировая политика; нормативно-ценностный подход

Для цитирования: Зубов В.В. Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):100-107. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-100-107

ORIGINAL PAPER

The German Doctrine of “Realpolitik” Through the Prism of Modern World Politics

V.V. Zubov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

ABSTRACT

The proposed paper examines the problem of updating the German doctrine “Realpolitik” in relation to contemporary world politics. The presentation of the material follows a theoretical and methodological line, associated with the designation of the main approaches to “real politics” that were present in the history of political thought. Secondly, it compares the realistic direction of political science analysis with the normative-value paradigm and a practice-oriented line, associated with an appeal to the current world political agenda and the characteristics of those directions that have political realism as a fundamental principle. When referring to real-world politics, the author concluded that realism is especially relevant in the following areas: reducing the nuclear arsenal and weakening the missile potential, preventing the deployment of strategic offensive weapons and the deployment of armed forces of competing military-political blocs in border areas, the fight against international terrorism, as well as preventing the consequences of the new coronavirus pandemic.

Keywords: “Realpolitik”; “real politics”; political realism; world politics; normative-value approach

For citation: Zubov V.V. The German doctrine of “Realpolitik” through the prism of modern world politics. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):100-107. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-100-107

ВВЕДЕНИЕ

Современная мировая политика, как, впрочем, и политика предыдущих исторических периодов, является в основе своей социальной деятельностью, которую осуществляют люди, имеющие свои цели, ценности и интересы. Поэтому оттого, насколько стабильна человеческая природа, зависит неизменность политической составляющей общества. В этом смысле основные подходы к политике и в прошлом, и в настоящем не претерпели каких-либо значительных изменений. Совершенствование социума влечет появление новых идеологий, движений и парадигм. Данный процесс характеризуется необратимым динамизмом, однако базовые начала политики, с нашей точки зрения, остаются одними и теми же. К таким началам следует относить, с одной стороны, политику как воплощение морали и, с другой стороны, политику такой, какой она является в действительности — со всеми проблемами, недостатками и, главное, довольно часто встречающимся несоответствием между декларируемым и реализуемым. Второй подход к политике является, в общем, выражением аморализма, хотя именно он служит фактическим началом функционирования политической материи. Первое сколь-либо значимое теоретическое обоснование реалистического направления в политике относится к эпохе Возрождения, однако в политической практике целостное выражение данного подхода связывается только с немецкой политикой второй половины XIX столетия, которая получила название «Realpolitik».

Термин «Realpolitik» вошел в историю мировой политики в качестве характеристики внутри- и внешнеполитического курса рейхсканцлера Германской империи XIX в. Отто фон Бисмарка, посредством которого удалось осуществить объединение Германии в единомысленную империю в 1871 г. по малогерманскому пути, т.е. с доминирующей ролью Пруссии и без инкорпорации германоговорящих областей Австрии. Однако в современном политическом, политологическом и журналистском дискурсах «Realpolitik» трактуется расширительно, как реальная политика, т.е. как совокупность подходов к политической материи и приемов властвования, которые основаны не на каком-либо идеологическом или нравственно-аксиологическом фундаменте, а на

практических и прагматических соображениях, согласуемых с действительными и актуальными интересами подвластного действующим политикам объекта. То есть, в сущности, речь идет о реальной политике в таком виде, в каком ее представлял разработчик одноименной категории, немецкий историк XIX столетия Людвиг фон Рохау. Причем «Реалполитик» Бисмарка как раз-таки восходит к «реальной политике» Рохау. Ввиду того, что тема нашей статьи «генетически» предполагает связь политической истории с современной мировой политикой, то далее, говоря о «Realpolitik», мы будем подразумевать данный термин с точки зрения его расширительного толкования, если речь не будет идти непосредственно о курсе Бисмарка.

Как и любое сложное явление объективной действительности, «Реалполитик» имеет свои исторические и теоретические корни, а также предпосылки, которые повлекли за собой кристаллизацию набора однородных подходов к политике в стройную концепцию и политическую практику. Следовательно, необходимо обозначить основные теоретико-методологические подходы к «реальной политике», которые наличествовали в истории политической мысли, а также провести сравнение между реалистическим направлением политологического анализа и нормативно-ценностной парадигмой как антиподом политического реализма.

С другой стороны, в самом начале публикации был обозначен тезис об исторической преемственности реалистического подхода, а значит, необходимо обратиться к актуальной мировой политической повестке и охарактеризовать те ее направления, у которых в качестве базисного начала — политический реализм. Благодаря подобному соотношению идеального и материального удастся представить обоснования сформулированного ранее мнения. Таким образом, далее статья содержательно разбита на теоретико-методологический и практико-ориентированный разделы, которые, в свою очередь, подразделяются на более узкие подразделы.

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ И НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИКЕ

Обозначенная в названии подраздела проблема соотношения двух исторически и логически противоположных подходов к политике определенно не является новой для политической науки. Дан-

ная тема давно стала базовой для учебных курсов политологии, и ее рассматривают практически в каждом профильном учебнике или учебном пособии в контексте непреходящей проблемы соотношения политики и морали. В этой связи едва ли мы привнесем что-либо новое в процессе написания данной части статьи, но, по крайней мере, постараемся актуализировать классическую проблему политической науки.

В сущности, нормативно-ценностный подход можно определить как направление, которое рассматривает политику и политическое поведение с точки зрения соответствия или несоответствия этическим категориям или морально-нравственным идеалам. В этом смысле «хорошая» политика — та, которая соответствует неформальным критериям человеческого сосуществования, а «плохая» — та, которая идет вразрез с укоренившимися моральными установками. Причем слова «хороший» и «плохой» применительно к политике взяты в кавычки намеренно, — тем самым мы пытаемся показать, что нормативно-ценностный подход апеллирует к таким категориям, которые носят оценочный и субъективный характер — настолько, насколько размытыми представляются в категории этики.

Зачатки нормативно-ценностного подхода можно найти уже в концептуальных положениях древнегреческих философов. Так, ядром политико-философской системы **Платона** является представление о счастье как о соответствии между социальными классами, функционалом и добродетелями. Если имеет место гармоничное сочетание классово-принадлежности — к правителям (философам), управляющим (воинам) или производителям (ремесленникам и земледельцам) с функционалом, вытекающим из места в стратификационной структуре (правление, управление и производство соответственно), и добродетелями (мудрость, мужество и послушание соответственно), то речь идет о счастье [1]. Стало быть, добродетель в политике — это признание человеком своего предустановленного положения в обществе и формирование в себе тех компетенций, что соответствуют данному положению. Развитие этического подхода к политике можно встретить у ученика Платона — великого древнегреческого философа **Аристотеля**, которого принято считать основателем политической науки. Для Аристотеля политика — это наука

о высшем благе человека и государства. Целью политики является счастье и благосостояние человека и полиса. В данной трактовке трудно не увидеть синкретизм: политика, хотя и является самостоятельной сферой, но в то же время немыслима без морали и экономики. При этом синкретизм аристотелевской интерпретации политики представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного. Если благосостояние возможно измерить какими-либо количественными параметрами, то счастье (высшее благо) — состояние предельно субъективное. Тем не менее синтезирование морали и политики не мешает Аристотелю обращаться к натуралистическим подходам, когда он говорит о том, что политика является продуктом естественного развития людей, «творением природы». По мнению мыслителя, государство (полис) — продукт наивысшего развития людей, который возник путем объединения людей в семьи, семей — в селения, а селений — в государство.

Конечно, нормативно-ценностный подход далеко не ограничивается воззрениями Платона и Аристотеля. Однако его дальнейшее изложение выходит за рамки настоящей статьи, поскольку нам необходимо лишь в общем виде очертить контуры «этической» политики как такого политического анализа, который задействует моральные принципы и нормы.

Что касается политического реализма, то его теоретико-методологическим разработчиком принято считать выдающегося итальянского политического мыслителя эпохи Возрождения **Никколо Макиавелли**. Он является типичным представителем философии гуманизма. Это значит, что Макиавелли пользуется рациональной методологией политического анализа и решительно освобождает политическую науку от догм католической схоластики. Анализируя феномен политического, следует, по Макиавелли, исходить не из представлений об «общем благе», справедливости или божественной providence, а из природы и интересов человека. То есть в центре внимания мыслителя — не абстрактные категории, а политика такая, какой она является в действительности, и такие интересы людей, которые наличествовали в истории и продолжают проявляться здесь и сейчас. В этой связи не вызывает удивления тот факт, что религию — основу мировоззрения людей того времени — Макиавелли определяет ути-

литарно: не как воплощение высшего знания и авторитета, а как общественное образование, имеющее некоторую социальную функцию. И в зависимости от этой функции религии бывают позитивными и негативными. Религии, воспитывающие качества, Макиавелли относит к деструктивным, религии, способствующие выработке гражданских качеств, — к полезным.

Известность Макиавелли выходит далеко за пределы политической науки. Обыденное сознание нередко идентифицирует имя Макиавелли с фразой «цель оправдывает средства». Причем ни в «Государе», ни в «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия», ни в «Истории Флоренции» сам автор такой речевой оборот не использует. Тем не менее сам оборот во многом является квинтэссенцией политических воззрений Макиавелли, которые впоследствии стали именовать макиавеллизмом. Макиавелли дает государю индульгенцию на нарушение нравственных заповедей. Он считает, что государь должен, когда обстоятельства не дают ему другого выбора, прибегать к безнравственным средствам, при этом стараясь доказать, что его поведение безупречно и добродетельно. Тот, кто не поступает таким образом, обрекает себя на верную гибель, поскольку он не сумеет бороться с теми, кто наверняка применит против него предосудительные средства. Кроме того, говоря о добродетели, Макиавелли замечает, что «добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными», поскольку, если подданные развращены, то «добрые дела могут ему [государю — В.З.] повредить» [2]. При этом стоит подчеркнуть, что аморальность, по Макиавелли, не является максимой: это всего лишь один из способов упрочения власти, применяемый там, где это необходимо. То есть в конечном счете цель государя — это удержание власти и только. Именно этим обстоятельством может обосновываться проявление жесткости, но никак не демонстрацией силы с целью сублимации собственной неуверенности.

Несмотря на то что политическая картина Макиавелли отличается ярко выраженным имморализмом, фундамент макиавеллизма составляют этические категории любви и страха. Правителю необходимо определить свою модель поведения в зависимости от того, что он ждет от своих подданных: любовь или страх. Наилучшим вариантом является такая поли-

тика, которая находит отклик одновременно и в виде любви, и в виде страха. Однако поскольку это практически недостижимо, методы политической власти должны приводить к страху. Такое умозаключение Макиавелли обосновывает тем, что любовь из-за испорченности человеческой природы слаба и неустойчива, а страх наказания всегда эффективен, к тому же любить или не любить правителя — это прерогатива подданных, которая от властителя не зависит, в то время как внушение страха полностью зависит от действий государя. Таким образом, Никколо Макиавелли стал первым политическим мыслителем, кто связал политику с социальной действительностью и определил соотношение политики и морали в пользу интересов правящих субъектов.

На основании отмеченного выше нетрудно заметить, что ни нормативно-ценностный, ни реалистический подход к политике не были представлены в рафинированном виде. С одной стороны, некоторые последователи «этической» политики пытались рассматривать последнюю как продукт объективно складывающихся общественных отношений, с другой стороны, «реалисты», несмотря на свой прагматизм, прибегают к категориям этики, хотя их отношение к ним носит крайне безразличный характер.

«РЕАЛЬНЫЙ» АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

На основании анализа политической концепции Н. Макиавелли можно заключить, что реализм в политике тождественен имморализму. Во многом это действительно так, однако сводить «реальную политику» исключительно к игнорированию морали — это все равно, что впадать в неоправданное упрощение. «Реальный» анализ политического — это не только и не столько дистанцирование от этики, сколько попытка беспристрастной оценки политики без обращения к устоявшимся стереотипам — научным, общественным, философским и т.п. В этой связи не должно вызывать удивления то обстоятельство, что реалистическое описание политической жизни осуществляется не только в русле политических наук, но и в рамках философии, социологии, антропологии, юриспруденции.

С точки зрения философии политический реализм больше всего близок к методологии позитивизма. Сторонники последнего направления делают упор на эмпирических исследованиях как способе получения подлинных знаний, т.е. речь идет не более чем об адекватной интерпретации действительности, но никак не о «подгонке» результатов под заданные этические установки. Даже если знание «неэтично», но соответствует реальности, оно признается ценным.

С точки зрения социологии политический реализм больше всего близок к конфликтологической теории, одним из последователей которой является выдающийся немецкий мыслитель и социолог **Макс Вебер**. Для философа основой политической и социальной жизни является не стремление к гармонии и поиску связующих ценностей, не согласие и солидарность, а борьба, господство и насилие. Конфликт служит фундаментом социальных отношений на всех уровнях: от взаимодействий между людьми до межнациональных связей. «Дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, *средства* — физического насилия», — утверждает Вебер в сборнике «Политика как призвание и профессия» [3]. И хотя сводить политику и социум исключительно к конфликтам и борьбе, с нашей точки зрения, не следует, говорить о политике как о стремлении к прогрессивному развитию также не приходится. Именно в последнем и кроется актуальность концептуальных положений политической социологии М. Вебера.

Из антропологии «реальная политика» может позаимствовать выводы, касающиеся исследования психологии массового поведения. Признанным пионером данной области считается французский антрополог, психолог и историк **Гюстав Лебон**, а его фундаментальная работа «Психология масс» является политическим бестселлером [4]. Лебон дал подробную характеристику толпы как особого образования, в котором каждый ее член, по сути, отказывается от интеллектуальной деятельности и подчиняется инстинктивным законам. В толпе рациональные опасения страха элиминируются, поскольку формируется искаженное представление об отсутствии ответственности

за совершаемые действия. Поведение толпы предельно примитивно, а ее «коллективный» интеллект равен интеллекту наименее развитого участника. По этой причине эффективным способом управления толпой может служить формулировка элементарных и понятных лозунгов, обращенных к эмоциональной сфере, а также призыв к наиболее простым действиям. Реализм Лебона в данном случае состоит в безразличном отношении к гуманистической концепции уважения человеческой личности. Толпа — это, в общем, собрание людей, и раз каждый человек достоин уважения, то на такое же признание может рассчитывать и толпа. Тем не менее Лебон старается апеллировать к действительности, а не к признаваемым социальным конструкциям.

Политический реализм в преломлении через юридическую науку может рассматриваться как минимум в двух разрезах: 1) соотношение суверенной власти и права; 2) реализм как собственное направление юридической науки.

Если говорить о соотношении суверенной власти и права, то стоит заметить, что данная проблема не относится напрямую к реализму. Еще видный представитель договорной теории **Томас Гоббс** в «Левиафане» [5] рассматривал доктрину «суверена» и пределы суверенной власти, которые ограничиваются гарантиями общественной безопасности, а также неприкосновенностью принадлежащего гражданам имущества [6]. Собственно соединение концепции «суверена» с реалистическим анализом осуществил немецкий юрист и философ **Карл Шмитт**. По мнению Шмитта, конституционный порядок и позитивное право имеют значимость именно для стабильных обществ. Как только в обществе происходят хаос и дезорганизация, сила правовых установлений должна заменяться силой суверена, который является в конечном счете тем, кто принимает решение о чрезвычайном положении. Реализм Шмитта в данном случае состоит в том, что он абстрагируется от представлений о всеобщей ценности правового государства и верховенства права. Это объясняется тем, что действительная политическая обстановка может складываться таким образом, который не предполагает действий согласно нормам права, адаптированных для стабильной ситуации.

Что касается реалистического направления политико-правовой мысли, то оно связывается

с именем немецкого юриста **Рудольфа фон Иеринга**. Непосредственный «реализм» данного направления состоит в том, что правовая материя рассматривается не как анализ законоположений, а как средоточие человеческих интересов и мотивов, сопряженных с правом. В этой связи неудивительно, что Иеринг призвал переходить от «юриспруденции понятий», догматической юриспруденции, к «юриспруденции интересов». Индивид — это субъект, который реализует свои эгоистические интересы. Возникновение дефицита материальных ресурсов влечет за собой возникновение противоречий между частными и коллективными интересами, что и является отправной точкой для возникновения права и политической власти. Стало быть, право — это не более чем способ установления порядка и сдерживания эгоизма на основе баланса различных интересов.

Таким образом, реализм нельзя считать узкополитическим подходом, а его использование имеет место, в том числе, и в других социальных науках, посредством которых также можно анализировать как политическую, так и иные сферы общественной жизни.

«РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» И РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Политический реализм является не только способом теоретического анализа политических процессов, но и составной частью актуальной мировой политики. Данное обстоятельство представляется вполне логичным: если бы реализм и прагматизм не были доминантами политики, их политологическое рассмотрение было бы лишено всякого смысла.

В действительной мировой политике реализм особенно актуален, по мнению автора, в следующих направлениях:

- сокращение ядерного арсенала и ослабление ракетного потенциала;
- недопущение развертывания стратегических наступательных вооружений и дислоцирования вооруженных сил конкурирующих военно-политических блоков на приграничных территориях;
- борьба с международным терроризмом;
- предотвращение последствий пандемии новой коронавирусной инфекции.

Если говорить о политическом аспекте ядерного оружия и ракетно-ядерного арсенала, то необходимо в первую очередь обратить внима-

ние на то, что ни одна ядерная держава к настоящему времени не высказывает намерений об использовании своего вооружения для решения внешнеполитических конфликтов. Последствия атомной войны представляются очевидными, а крупные террористические формирования и нестабильные фундаменталистские режимы лишены доступа к ядерному оружию. Следовательно, речь должна идти о сокращении стратегического наступательного вооружения. Во-первых, его содержание обходится в значительные суммы, во-вторых, данные мероприятия будут способствовать ослаблению международной напряженности. Однако в соответствии с реалистическими интенциями речь идет не об отказе от ядерного потенциала, а именно о сокращении ядерных боеголовок. Наличие некоторых запасов ядерного оружия способствует, с одной стороны, сдерживанию агрессивных намерений конкурирующих игроков на международной арене и, с другой стороны, является гарантией на случай нарушения одной из сторон договоренностей по частичному разоружению.

Как показали недавние события, реалистическая ценность — сокращение стратегических наступательных вооружений — является более значимой, нежели артикулируемые представления о роли того или иного государства на международной арене. В конце января 2021 г. между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки было достигнуто соглашение, касающееся пролонгации Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-III) до 5 февраля 2026 г. Данное обстоятельство, однако, накладывается на антироссийские настроения Демократической партии США в целом и сопутствующую им риторику действующего президента Джо Байдена в частности. Так, первые дни пребывания Байдена на посту главы Белого дома ознаменовались угрозами введения персональных и секторальных санкций в отношении Российской Федерации. Тем не менее эти обещания американского политического истеблишмента в конечном счете оказались лишь популистскими заявлениями, которые продиктованы негативным отношением западного сообщества к реализуемому в нашей стране политическому курсу, что не помешало ему проводить актуальную политику полного и частичного разоружения.

С позиций политического реализма можно также объяснить действия Российской Федерации после тяжелого политического кризиса на Украине, за которым последовало присоединение Республики Крым к составу России. Ряд западноевропейских государств, как известно, не признал вхождение Крыма в состав Российской Федерации. Наша страна подобную позицию посчитала необоснованной, поскольку присоединение Республики Крым было проведено на основании референдума, который соответствовал международному праву. После указанных событий по отношению к России стала применяться санкционная политика, которая в качестве ответной меры повлекла контрсанкции — частичное продовольственное эмбарго на продукцию ряда государств.

Украинский Евромайдан конца 2013–2014 гг. повлек за собой крушение режима В. Януковича и приход к власти проевропейских сил, нацеленных на сотрудничество с США и НАТО и конфронтацию с российским руководством. Взаимодействие Украины с блоком НАТО воспринималось и воспринимается Россией как реальная угроза национальной безопасности, ввиду того что существовала и существует вероятность концентрации войск Североатлантического альянса на приграничных территориях. Кроме того, сотрудничество Украины и НАТО могло повлечь за собой размещение военно-морских сил альянса на территории некогда подконтрольного Украине Крымского полуострова, что уменьшило бы влияние России в Черном море и создало угрозу для прибрежных территорий Российской Федерации. Украинский политический хаос и дезорганизация вооруженных сил стали в этом отношении ключевыми факторами для включения Республики Крым в состав Российской Федерации, что, кроме всего прочего, было осуществлено для защиты национальных интересов в сфере обороны и безопасности.

После событий весны 2014 г. произошел разрыв контактов между военными ведомствами России и США. Однако обострение ситуации на Ближнем Востоке, связанное с усилением экспансии запрещенного в Российской Федерации Исламского государства, стало триггером для возобновления сотрудничества между странами в направлении борьбы с международным терроризмом. В дальнейшем значимость данной проблемы была вновь обозначена избран-

ным американским президентом Дональдом Трампом в 2016 г. в рамках взаимоотношений с российским истеблишментом, а международный терроризм и экстремизм были объявлены «врагами номер один» для РФ и США. То есть, с одной стороны, американское руководство не отказалось от проводимой антироссийской политики, но, с другой стороны, оно восстановило военно-дипломатические контакты с Россией в части борьбы с терроризмом. Иными словами, американским руководством была проведена ранжировка проблем по степени их актуальности, т.е. Соединенные Штаты Америки своими действиями фактически признали, что проблема борьбы с международным терроризмом является более важной, чем продолжение конфронтации с Россией по причине присоединения ею Крыма.

Реализм, кроме всего прочего, не может не учитываться в вопросе борьбы с коронавирусной инфекцией. Глобализация повлекла за собой дальнейшее распространение свободы передвижения граждан, а пандемия коронавируса, в свою очередь, показала, что сдерживание массового заражения в существующих условиях невозможно осуществить исключительно усилиями национальных правительств. С одной стороны, власти ряда государств осуществляют полное или частичное закрытие границ путем прекращения транспортного сообщения, а с другой стороны, они тем самым ограничивают права своих граждан и вступают в конфронтацию с обществом. На данную проблему накладывается также вопрос статуса иностранных вакцин: посетить территорию государства может только тот, кто привит признанной в нем вакциной, а вакцинация в своей стране другой вакциной не признается. Причем речь идет не о реальной эффективности вакцин, а об их правовом статусе в конкретной юрисдикции. Требования политического реализма в части, касающейся недопущения общественного недовольства национальными медико-санитарными бюрократиями, запустили процедуру взаимного признания вакцин, которая, как нам кажется, с течением времени будет развиваться.

Выводы

В заключение обратим внимание на один важный аспект «реальной политики» в практике, который напрямую не связан с мировой поли-

тикой, но вполне явственно характеризует суть политики как таковой. Политический реализм — это, кроме всего прочего, способность выбирать наименее худшее решение из возможных, при том, что все возможные варианты, исходя из сложившейся обстановки, представляются

абсолютно аморальными. Мораль — продукт общественного сознания, а реальность представляется куда более многогранной. Потому в реальной политической жизни довольно часто имеют место ситуации, которые полностью исключают этические компоненты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скирбекк Г., Гилъе Н. История философии. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС; 2008. 799 с.
2. Макиавелли Н. Государь. М.: РИПОЛ классик; 2016. 464 с.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик; 2021. 292 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ; 2019. 384 с.
5. Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик; 2016. 672 с.
6. Седых Н. Н. Пределы власти в концепции «суверена» Томаса Гоббса. *Образование и право*. 2019;(4):239–243.

REFERENCES

1. Skirbekk G., Gilye N. History of Philosophy. Moscow: VLADOS Humanitarian Publishing Center; 2008. 799 p. (In Russ.).
2. Machiavelli N. Sovereign Moscow: RIPOL classic; 2016. 464 p. (In Russ.).
3. Weber M. Politics as a vocation and profession. Moscow: RIPOL classic; 2021. 292 p. (In Russ.).
4. Lebon G. Psychology of peoples and masses. Moscow: AST; 2019. 384 p. (In Russ.).
5. Hobbes T. Leviathan. Moscow: RIPOL classic; 2016. 672 p. (In Russ.).
6. Sedykh N.N. Limits of power in the concept of “sovereign” by Thomas Hobbes. *Obrazovaniye i pravo = Education and law*. 2019;(4):239–243. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
zubov305@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Zubov — Cand. Sci. (History), Docent, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
zubov305@yandex.ru

Статья поступила 25.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации

Н.С. Сергиенко^а, М.Т. Велиханов^б, С.А. Фатиева^с

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^с Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-9042-8454>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9841-0774>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9634-7337>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности государственной политики Российской Федерации в сфере труда и социальной защиты, механизмы ее реализации, а также методы и инструменты. Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли социальной защиты граждан, появлением новых государственно-правовых институтов, призванных укреплять социальную функцию государства, а также субъективной неудовлетворенностью значительной части населения степенью практической осуществимости конституционно закрепленных социальных гарантий. Целью статьи является разработка рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере труда и социальной защиты — авторы исследуют организационные и экономические отношения механизмов ее реализации.

Ключевые слова: государственная политика; сфера труда; социальная защита населения; меры социальной поддержки; социальная помощь; социальная политика; финансирование мер поддержки

Для цитирования: Сергиенко Н.С., Велиханов М.Т., Фатиева С.А. Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):108-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-108-115

ORIGINAL PAPER

Theoretical Foundations of the Implementation of State Policy in the Field of Labour and Social Protection in the Russian Federation

N.S. Sergienko^a, M.T. Velikhanov^b, S.A. Fatieva^c

^{a,b} Financial University, Moscow, Russia

^c Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0001-9042-8454>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-9841-0774>;

^c <https://orcid.org/0000-0002-9634-7337>

ABSTRACT

In this paper, we examine the features of the state policy of the Russian Federation in the field of labour and social protection, the mechanisms of its implementation, and methods and tools. The relevance of the study is due to the increasing role of social protection of citizens, the emergence of new state-legal institutions designed to strengthen the social function of the state, as well as the subjective dissatisfaction of a significant part of the population with the degree of the practical feasibility of constitutionally enshrined social guarantees. The purpose of the study is to develop recommendations for improving state policy in the field of labour and social protection. The subject of the study is the organizational and economic relations of mechanisms for the implementation of state policy in the field of labour and social protection.

Keywords: state policy; labour relations; social protection; social support measures; social assistance; social policy; financing of support measures

For citation: Sergienko N.S., Velikhanov M.T., Fatieva S.A. Theoretical foundations of the implementation of state policy in the field of labour and social protection in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):108-115. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-108-115

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент наша страна находится на этапе кардинальных перемен (как в экономической, так и социальной сфере), к которым относятся: оптимизация основных социальных сфер жизни, инновационный путь развития, изменение роли науки, образования и культуры. Кроме того, возрастает роль человеческого фактора в решении социально-экономических задач.

Качество жизни граждан напрямую зависит от их финансового обеспечения и благосостояния, на которые в целом влияют уровень жизни населения страны, процессы воспроизводства трудовых ресурсов, развитие производственных сил, а также культурная и духовная жизнь общества. Стоит подчеркнуть, что все вышеперечисленные процессы способствуют увеличению роли человеческого потенциала и необходимости изучения проблем качества жизни.

Более ста лет назад Международная организация труда провозгласила поддержанный государствами-участниками тезис о невозможности установления прочного мира и социальной справедливости в условиях отсутствия согласованных усилий властных структур, направленных на минимизацию уровня безработицы, устранение принудительного труда, установление и выплату достаточного для достойной жизни прожиточного минимума, защиту работающих граждан от сопряженных с трудовой деятельностью заболеваний и травм, достойное пенсионное обеспечение¹.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В действительности государственная политика в сфере труда и социальной защиты неразрывно связаны между собой: отчисления работающего населения создают финансовую основу для системы социального обеспечения неработающего населения и различных категорий лиц, имеющих особый социальный статус.

«Впервые понятие “социальная защита” было применено в США в 1935 г. в законе о социаль-

ной защите. Немного позднее другие страны стали довольно широко использовать данный термин, кроме того, международная организация труда тоже стала его использовать», — указывает Е.В. Агеева [1]. Как отмечают специалисты, под социальной защитой следует понимать как меры, принимаемые государством, так и те, что базируются на стремлении к достижению определенной степени согласия в социуме о том, какой уровень защиты государство обязано предоставить населению [2].

Как представляется, в России под социальной защитой (с учетом изменений, произошедших в отечественном конституционно-правовом механизме) подразумеваются организационно-правовые механизмы соблюдения социальных прав граждан и достижение параметров модели социального государства, что должно регулироваться с помощью нормативных документов в сфере правоотношений, возникающих при реализации мер социальной защиты граждан, оказавшихся в трудном социальном положении. Социальная защита и социальное обеспечение реализуются в ходе деятельности публичных структур, осуществляющих социальную политику.

По мнению А.В. Пашкова, социальная защита выражается через три большие институциональные формы: социальное обеспечение, социальное страхование и социальная помощь (рис. 1).

Меры социальной поддержки выполняют две ключевые функции: компенсирующую и стимулирующую. Компенсационный характер заключается в создании равных условий для всех субъектов, несмотря на неравенство их возможностей, например для инвалидов, детей-сирот. Данная функция на практике проявляется в создании и реализации программ содействия занятости, переквалификации, установлении квот для приема на работу инвалидов и др. Стимулирующая функция состоит в побуждении к отдельным видам общественно-полезной деятельности, например пособие по безработице в первые 3 месяца начисляется в размере 75% от среднемесячного заработка, в следующие 3 месяца — в размере 60% заработка².

Президент РФ ежегодно в своих посланиях ФС РФ уделяет особое внимание вопросам

¹ Устав Международной организации труда (принят в 1919 г.) (с изм. и доп. 1972 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134014/

² Закон Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/

Рис. 1 / Fig. 1. Состав государственной политики в сфере социальной защиты /
Components of state policy in the field of social protection

Источник / Source: составлено авторами на основе [3] / compiled by the authors based on [3].

финансирования государственной социальной политики, в частности реализуются меры социальной защиты (поддержки), направленные на повышение уровня жизни граждан, в том числе семей с детьми, создание комфортных условий для их проживания [4]. Данные меры способствуют реализации целевых показателей для достижения национальных целей развития РФ на период до 2030 г.³

Особое значение в социальной сфере в контексте социальной защиты придается функциям государства, т.е. тем основным направлениям деятельности публичных субъектов, в которых выражается сущность и предназначение государства в социуме. Социальные функции государства реализуются посредством следующих направлений: социальная поддержка отдельных категорий граждан (утративших работу, престарелых, инвалидов и др. категорий); обеспечение занятости населения (снижение уровня безработицы, поддержка начинающих предпринимателей, малого бизнеса и др.); поддержка семьи, материнства и детства; охрана труда и здоровья населения; формирование социальной инфраструктуры общества; поддержка фундаментальных научных исследований, экологических, культурных и образовательных программ [5].

Нельзя не согласиться с мнением О. В. Власовой о том, что, будучи государством соци-

альным, Российская Федерация должна через деятельность своих компетентных органов проводить обоснованную социальную политику, которая призвана обеспечить условия для достойной жизни и свободного развития гражданина, прежде всего в сфере труда. Соответственно, труд и здоровье трудящихся должны быть полноценно защищенными с правовой и организационной точек зрения; установлен научно обоснованный размер гарантированной оплаты труда, трудовые пенсии, социальные пособия и другие гарантии социального обеспечения [6].

Т. Н. Губанковская считает, что в качестве основной цели социального государства следует рассматривать результат деятельности публичных структур, направленный на общее развитие взаимной ответственности публичной власти и граждан. Данное взаимодействие государства и граждан должно формировать гарантии и на уровне деклараций, и на уровне нормативного, т.е. обязательного для правоприменителей содержания в социальной сфере [7]. Специалисты отмечают, что оказание социальной государственной поддержки, как правило, должно предоставляться лицам, которые пострадали ввиду негативных последствий социальных рисков, таких как безработица, заболевание, производственные травмы, наступление старости, инвалидности, смерти кормильца и т.п. [8].

Важно отметить, что органы государственной власти для оказания мер социальной поддержки осуществляют комплекс мероприятий

³ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/

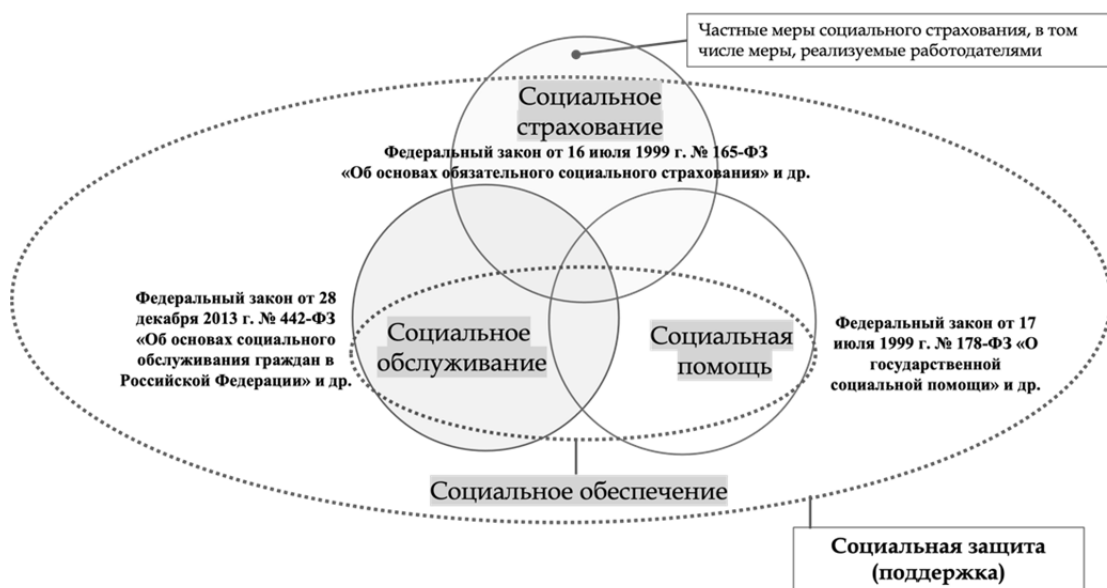

Рис. 2 / Fig. 2. Состав государственной политики РФ в сфере труда и социальной защиты /
Components of the state policy of the Russian Federation in the field of labour and social protection

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

для конкретной целевой группы получателей таких благ. С этой целью такие благополучатели разделены на группы категорий лиц. Поэтому в Классификаторе мер социальной защиты (поддержки), утвержденном Минтрудом России, отражены 17 наиболее крупных категорий⁴.

Как правило, государственная социальная политика реализуется через деятельность органов государственной власти посредством функционального и программно-целевого подходов, которые тесно связаны с текущей экономической ситуацией. От того, насколько необходимо достичь увеличения уровня благосостояния населения, в значительной мере формируются и реализуются подходы государственных программ и проектов, отвечающих существу и масштабу проблем в социальной сфере, подлежащих решению.

Государственная политика в сфере социальной защиты населения характеризуется определенными принципами.

Во-первых, принципом заявительности, который заключается в том, что социальная защита и социальная помощь предоставляются нуждающимся гражданам, которые обращаются как в письменном, так и в электронном (при помощи ЕПГУ и иных электронных систем

в соответствии с 210-ФЗ⁵) виде лично или от лица, представляющего их интересы.

Во-вторых, принципом поощрительности, который регламентирует осуществление властными структурами определенной деятельности для того, чтобы вызвать политический и общественный резонанс в тех или иных важных сферах или на определенные значимые события, получившие низкую или же, наоборот, высокую социально-общественную оценку.

Правовая база государственной политики в сфере труда и социальной защиты определяется множеством нормативно-правовых актов, характеризующихся категориями получателей мер социальной защиты (поддержки).

На основе проведенного анализа теоретической части нами была составлена следующая схема, основанная на актах нормативно-правового регулирования (рис. 2).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Российскими законодателями на данный момент не принят единый кодифицированный нормативный правовой акт, которым бы были

⁴ Классификатор мер социальной защиты (поддержки) (утв. Минтрудом России). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217713/b83eab2bf8bf0893b91f9b57e21cbc9cef660a1f/

⁵ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/

урегулированы правоотношения, возникающие при реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты, включая механизм их финансирования. Также отсутствует необходимая согласованность в осуществлении государственной политики, которая отражается в дублировании проводимых мероприятий, что влечет за собой увеличение бюджетных расходов. Представляется необходимым разработать единого социального кодекса Российской Федерации, принятого в форме федерального закона. Это позволит обеспечить единство социального пространства при реализации данной государственной политики, обеспечив всем гражданам страны равные условия.

Количество разнообразных мер социальной защиты (поддержки) населения можно назвать колоссальным, к примеру, на федеральном уровне их предоставляется свыше 760 видов [9]. Таким образом, представляет интерес их пересмотр, выявление наиболее необходимых и эффективных мер поддержки граждан для достижения национальных целей развития РФ до 2030 г. В данном аспекте принцип адресности и нуждаемости будет являться основой для принятия решений и дальнейшего составления перечня мер государственной социальной защиты (поддержки).

Дополнительным шагом в модернизации актуальных технологий исполнения бюджетов БС РФ является развитие электронных механизмов предоставления населению мер социальной защиты (поддержки), а также госуслуг в сфере социального обслуживания. В декабре 2020 г. был нормативно закреплён механизм обеспечения реализации права граждан на самостоятельное приобретение отдельных видов товаров, работ, услуг с использованием электронного сертификата при предоставлении инвалидам технических средств реабилитации, а с 1 января 2023 г. — при приобретении лекарственных препаратов. Новый механизм позволяет обеспечить: целевое расходование бюджетных средств; равновесие целевого использования и свободы выбора гражданина (подразумевает возможность выбора услуг, товаров и их поставщиков, а также удобных времени и места приобретения); стимулирование применения средств платежа безналичного характера; снижение административных издержек (ввиду отсутствия необходимости осуществления заку-

пок по конкурсным процедурам и формированию складских запасов). Но данный механизм рассчитан на ограниченный перечень товаров, работ и услуг, что является весомой проблемой для получения мер поддержки отдельными категориями граждан. Также нормативно не закреплена возможность получения указанных товаров, работ и услуг путем использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, что очень важно для людей, ограниченных в передвижении. Тем самым в рамках концепции Федерального закона № 491-ФЗ⁶ предлагается расширить соответствующий перечень товаров, работ, услуг, приобретаемых с использованием электронного сертификата, а также внедрить порядок получения товаров, работ и услуг при помощи информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Помимо системных проблем должно внимание необходимо уделить текущей ситуации, сложившейся в стране в связи с возникновением COVID-19. Быстрое распространение новой коронавирусной инфекции спровоцировало глобальные шоки, что привело к разворачиванию обширных кризисных процессов как в мировой, так и в российской экономике, и, как следствие, привело к появлению так называемых «оперативных» проблем в реализации бюджетной политики. Уже в I квартале 2020 г. кризисные процессы нашли свое отражение в исполнении федерального бюджета. По данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, одобренный антикризисный пакет в части налоговых мер в целом соответствует мировой практике, однако в расходной части кратно уступает программам других стран. При этом данная экономическая ситуация потребовала экстраординарных мер поддержки населения с целью социальной защиты. Тем самым количество мер государственной социальной поддержки значительно возросло — в силу необходимости оказания как разовой, так и постоянной помощи. Сумма, выделяемая Россией в рамках поддержки граждан, существенно меньше, чем в других странах, не только в абсолютном значении, но и в процентном отношении к ВВП страны. Но данный факт не отражает отсутствие

⁶ Федеральный закон от 30.12.2020 № 491-ФЗ «О приобретении отдельных видов товаров, работ, услуг с использованием электронного сертификата». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372676/

социальной направленности в деятельности Правительства РФ. Наоборот, антикризисный пакет мер социальной защиты (поддержки) стоит рассматривать в качестве инструмента точечной поддержки, ориентированной на достижение поставленных целей. Разнонаправленность деятельности Правительства РФ в области создания мер социальной защиты (поддержки) населения и представителей частного сектора в результате оказала синергетическое воздействие на экономический сектор. Тем самым удалось достигнуть поставленных целей и добиться определенных результатов в части стимулирования рынка труда и повышение благосостояния граждан. Можно заметить, что определенные меры социальной защиты (поддержки), принятые в рамках пакета антикризисных мер, начали функционировать на постоянной основе, из-за чего были расширены области деятельности государственной политики в сфере труда и социальной защиты.

Как представляется, Минтруду РФ следует проанализировать совокупность всех федеральных и региональных мер, включенных в комплекс мер социальной защиты (поддержки) населения, модернизировать его в целях придания адресно-ориентированного характера, чтобы меры социальной защиты (поддержки) предоставлялись наиболее удобным способом или в режиме «одного окна». Внедрение новых механизмов предоставления мер социальной защиты (поддержки) поможет достичь основной цели государственной политики в данной сфере, а именно получения каждым гражданином всех полагающихся мер поддержки, снижения уровня бедности.

Стоит учесть, что в России демографическая ситуация в ближайшие 20 лет, по оценкам специалистов, ожидает увеличения доли населения старшего поколения, а также значительное сокращение численности населения трудоспособного возраста. Как следствие, это может повлечь за собой значительное увеличение расходов бюджетов БС РФ на покрытие дефицита Пенсионного фонда РФ и увеличение нагрузки на пенсионную систему России. На сегодняшний день мероприятий, проводимых в рамках нацпроекта «Демография», недостаточно для обеспечения устойчивого роста численности населения в рамках национальных целей развития РФ до 2030 г. В рамках ФП «Помощь семьям при рождении детей» предусмотрено

предоставление следующих мер социальной поддержки: материнский капитал, выплаты на детей (финансовая помощь при рождении детей в размере регионального прожиточного минимума для ребенка), семейная ипотека (финансовая помощь на покупку квартиры или строительство дома). Но даже в случае полной реализации запланированных мероприятий, проблема убыли населения не будет решена в полной мере⁷.

В своем послании в 2021 г. Президент РФ уделил особое внимание мерам социальной поддержки семей с детьми: выплаты беременным женщинам, семьям школьников и будущих первоклассников, пересмотр механизма исчисления больничных листов по уходу за ребенком и др. Данные меры могут поспособствовать улучшению демографической ситуации в стране, но для достижения национальных целей развития РФ до 2030 г. необходимо формирование нового подхода, который будет основываться не на единовременной поддержке, а на постоянной основе. В этой связи с учетом долгосрочных демографических тенденций особенно актуальной становится выработка новых, более эффективных мер поддержки, переход к проактивной демографической политике, а именно: постепенное увеличение федеральной льготы по налогу на недвижимое имущество для многодетных семей, установление льготной ставки по ипотечному кредиту для семей с двумя и более детьми на весь период кредита и др.

В перспективе целесообразно сведение разрозненных субъектов реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в единую систему для более рационального использования бюджетных ресурсов и эффективной реализации государственной политики.

В настоящее время имеются весомые отличия в качестве и доступности предоставляемых социальных услуг по регионам страны, что обусловлено значительной дифференциацией субъектов РФ по уровню социально-экономического развития. Этот факт значительно увеличивает социальную напряженность в регионах, которая отражается в неспособности

⁷ Оперативный доклад Счетной палаты Российской Федерации об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов январь — сентябрь 2020 года. URL: <https://ach.gov.ru/audit/oper-2020>

руководства регионов решать основные проблемы, связанные с источниками финансового обеспечения предоставления мер социальной защиты (поддержки). В итоге имеет место несоответствие между степенью удовлетворенности населения оказываемыми социальными услугами и объемом выделяемых бюджетных средств на социальное обслуживание.

ВЫВОДЫ

Очевидно, что государственная политика в сфере обеспечения мер социальной защиты и поддержки занятости населения является одной из наиболее важных в системе государственного управления и требует соответствующего ресурсного обеспечения. Таким образом, социальная направленность выступает наиболее важным звеном в реализации комплексной государственной политики Российской Федерации. В данном ключе государственная политика

в сфере труда и социальной защиты населения представляет один из основных ее компонентов. В России планомерно разрабатываются и реализуются различные мероприятия, направленные на укрепление социальной защиты граждан, создание новых мер поддержки занятости населения, совершенствование механизма бюджетной политики в сфере труда и социальной защиты.

За последнее время системы социальной защиты в мире претерпели значительные изменения, в частности это связано с преобразованием механизмов их финансирования. В России же реформирование системы социальной защиты происходит уже несколько лет и продолжается по сей день. Но основной движущей силой в совершенствовании государственной политики в сфере труда и социальной защиты должны стать адресные меры государственной поддержки, предоставляемые нуждающимся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агеева Е. В. Подходы к роли социальной защиты населения в жизни общества и современные вызовы, стоящие перед ней. *Baikal Research Journal*. 2017;8(2):17–23.
2. Попова Э. А., Сизова Ю. С. К вопросу о некоторых проблемах реализации социальной политики в России. *Colloquium-journal*. 2019;7(31):64–70.
3. Пашков А. В. К вопросу об определении понятия «социальная защита». *Трудовое право*. 2008;(3):30–41.
4. Велиханов М. Т. Анализ результатов контроля за реализацией посланий Президента РФ. *Самоуправление*. 2020;5(122):183–187.
5. Сулейманова Г. В. Право социального обеспечения. Учебник и практикум. М.: Юрайт; 2019. 430 с.
6. Власова О. В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование. Дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01; 2011. 417 с.
7. Губанкова Т. Н. Понимание социального государства в российском и зарубежном праве. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право*. 2016;2(8):70–78.
8. Квашнина Ю. Д., ред. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее. М.: ИМЭМО РАН; 2016. 189 с.
9. Денисова И. П., Рукина С. Н. Финансовое обеспечение социальной политики в современных условиях. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2016;(2):2–12.

REFERENCES

1. Ageeva E. V. Approaches to the role of social protection of the population in the life of society and modern challenges facing it. *Baikal Research Journal*. 2017;8(2):17–23. (In Russ.).
2. Popova E. A., Sizova Y. S. On the question of some problems of implementing social policy in Russia. *Colloquium-journal*. 2019;7(31):64–70. (In Russ.).
3. Pashkov A. V. On the question of the definition of the concept of “social protection”. *Ttrudovoye pravo = Labour Law*. 2008;(3):30–41. (In Russ.).
4. Velikanov M. T. Analysis of the results of monitoring the implementation of the Message of the President of the Russian Federation. *Samoupravleniye = Self Management*. 2020;5(122):183–187. (In Russ.).
5. Suleymanova G. V. The right of social security. Textbook and workshop. Moscow: Yurayt; 2019. 430 p. (In Russ.).

6. Vlasova O. V. Human dignity as a moral and legal value: a general theoretical study: dissertation. Khanty-Mansiysk; 2011. 417 p. (In Russ.).
7. Gubankova T. N. Understanding of the social state in Russian and foreign law. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskiye nauki i pravo = Bulletin of the Tambov University. Series: Political Sciences and Law*. 2016;2(8):70–78. (In Russ.).
8. The welfare state in the EU countries: past and present. YD. Kvashnin, editor. Moscow: IMEMO RAS; 2016. (In Russ.).
9. Denisova I. P., Rukina S. N. Financial support of social policy in modern conditions. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial analytics: problems and solutions*. 2016;(2):2–12. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Сергеевна Сергиенко — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия

nssergienko@mail.ru

Марат Тахирович Велиханов — студент 1-го года обучения магистратуры, Финансовый университет, Москва, Россия

maratgb@bk.ru

Светлана Алексеевна Фатиева — государственный советник Российской Федерации 3 класса, Москва, Россия

z-ta@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalya S. Sergienko — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Financial University, Moscow, Russia

nssergienko@mail.ru

Marat T. Velikhanov — 1st-year Master's student, Financial University, Moscow, Russia

maratgb@bk.ru

Svetlana A. Fatieva — Grade 3 State Counselor of the Russian Federation, Moscow, Russia

z-ta@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. С. Сергиенко — разработка общих концепций исследования.

М. Т. Велиханов — сбор и анализ материалов исследования.

С. А. Фатиева — обработка и обобщение данных, полученных по результату анализа.

Authors' declared contribution:

N. S. Sergienko — development of general research concepts.

M. T. Velikhanov — collection and analysis of research materials.

S. A. Fatieva — processing and generalization of data obtained from the analysis result.

Статья поступила 09.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 09.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-116-123
УДК 32(045)

Презрение в Америке: Гэлбрейт и Дворкин (критика Р. Скрутона лидеров новых левых США)

А.И. Сперкач

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена рассмотрению одного из ключевых сюжетов монографии английского ученого Роджера Вернона Скрутона «Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых». Этот сюжет касается разбора и критики взглядов двух ведущих американских представителей упомянутого общественно-политического идейного направления: Джона Гэлбрейта и Рональда Дворкина. В каждом случае автор демонстрирует индивидуальный подход, индивидуальные оценки своих «подопечных», погружаясь в аргументацию названных мыслителей, разбирая попутно множество самостоятельных сюжетов. Следует отметить, что, несмотря на полемический задор и нескрываемую провокационность многих высказываний Р. Скрутона, он отдает должное незаурядным интеллектуальным способностям объектов своего «нападения», пытается работать системно и подробно обосновывать свои выпады. Все это в итоге привело к появлению достаточно оригинального текста, который, хотя и не представляет собой выдающееся произведение, но привлечет внимание специалистов и всех, интересующихся темой идеологического противостояния в современном мире.

Ключевые слова: новые левые; Роджер Скрутон; идеология; традиционное общество; правые; консерватизм; Джон Гэлбрейт; Рональд Дворкин

Для цитирования: Сперкач А.И. Презрение в Америке: Гэлбрейт и Дворкин (критика Р. Скрутона лидеров новых левых США). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):116-123. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-116-123

ORIGINAL PAPER

Contempt in America: Galbraith and Dworkin (criticism of the New Left leaders in the USA by R. Scruton)

A.I. Sperkach

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

ABSTRACT

This article examines one of the key plots of the monograph by the English scientist Roger Vernon Scruton "Fools, Frauds and Firebrands: Thinkers of the New Left", edited in London by Bloomsbury Publishing. This plot concerns the analysis and criticism of the views of two leading American representatives of the mentioned socio-political ideological direction: John Kenneth Galbraith and Ronald Dworkin. In each case, the author demonstrates an individual approach, individual assessments of his "wards", plunging into the argumentation of the named thinkers, analysing along the way many independent plots. The author noted many of Scruton's statements' polemical fervour and undisguised provocativeness. However, he pays tribute to the outstanding intellectual abilities of his "attack" objects and tries to systematically and substantiate his attacks in detail. All this ultimately led to the appearance of a fairly original text, which, although not an outstanding work, will attract the attention of specialists and everyone interested in the topic of ideological confrontation in the modern world.

Keywords: The New Left; Roger Scruton; ideology; traditional society; rights; conservatism; John K. Galbraith; Ronald Dworkin

For citation: Sperkach A.I. Contempt in America: Galbraith and Dworkin (criticism of the New Left leaders in the USA by R. Scruton). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):116-123. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-116-123

Самый известный и наиболее резонансный труд сэра Роджера Вернона Скрутона, члена Британской академии, члена-корреспондента французской Академии моральных и политических наук etc., стал доступен русскоязычному читателю только после смерти автора. Речь идет о монографии «Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых».

Крайне эмоционально Р. Скрутон уже в заголовке определил свое отношение к идейным вдохновителям упомянутого движения. К счастью, в тексте доминирует все же не эмоциональный, а аналитический подход, хотя подчас автор не сдерживает задора, совмещая разбор идей своих заочных оппонентов с чрезмерной хлесткостью определений и характеристик.

Если брать монографию в целом, автор, конечно, не ограничивается рамками североамериканского континента, как и не пытается ввести заочную полемику в академические рамки. Названия многих глав говорят сами за себя: «Скукота в Германии: докатиться до Хабермаса»; «Бессмыслица в Париже: Альтюссер, Лакан и Делез» и т.п. Р. Скрутон и не скрывает провокационного характера своей работы. Однако следует подчеркнуть его дотошный разбор положений левых (и не только левых) мыслителей, широкую эрудицию и, в большинстве случаев, добросовестность критических построений.

Разумеется, в монографии не обходятся стороной вопросы: кто такие левые? кто такие правые? И в первом, и особенно во втором случае, важную роль в дефиниции играет самоназвание левых, а также определение ими своих идейных оппонентов, как правых. Определение это, по Р. Скрутону, имеет злонамеренный характер так как без дальнейших рассуждений и пояснений помещает в одну страту национал-социалистов и сторонников либеральной экономики. Впрочем, в данном случае сам автор не безгрешен. В рассуждениях о левых мыслителях он без всякой сепарации и оговорок переходит к мировоззрению советских шпионов из английской элиты. Реконструкция Р. Скрутоном мотивов прямых агентов СССР из «кембриджской пятерки» (с подразумеваемой отсылкой к идеологии и ценностям новых левых мыслителей) имеет порок: почти так же (с использованием или без использования слов «шпионы» или «элиты») можно описать многие исторические типы идейных ренегатов: «воодушевленные навязчивым желанием отречься от своей страны и ее институтов <...> они принадлежали к элите <...>, создавшей религию из отрицания ценностей, прививаемых

обществом, в котором они родились. Шпионы жаждали философии, которая оправдывала бы их разрушительную манию» [1, с. 35].

Ключевым в определении новых левых мыслителей, по Р. Скрутону, следует считать то, что они, каждый в своем роде, пытаются подорвать и уничтожить наследие традиционного общества: семью, систему образования, институты законности, правопорядка и национального государства. Все то, что передает из поколения в поколение наследие западной цивилизации.

Сам Р. Скрутон полагает желательным отход от крайне одностороннего противопоставления «левое-правое» [1, с. 408]. В данном случае он только использует штампы своих идейных противников. Возможно, это объясняет некоторую расплывчатость рассуждений автора на эту тему.

Кадровый состав новых левых был, в существенной своей части, рекрутирован из поколения 1960-х гг., страстно жаждущего «теорий, какими бы невразумительными они ни были, которые оправдали бы сопротивление существующему порядку» [1, с. 31]. Чем на практике будет являться новое общество, построенное в результате «освобождения» и достижения «социальной справедливости», новые левые не разъясняли. В этом они поразительно схожи с К. Марксом, оказавшим на большинство из них определяющее или очень заметное влияние.

Для современного читателя некоторые сюжеты, на которых акцентирует внимание Р. Скрутон, могут показаться, а иногда и действительно являются архаичными (эмоциональное разоблачение реалий стран социалистического блока, подробный разбор советского новояза, коллизии, связанные с войной во Вьетнаме и т.д.). Советский Союз почти всегда упоминается в контексте трудовых лагерей, миллионов жертв режима, т.е. строго в рамках упрощенных пропагандистских клише, архаичных уже ко времени выхода в свет первой редакции книги. В данной части работа Р. Скрутона не имеет особой ценности. Впрочем, подобные сюжеты являются подчиненными и, как правило, подробно не разбираются. Здесь автор довольствуется краткими высказываниями, призванными разоблачить всех, кто ставил на одну доску страны западной демократии и страны советского блока или симпатизировал последним.

Другое дело, что многие старые сюжеты, касающиеся подходов и теории собственно западных новых левых, неразрывно связаны с современными реалиями, актуальны, узнаваемы. Речь идет, напри-

мер, об идейном и информационном обеспечении движения BLM, теме политкорректности и т.д.

Р. Скрутон в своей монографии атакует большую группу мыслителей из самых разных сфер знания, каждый из которых является мировой знаменитостью и «священной коровой» левых интеллектуалов всего мира. Многие десятки других мыслителей, литераторов, ученых он эпизодически призывает на страницы своего труда либо в качестве своих сторонников, либо обличает, раскрывает их принадлежность к левому лагерю.

Среди главных мишеней Р. Скрутона (помимо, разумеется, Карла Маркса): Эрик Хобсбаум, Эдвард Томпсон, Джон Гэлбрейт, Рональд Дворкин, Жан-Поль Сартр, Мишель Фуко, Юрген Хабермас, Луи Альтюссер, Дьердь Лакач, Жиль Делез, Антонио Грамши, Эдвард Саид, Ален Бадью, Славой Жижек.

В каждом случае автор демонстрирует индивидуальный подход, индивидуальные оценки своих «подопечных», погружаясь в аргументацию названных мыслителей, разбирая попутно множество самостоятельных сюжетов, — от принципов правового позитивизма и теории множеств до произведений Марселя Пруста и концепции иджитхада в традиционном исламском праве.

Отдельный интерес представляет раздел о ведущих представителях новых левых в США. Подразумевается презрение, которого удостоиваются консерваторы, якобы не имеющие никаких интеллектуальных аргументов в защиту своей позиции, презрение к традиционным ценностям, установлениям и институтам США. Главными антигероями здесь являются Джон Гэлбрейт и Рональд Дворкин. Из комментариев самого Р. Скрутона очевидно, что к разряду «дураков» ни один из них не относится. Конечно, позитивные эпитеты и определения, которые изредка употребляет Р. Скрутон, оценивая интеллектуальный потенциал упомянутых мыслителей, далеко не дотягивают до панегириков, которыми он удостоивал (перед тем, как разоблачить и стереть в порошок) английских левых — Эрика Хобсбаума и Эдварда Томпсона. Но даже у Р. Дворкина, обвиняемого в осознанной интеллектуальной лживости, Р. Скрутон обнаруживает свидетельства «выдающегося и плодovitого ума» [1, с. 104]. И Д. Гэлбрейт, и Р. Дворкин, по словам автора, «были выдающимися людьми, способными мыслить обстоятельно» [1, с. 109], что не уберегло их от самой острой критики.

Представители США среди новых левых выделяются тем, что являются, по определению Р. Скрутона, либералами. Возникает даже некая

путаница, так как автор часто всех новых левых вкуче именует социалистами, а в указанной главе в качестве мыслителей новых левых фигурируют именно либералы.

Разгадка подобной коллизии заключается в том, что, по мнению автора, в США благодаря Конституции Соединенных Штатов сложилась уникальная, отличная от европейской ситуация: «частная собственность, свобода личности и верховенство права стали неотъемлемыми чертами не только политической панорамы этой страны, но и американской политической науки» [1, с. 64]. Далеко не случаен акцент, который Р. Скрутон делает на конкретный правовой документ. Для его подхода характерно отрицание вторичности правовой системы по отношению к реалиям экономики и экономических отношений. Напротив, именно те или иные правовые нормы и правовые институты, утвердившиеся в обществе (вопреки известным положениям К. Маркса и его последователей), играют самостоятельную, часто определяющую роль в развитии экономической и социальной сферы.

Поэтому, по утверждению Р. Скрутона, еще не так давно почти вся левая американская философия основывалась на классических либеральных убеждениях. Очень немногие ее представители ставили под сомнение фундаментальные институты буржуазного общества в их марксистском понимании [1, с. 64]. В Соединенных Штатах изначально «интеллектуальные противники американского трудолюбия и вертикальной мобильности лишены преимуществ “солидарности интеллигенции и пролетариата”, которая выступает такой мощной силой при формировании повестки дня европейского социализма» [1, с. 66]. Таким образом, за исключением недолгого периода Великой депрессии, марксистские воззрения никогда не получали широкого признания у американских левых.

Впрочем, в данном вопросе среди американских консерваторов имеется расхождение. Как пример, можно упомянуть совершенно иные трактовки Патрика Бьюкенена, в частности, связанные с появлением как раз в период Великой депрессии в Соединенных Штатах представителей Франкфуртской школы, влияние которой только нарастало. Тут нужно учитывать, что П. Бьюкенен толковал марксизм расширительно. В число тех, кто, по его мнению, подпал под влияние его (марксизма) современной версии, значились и многие консерваторы, — те, кто, как Р. Скрутон, делал ставку на свободную торговлю и свободные рынки, правда, в отличие от Р. Скрутона, абсолютизировал их. Идеи

феминизма, «освобождения женщин», П. Бьюкенен [2] считал чисто марксистскими, а данный пункт являлся базовым для американских либералов — в последнем он абсолютно сходится с автором «Дураков, мошенников и т.д.». Следовательно, и с этой точки зрения его подход противоречит выводам Р. Скрутона о малом влиянии марксистских идей в США.

Несколько удивляет высказывание Р. Скрутона, что политическая система США «враждебна возникновению потомственных элит» [1, с. 65]. Данная характеристика как раз была бы гораздо более уместна в отношении политической системы Советского Союза, особенно того периода, которым автор периодически пеняет левых оппонентов. Возможно, по неназванным причинам Р. Скрутон не отнес в разряд потомственных элит хорошо известные американские родовые финансовые кланы.

В современных США левые мыслители образовали «контристеблишмент», обладающий социальной властью, которая, по утверждению автора, далеко превосходит финансовую власть «капиталистического класса». Данная оценка ситуации также не очень убедительна. «Финансовая власть» отнюдь не исключает идейное доминирование новых левых, но определяет ее.

В частности, касаясь западного новояза (политкорректности), исследователи подчеркивают среди его функций обоснование внешней политики западных государств, подавление инакомыслия, политическую цензуру, обеспечение идейного и ценностного консенсуса общества [3, с. 37]. Очевидно, что здесь речь идет не о плодах деятельности альтернативных элитных групп, а о вполне целенаправленной работе элит правящих.

Так или иначе, но США, по утверждению Р. Скрутона, произвели впечатляющую плеяду язвительных экономистов: «эрудированных и остроумных комментаторов огромного производственного улья, который так щедро платит им за их презрение» [1, с. 66]. В силу изложенных выше причин изначально атаке внутренних критиков американского капитализма подверглась не сама частная собственность, но потребительские и традиционные мировоззренческие ценности среднего американца.

Д. Гэлбрейт отнесен Р. Скрутоном к тем мыслителям, которые отыскивали корни застойного левого потребительского убожества США не в удовлетворении массового спроса, а в целенаправленной политической работе, определяемой сложившейся системой властных отношений [1, с. 65].

Интересно, что Р. Скрутон отнюдь не оспаривает в данном случае оценочные высказывания левых, считая, однако, важным достижением общества возможность рядовых американцев покупать то, что им хочется, и удовлетворять этот спрос. Но он категорически отвергает мнение о навязывании массам потребительских ценностей политическими силами с политическими целями. Самое главное, Р. Скрутон полагает, что, «даже если проблемы идут от переизбытка», люди отнюдь не должны возвращаться в тот мир, «где снова будут нуждаться» [1, с. 414].

Д. Гэлбрейт, по словам автора, не был ортодоксальным левым мыслителем, но постоянно расширял поле критики за счет намеренного поиска противоречий, и его выводы имели большое значение при формировании позиции левых в 1960-х гг. [1, с. 67].

Для Р. Скрутона категорически неприемлемо уже то, что в описании «нового индустриально-го государства» Д. Гэлбрейт ставит на одну доску «капиталистические экономики» Запада и «социалистические экономики» стран советского блока. Подобное уравнивание в любом виде и по любому поводу вызывает резкую отповедь автора, в которой анализ порой уступает место ссылкам на судьбу левых «критиков капитализма», посмей они обличать социалистические порядки, будучи гражданами соответствующих стран. В ход идет упоминание «миллионов погибших», «трудовых лагерей» и подобные сюжеты. Как уже отмечалось, эта проблематика не является сильной стороной монографии, впрочем, не ей посвященной.

«Холодная война» для Д. Гэлбрейта является мифом, старательно создаваемым с обеих сторон, с целью иррационального и безудержного роста производства, для Р. Скрутона же воплощает реальное противостояние двух несовместимых систем, в котором все его симпатии на стороне «свободного мира».

Далее, по Д. Гэлбрейту, рынок перестал быть определяющим фактором производства и цен на фоне увеличившихся возможностей по контролю и формированию спроса. Обезличенное общество контролируется некой «техноструктурой», возникающей в недрах корпораций [1, с. 68].

Таким образом, «потребитель превращается из суверена в подданного. А фирмы начинают подчиняться самоподдерживающемуся процессу планирования, который распространяется по всей промышленной системе и не имеет никакой другой цели, кроме своей экспансии» [1, с. 69].

Акторами данного процесса являются не только производители продукции, но и «уравновешивающие силы» (далеко не рыночные). В этом плане, помимо «техноструктуры», особое политическое значение приобретают профсоюзы, ведущие переговоры о цене труда, и олигополии-покупатели, которые ведут переговоры о цене продукции. Социализм в прежнем понимании, по Д. Гэлбрейту, невозможен хотя бы потому, что базируется на устаревшем представлении о капитализме и не является альтернативой ему с того момента, когда капиталисты лишаются возможности осуществлять контроль [1, с. 70].

В этой части Р. Скрутон не без удовлетворения отмечает, что «если взгляды Гэлбрейта на современную капиталистическую экономику хотя бы отчасти верны, социалистическая критика больше неактуальна. А поскольку Гэлбрейт, по существу, повторяет аргументы Макса Вебера, то уже достаточно давно» [1, с. 71]. Косвенно из этого следует, что Р. Скрутон допускает, хотя бы отчасти, что некоторые выводы оппонента, касающиеся западной экономики, могут иметь отношение к действительности.

Футурологические прогнозы Д. Гэлбрейта подразумевали окончательную победу плановой экономики и рост влияния «техноструктуры», на которой держатся современные корпорации, все больше избегающие ответственности перед своими акционерами. Современные корпорации стремятся максимально увеличить не прибыль, как полагали ранее, а власть. Более того, они делают это не в конкуренции между собой, а в союзе. Ведь речь идет о власти, принадлежащей не отдельной компании, а «техноструктуре», общей для всех них [1, с. 71].

Системно излагая, как обычно, представления оппонента, высказывая по ним свои соображения, Р. Скрутон делает неожиданное заявление о том, что в данном случае не так важно, верны взгляды Д. Гэлбрейта или нет. Главная проблема в уровне доказательств, приводимых в подтверждение этих взглядов: у левого мыслителя нет «никаких статистических данных, подробного анализа современной фирмы или конкретных примеров, изучения структуры принятия решений, реального сравнения частной корпорации и государственной монополии и теории правосубъектности корпораций в современном государстве». По словам Р. Скрутона, «нам предлагают не что иное, как социальную психологию, выдержанную в веблевском ироническом ключе и заквашенную на органическом профессорском презрении к пустоте

жизни управленцев». Психологическое наблюдение, высказанное в ироничных тонах, используется для подкрепления экономической теории с масштабными и далеко идущими последствиями.

Отдельным объектом иронии Д. Гэлбрейта становится «расхожая мудрость», которая включает в себя свободную конкуренцию, сбалансированный бюджет и тому подобные базовые для западной экономики понятия. Очевидно, что сам Р. Скрутон всей душой на стороне «расхожей мудрости». Но Д. Гэлбрейт идет дальше, изображая ее в качестве основного инструмента общественного контроля, сопоставимого с официальной идеологией коммунистического государства [1, с. 73].

Таким образом, он, по словам возмущенного автора, ухитряется представить капиталистическую систему столь же угнетающей, как и ее коммунистическую альтернативу.

Не менее решительно отвергает Р. Скрутон филиппики Д. Гэлбрейта против «безумного стремления к производству», ставшего «причиной нестабильности и убожества современных капиталистических обществ, в которых общественное служение приносится в жертву товарному сверхизобилию. Но еще важнее то, что это стремление привело к опасной попытке обеспечить постоянный рост спроса» [1, с. 74].

Для борьбы с общественным убожеством, как выражается Д. Гэлбрейт, США должны больше тратить на государственные услуги, образование, пособия и централизованное планирование. Нужно облагать налогами производство, из-за которого сегодня множится зло. В качестве лекарства Д. Гэлбрейт предлагает усиленное финансирование государственных услуг за счет производства. В данном случае Р. Скрутон вполне резонно замечает, что налог на производство позволит финансировать общественные услуги только в том случае, если уровень производства будет высоким [1, с. 76].

Борьбу с потребительской экономикой автор иронически определяет, как современную версию ветхозаветного тезиса о том, что человек в его падшем состоянии подчиняется тирании желаний, которые не принадлежат ему, а внушены извне. Колдовским образом их вселили в него другие, и особенно идола и фетиши рынка. Так, доказательство нашей свободы, заключает Р. Скрутон, а именно — свободы иметь то, чего мы хотим, превращается в подтверждение нашего порабощения, коль скоро желания нам не принадлежат [1, с. 75].

По заключению Р. Скрутона, несмотря на пренебрежительное отношение к социализму, Д. Гэ-

лбрейту удастся зайти на территорию, которую социалистические мыслители издавна считали своей. Он начинает видеть весь политический организм Америки в экономическом ключе как «систему», у которой каждая конечность и мускул движутся, повинаясь требованиям бизнеса. Этот главный и крайне вредный миф марксизма захватывает его воображение и лежит в основе глубоко оппозиционных взглядов. Право, политика, культура и институты играют второстепенную роль по сравнению с грубо описанной экономической системой, чьи обезличенные повеления предположительно направляют всю общественную жизнь. Этот взгляд послужил теоретической основой для одного из важнейших принципов американских новых левых: теории о том, что капиталистическое государство является такой же системой контроля, как и коммунистическое. Оно состоит на службе у корпораций и представляет собой логический итог процесса планирования, возникающего в технократических структурах [1, с. 77].

Вредным и глубоко неверным представляется автору исходный посыл Д. Гэлбрейта, заявившего, что «притеснение живущих в достатке равнозначно созданию комфорта и благополучия для притесняемых» [1, с. 81].

Критику следующего ключевого персонажа из американского лагеря новых левых Р. Скрутон предварил риторическим вопросом: «кому действительно комфортно в современном американском истеблишменте: бизнесмену или его академическому критику? Производящему ядру системы или паразиту, который кормится его трудом?». И сам же ответил, что нет такого критика американского общества, в отношении которого данный вопрос был бы более уместным, чем Рональд Дворкин [1, с. 81].

Смена главного объекта критики повлекла изменение основной тематики обсуждения с экономической на правовую.

Отразить отношение автора к Р. Дворкину относительно просто. Многие теоретические взгляды оппонента на традиционный правовой позитивизм, касающиеся пересмотра базовых норм судебного процесса англосаксонской школы («главной нормы», «судейского усмотрения», «базовых норм», «силы притяжения» судебных решений в прецедентном праве и т.д.), сами по себе не вызывают протеста.

По мнению Р. Скрутона, Р. Дворкин представляет теорию судебного процесса, которая, вовсе не опровергая допущения консервативного правоведения,

предлагает новый способ их обоснования. Более того, в начале академической карьеры он «тяготеет к выводам, противоположным тем, которые хотел бы получить» [1, с. 81].

Автор воспроизводит систему взглядов оппонента, как обычно, добавляя свои не лишённые интереса аргументы и комментарии по весьма специфичной проблематике.

К конфронтации с представителем левого идейного лагеря приводят практические выводы из его рассуждений. Более того, именно этот практический аспект является исключительно актуальным не только для судебной практики, но и для многих ключевых моментов политики западных стран последних десятилетий, которая (с консервативных позиций) вполне укладывается в идеологические схемы новых левых.

Через толкование американской конституции и требование ввести политическую мораль в судебные решения Р. Дворкин обосновывает обязательность для американских судов придерживаться курса на позитивную дискриминацию. Такой подход ставит крест на равенстве сторон в ходе судебного процесса.

Верховный же суд США, основываясь на декларированной Р. Дворкиным необходимости занимать «активную юридическую позицию» и действуя по велению «политической морали», может свободно отклонять законы вопреки позиции законодательных органов большинства штатов, что возмущает автора. Примером такого «правильного» решения, по Р. Скрутону, явился вердикт по делу «Роу против Уэйда» 1973 г., разрешавший аборт на всей территории США. Обоснованием вердикта явилась отсылка к «праву на неприкосновенность частной жизни» в Конституции США, хотя подобное право в ней даже не упоминается [1, с. 86].

Р. Дворкин проповедует судебную активность такого рода только в тех случаях, когда ее субъекты принадлежат к либеральному политическому лагерю или в рамках социальных, расовых, гендерных и тому подобных предпочтений, которые представители этого лагеря разделяют.

В противовес таким трактовкам общего права, Р. Скрутон активно ссылается на тексты Фридриха Хайека (авторитетного исследователя, сторонника свободного рынка, которого Р. Дворкин совершенно игнорирует), упоминает лекции по юриспруденции Адама Смита, обращается к античным авторам, Эдмунду Бьерку и т.д. Принципиальна позиция автора в том, что целью общего права является не социальная инженерия, а справедливость в соб-

ственном смысле этого слова, т.е. наказание или устранение последствий неправомерных действий. Право не имеет отношения к «политической морали», к которой апеллирует и которую навязывает Р. Дворкин [1, с. 87].

Цель Р. Дворкина вполне ясна: оправдать и продвинуть актуальную либеральную повестку [1, с. 92]. Насколько соответствовали истине его конструкции, как убежден Р. Скрутон, этого мыслителя абсолютно не интересовало. Повестка эта определялась главным образом движением за гражданские права, сексуальное освобождение и выступлениями против войны во Вьетнаме. Она подразумевала гражданское неповиновение и обратную дискриминацию. По мере того как прежние пункты претворялись в жизнь, Р. Дворкин расширял ее, добавляя новые пункты, вплоть до защиты права на порнографию [1, с. 93].

Автор разбирает идею Р. Дворкина о том, что право на свободу слова существует, чтобы защитить достоинство несогласных. Таким образом, получается, что прочие члены общества этим правом не располагают. Должна учитываться и «степень негодования» обвиняемых в нарушении закона [1, с. 94]. Следовательно, одно и то же деяние будет наказываться в зависимости от того, сильно ли негодовал при его совершении обвиняемый или не очень. По словам Р. Дворкина, «жесткая позиция правительства в отношении гражданского неповиновения или кампания по подавлению выступлений протеста могут считаться свидетельством неискренности заявлений о признании прав». Другими словами, иронизирует Р. Скрутон, по-настоящему искреннее правительство, приняв закон, будет снисходительно к тем, кто ему не подчиняется.

В данном случае он, по всей видимости, не учел того, что подобный подход отнюдь не является изобретением левых. Он хорошо известен со времен отцов — основателей США и имеет в высшей степени авторитетного защитника. Томас Джефферсон полагал, что «...небольшой бунт время от времени — хорошее дело <...> Неудачные восстания действительно обычно выявляют те нарушения прав народа, которые их породили. Учет этой истины сделает честных республиканских правителей настолько мягкими при наказании мятежников, чтобы не очень сильно обескураживать их» [4, с. 77]. Третий президент США, скорее всего, даже приблизительно не мог предвидеть цель и содержание нового левого протеста, тем не менее, общая установка не снисходительность

и даже некоторое поощрение «мятежников» им декларировалась.

Главным пунктом возмущения для Р. Скрутона является двойной стандарт оппонента. Гражданское неповиновение консерватора в отношении сегрегации автоматически перестает быть извинительным, в отличие от правонарушений, совершаемых в либеральных целях [4, с. 77].

Приводится автором и провокационное заявление Р. Дворкина по этнополитической тематике: «за очень редким исключением, белые студенты предпочитают компанию других белых из-за своих расистских, социальных и политических убеждений или из-за того, что они презируют чернокожих как таковых». Именно такой подход, который Р. Скрутон считает расистским, служит исходной посылкой в рассуждениях об обратной дискриминации, которую Р. Дворкин защищал «с особой изворотливостью» [1, с. 97].

Аргументы подобного рода, писал Р. Скрутон, переносят концепцию права с человека на группу. Индивиды начинают рассматриваться не просто как отдельные личности, когда речь заходит об оценке их прав, но и как члены определенных групп. Некоторые из них обременены неустрашимыми преимуществами, особенно белые мужчины. Все это обуславливает систему преимуществ и привилегий, которые распределяются в соответствии с членством в определенной группе, а не сообразно гражданству или принадлежности к человеческому роду [1, с. 98].

Автор находит у Р. Дворкина чудовищный диссонанс между защитой в некоторых работах англо-саксонской правовой традиции и агрессивной пропагандой политических программ, наподобие обратной дискриминации, которые эту традицию подрывают [1, с. 105]. «Позиция, представленная у Р. Дворкина, антиреволюционна по своим методам, но революционна по своим задачам. Американские либералы... убеждены в том, что доминирование — это зло. Но... они признают, что для реализации их цели в конечном счете необходимы институты, а идеология не может заменить кропотливую работу закона. В целом же новые левые не разделяют такого похвального уважения к институтам» [1, с. 410].

Д. Гэлбрейт и Р. Дворкин, по словам Р. Скрутона, стали светочами левой радикальной мысли, потому что «тот и другой поливали грязью идеи, унаследованные американским обществом, чтобы открыть путь к неповиновению. А, между тем, оба пользовались нескончаемыми благами, доступны-

ми всем тем, кто подрывал устоявшуюся культуру семьи, предпринимательства, Бога и флага. Но посмотрите внимательно на их аргументы. Вы обнаружите упрощения, пустые риторические фразы и презрение к противоположным взглядам. При всем своем уме они оставили реальные интеллектуальные проблемы ровно там, где их нашли» [1, с. 109].

Сегодня, по убеждению Р. Скрутона, левые радикальные идеи абсолютно доминируют на Западе. Более того, на осмелившихся публично не разделять их неминуемо обрушивается возмездие: «однажды определив себя в качестве правого, вы оказываетесь за пределами любых дискуссий. Ваши взгляды неуместны, вы дискредитированы, ваше присутствие в мире — ошибка. Вы больше не оппонент, с которым можно спорить, а сумасшедший, которого нужно избегать. Это я ощутил на собственном опыте, как и все инакомыслящие, которые мне известны» [1, с. 404]. При этом левые, по утверждению Р. Скрутона, абсолютно показывают свою альтернативу традиционным ценностям, которые так самозабвенно уничтожают: «Оглядываясь на блеклый ландшафт,

который я имел возможность обозревать в этой книге, я вижу только отрицание. Отпускаются случайные замечания по поводу грядущей “эмансипации”, “равенства” и “социальной справедливости”. Но понятия эти редко выводятся из области абстракций или подвергаются серьезному анализу. Как правило, они не служат для описания воображаемого социального порядка, который готовы защищать те, кто их использует. Напротив, эти категории применяются только для отрицания <...> Когда в текстах Адорно я нахожу, что альтернативой капиталистической системе является утопия, то могу только похвалить автора за честность, поскольку это просто другой способ сказать, что никакой альтернативы не имеется. Конечно же, вы можете переименовать утопию в “идеальную речевую ситуацию”, группу в синтезе (*groupe en fusion*), генерическую процедуру (*procédure générique*) или даже фасцию, но за этими определениями ничего не стоит. Они обещают общество, где отсутствует все, что делает его возможным: закон, собственность, обычаи, иерархия, семья, переговорный процесс, правительство и институты» [1, с. 404].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики; 2021. 440 с.
Scruton R. Fools, Frauds and Firebrands: Thinkers of the New Left. Moscow: Higher School of Economics; 2021. 440 p. (In Russ.).
2. Бьюкенен П. Смерть Запада. М., СПб.: АСТ; 2003. 444 с.
Buchanan P. Death of the West. Moscow, St. Petersburg: AST; 2003. 444 p. (In Russ.).
3. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики; 2010. 304 с.
Ionin L. G. Update of conservatism. Moscow: Higher School of Economics; 2010. 304 p. (In Russ.).
4. Гольдберг Н.М., ред. Американские просветители: Избранные произведения. Т. 2. М.: Мысль; 1969. 445 с.
Goldberg N.M., ed. American Enlighteners: Selected Works. Vol. 2. Moscow: Thought; 1969. 445 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Иванович Сперкач — кандидат исторических наук, старший преподаватель департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
sperkperk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Sperskach — Cand. Sci. of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Politology, Financial University, Moscow, Russia
sperkperk@yandex.ru

Статья поступила 27.10.2021; принята к публикации 20.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.10.2021; accepted for publication on 20.11.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-124-132
УДК 327.8(045)

Хеджирование нефтяных цен как инструмент международной энергетической политики

В.В. Андрианов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6323-4635>

АННОТАЦИЯ

К числу основных угроз для энергетики РФ относится высокая волатильность нефтяных рынков, приводящая к значительному колебанию объема доходов, получаемых российскими нефтегазовыми компаниями и бюджетом страны в результате экспорта углеводородных ресурсов. Это обуславливает необходимость поиска механизмов, нацеленных на минимизацию данного риска. Такие механизмы должны носить комплексный политико-экономический характер. Значительное снижение рисков для бюджетной системы России возможно обеспечить за счет внедрения системы хеджирования нефтяных цен. Данная система нашла широкое применение в практике ряда нефтегазовых компаний, а на национальном уровне используется в Мексике. Мексиканский опыт свидетельствует о том, что система хеджирования позволяет экономике страны без существенных потерь преодолевать периоды падения нефтяных цен на глобальных рынках. Имеющиеся расчеты показывают, что для России экономический эффект хеджирования мог бы достигать 4,36 трлн рублей за период 2015–2020 гг. Система хеджирования также способна дать России целый ряд преимуществ в сфере энергетической дипломатии.

Ключевые слова: хеджирование; энергетическая политика; нефтяной рынок; энергетическая дипломатия; нефтегазовые доходы; ОПЕК; США; Саудовская Аравия

Для цитирования: Андрианов В.В. Хеджирование нефтяных цен как инструмент международной энергетической политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):124-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-124-132

ORIGINAL PAPER

Oil Prices Hedging as a Tool of International Energy Policy

V.V. Andrianov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6323-4635>

ABSTRACT

Among the main threats to the Russian energy sector is the high volatility of the oil markets, which leads to significant fluctuations in the volume of revenues received by Russian oil and gas companies and the country's budget due to the export of hydrocarbon resources. It necessitates the search for mechanisms aimed at minimizing this risk. Such mechanisms should be of a political and economic nature. Russia can achieve a significant reduction in risks for the budgetary system through the introduction of a system of hedging oil prices. This system has found wide application in the practice of several oil and gas companies and is used at the national level in Mexico. The Mexican experience shows that the hedging system allows the country's economy to overcome periods of falling oil prices on global markets without significant losses. Calculations show that for Russia, the economic effect of hedging could reach 4.36 trillion roubles over the period 2015–2020. The hedging system can also provide Russia with some advantages in the field of energy diplomacy.

Keywords: hedging; energy policy; oil market; energy diplomacy; oil and gas revenues; OPEC; USA; Saudi Arabia

For citation: Andrianov V.V. Oil prices hedging as a tool of international energy policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):124-132. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-124-132

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена постановлением Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р, далее — ЭС-2035)¹, помимо прочих направлений деятельности по достижению цели развития энергетики РФ, выделяет «совершенствование государственного управления и развитие международных отношений в сфере энергетики». Реализация данной задачи требует досконального анализа рисков, связанных с международной деятельностью в области топливно-энергетического комплекса и выработки соответствующих механизмов их минимизации.

В приводимом в ЭС-2035 списке вызовов и угроз для энергетики РФ упоминается «высокая неопределенность и нередко непредсказуемость внешних условий и факторов, влияющих на развитие энергетики». К числу таких факторов в первую очередь можно отнести высокую волатильность нефтяных рынков, приводящую к значительному колебанию объема доходов, получаемых российскими нефтегазовыми компаниями и бюджетом страны в результате экспорта углеводородных ресурсов. Механизмы минимизации данного риска носят комплексный политико-экономический характер.

В качестве главного политического инструмента обеспечения стабильности мировых нефтяных цен (и, соответственно, увеличения нефтегазовых доходов бюджета РФ) необходимо отметить заключение соглашения между странами — членами Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и рядом независимых нефтепроизводителей в так называемом формате ОПЕК+. «ОПЕК+ — действенный, хотя и очень сложный инструмент стабилизации мировых нефтяных рынков», — отметил президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай»².

По данной в 2019 г. оценке министра энергетики РФ Александра Новака (ныне — заместитель Председателя Правительства РФ), «благодаря сделке ОПЕК+ и сопровождающему ее росту цен на нефть бюджет получил за три года 6,2 трлн рублей дополнительных доходов»³.

Вместе с тем арсенал используемых Россией экономических и политических инструментов,

служащих для минимизации рисков международной деятельности в энергетической сфере, нуждается в расширении. Одним из таких инструментов является хеджирование нефтяных цен, применяемое рядом нефтедобывающих государств. Данный механизм, экономический по сути, позволяет решать не только чисто экономические задачи (увеличение доходов нефтегазовых компаний и национального бюджета), но и политические, обеспечивая проведение независимой внешней энергетической политики и усиливая переговорные позиции государства при обсуждении важнейших международных вопросов, связанных с регулированием рынка углеводородного сырья.

Хеджирование (от англ. *hedge* — ограда, изгородь) — открытие сделок на одном рынке для компенсации воздействия ценовых рисков равной, но противоположной позиции на другом рынке. Обычно хеджирование осуществляется с целью страхования рисков изменения цен путем заключения сделок на срочных рынках⁴.

Механизмы хеджирования позволяют снизить или вовсе свести к нулю риски изменения цен на те или иные виды активов за счет их фиксации на установленном уровне. Преимущественно это осуществляется с помощью одного или нескольких производных финансовых инструментов (свопы, пут-опционы, фьючерсы и форварды) [1].

К практике хеджирования нефтяных цен прибегают крупнейшие нефтегазовые компании и нефтетрейдеры, но на государственном уровне как инструмент достижения национальных целей в области финансовой и энергетической безопасности хеджирование на сегодняшний день используется только в Мексике.

В Мексике программа хеджирования на базе пут-опционов⁵ действует уже 30 лет, с 1991 г. Хотя необходимо отметить, что впервые она была применена для защиты нефтяных доходов страны во время войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.), но затем в течение примерно 10 лет не использовалась. С начала 2000-х гг. программы хеджирования реализовывались каждый год, за исключением 2003 и 2004 гг., когда цены на нефть быстро росли и не нуждались в дополнительной защите.

Правительство Мексики приобретает пут-опционы, хеджируя примерно четверть добываемой в стране нефти. Держателю пут-опциона выгодно,

¹ URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGV DYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf>

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261>

³ URL: <https://tass.ru/ekonomika/7425363>

⁴ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хеджирование>

⁵ Опцион put (пут) — право, но не обязанность покупателя опциона продать базовый актив по заранее оговоренной цене.

если цена на актив идет вниз, чтобы продать актив выше рыночной цены в будущем. Таким образом, хеджирование минимизирует риск потерь в случае падения цены нефти. Это позволило Мексике не только без потерь пройти крупнейшие обвалы котировок (в 2014–2016, 2018 и 2020 гг.), но и получить немалые доходы. В частности, в 2009 г. Мексика заработала на хеджировании экспорта нефти более 5 млрд долл., в 2015–2016 гг. — более 9 млрд долл. В 2020 г. доходы вновь стали рекордными, так как поставки были захеджированы по цене нефти, эквивалентной 60–65 долл. за барр. Поэтому агентство Bloomberg охарактеризовало мексиканскую программу хеджирования как «секретное оружие» страны [2].

По оценкам президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора, в начале 2020 г. хеджирование нефтяных цен принесло бюджету страны дополнительно 150 млрд песо (6,15 млрд долл. США) [3]. Поставки мексиканской нефти были захеджированы на 2020 г. на уровне 49 долл. за барр., тогда как среднегодовые мировые цены на нефть сорта Brent составили 43 долл. за барр., а в марте 2020 г. она опускалась до 26,35 долл. за барр.

При этом затраты на хеджирование обычно не превышают 0,1% от ВВП в год, или около 1 млрд долл. в год. В 2020 г., на фоне пандемии коронавируса, именно хеджирование нефтяных поставок сыграло ключевую роль и прослужило «спасательным кругом» для экономики Мексики, которая оказалась перед угрозой снижения кредитного рейтинга и впадения в глубокую рецессию.

Согласно расчетам мексиканского исследователя Джоэля Васкеса Переса, поступления за счет хеджирования нефтяных цен в 2020 г. (150 млрд песо) позволили компенсировать 77% потерь федерального правительства от обвала мировых нефтяных котировок и 36% общих потерь страны от ценового кризиса, с учетом снижения доходов нефтяной компании Pemex (см. таблицу).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на всем периоде действия программ хеджирования их экономический эффект был не столь ошеломительным. За период с 2001 по 2017 г. Мексика заработала на нефтяных пут-опционах 2,4 млрд долл.: ее прибыль в периоды низких цен на нефть составила 14,1 млрд долл., а расходы на покупку опционов у банков и брокеров — 11,7 млрд долл. [5]. Кроме того, нефтяные кризисы последних лет приводят к общему ухудшению условий хеджирования ценовых рисков и усложняют переговоры с банками Уолл-Стрит и крупными нефтяными

компаниями. Это уже привело к повышению цены опционов, которые Мексика покупает для защиты доходов от экспорта нефти в 2021 г.⁶

«Волатильность в 2020 г. была огромной, — отмечает бывший сотрудник Министерства финансов, а ныне преподаватель экономики в Университете Тес в Монтеррее Рауль Гонсалес, — но хеджирование, я думаю, необходимо. Оно порождает определенность перед лицом проблем государственных и бюджетных финансов. Оно очень дорого, но приносит прибыль, хеджирование предотвращает потерю объема инвестиций, обеспечивая платежеспособность».

Тем не менее представители банковских кругов и официальные лица сообщили Reuters, что они ожидают сокращения объемов покрытия сделок путем хеджирования из-за высокой стоимости опционов, которые Мексика купила в прошлом году [6].

В целом программа хеджирования является секретной, ее детали правительством Мексики не обнародуются. Но как выяснило агентство Reuters путем официальных запросов правительственной информации на основе закона о прозрачности, обычно транзакции по хеджированию совершаются траншами и охватывают только отдельные части года [7].

В феврале 2021 г. было объявлено об изменениях в системе мексиканского нефтяного хеджирования, что позволило пролить свет на ее детали. Как заявил министр финансов Мексики Артуро Эррера, ранее Мексика покупала страховку у крупных банков и нефтетрейдеров (в числе которых банк Goldman Sachs у нефтяная корпорация Royal Dutch Shell) в течение относительно короткого периода, с мая по сентябрь, а срок исполнения опционов составлял один год. Теперь же Мексика использует новый подход — приобретение траншей будет более равномерно распределено в течение всего года, а сроки действия страховки могут стать более краткосрочными, т.е. охватывать периоды в том же самом году, в котором заключаются сделки [8]. По сути, Мексика берет на вооружение тактику, используемую многими другими игроками нефтяного рынка (естественно, действующими в гораздо меньших масштабах) — например, некоторыми авиакомпаниями, покупающими

⁶ México busca en Wall Street las cotizaciones de coberturas petroleras del 2021. URL: <https://www.eleconomista.com.mx/economia/Mexico-busca-en-Wall-Street-las-cotizaciones-de-coberturas-petroleras-2021-20200724-0064.html?cd=1&hl=ru&ct=clink&gl=ru>

Таблица / Table

**Ожидаемые и реальные доходы Мексики от нефтяного экспорта в 2020 г. /
Mexico's expected and real income from oil exports in 2020**

Вид доходов	Ожидаемый доход, млрд песо	Фактический доход, млрд песо	Падение, %
Общие нефтяные доходы	987,3	572,6	-42
Доходы федерального правительства	412,8	217,1	-47
Доходы Pemex	574,5	355,5	-38

Источник / Source: расчеты Centro de Investigación Económica y Presupuestaria, A.C. по данным Fondo de Estabilización de los Ingresos Presupuestarios (FEIP) [4] / Calculations of Centro de Investigación Económica y Presupuestaria, A.C. по данным Fondo de Estabilización de los Ingresos Presupuestarios (FEIP) [4].

авиатопливо, или американскими производителями сланцевой нефти.

Изменение подхода мексиканского правительства к хеджированию вполне закономерно. Как отметил в своем интервью Артуро Эррера, тем самым Мексика стремится стать «менее заметной» на нефтяном рынке, оказывать на него меньшее давление. Действительно, есть основания утверждать, что сама по себе мексиканская система хеджирования является одной из скрытых пружин мирового нефтяного рынка и, возможно, не менее значимой, чем различные соглашения стран-экспортеров об ограничении добычи. Мексиканский хедж является базовым ориентиром для мировых торгов нефтяными фьючерсами, его срыв грозит обвалом (бесконтрольная турбулентность) всего фондового рынка.

Анализ, проведенный нефтетрейдером Алексеем Букиным, показывает, что периоды реализации программ хеджирования мексиканской нефти совпадают с локальными обвалами нефтяных котировок на глобальном рынке. Это можно объяснить тем, что финансовые контрагенты мексиканского Минфина — своп-дилеры, включая ряд ведущих мировых нефтегазовых корпораций и крупнейших банков, контрхеджируют собственные риски, вызывая тем самым подвижки на рынках.

А. Букин приводит конкретные периоды падения котировок и констатирует: «Не сомневайтесь, все эти падения в первую голову сотворили мексиканцы, все остальные факторы накладывались, но были вторичными, проверено... По традиции эти мероприятия проводятся под “прикрытием” разных посторонних событий — выход данных по запасам в США, решения конференций ОПЕК, какая-нибудь важная экономическая статистика. Часто цены падают как бы невпопад, но же-

лающих найти какое-нибудь объяснение всегда находится»⁷.

По сути, мексиканский министр финансов Артуро Эррера косвенно подтверждает мнение российского нефтетрейдера и признает, что ранее Мексика «пускала волны» на мировом рынке и новая стратегия хеджирования, которую провозгласило правительство страны, позволит сгладить эти колебания. Но надо понимать, что Мексика заботится здесь не столько о стабильности мирового рынка, сколько о своих финансовых интересах.

Ведь ранее, несмотря на всю секретность, информация о закупке очередного транша пут-опционов все равно проникала на рынок и ею пользовались хедж-фонды и другие финансовые структуры. Они стремились купить опционы раньше правительства Мексики, тем самым накручивая их цену и выигрывая на разнице между покупкой и продажей данного финансового инструмента. Теперь же такая возможность будет минимизирована.

Надо отметить, что хотя сегодня хеджирование нефтяных котировок — прерогатива исключительно Мексики, аналогичный опыт есть и у других стран. В частности, хеджирование применялось в Техасе в 1990-х гг., но завершилось в 2000 г. по мере диверсификации экономики штата. Свои риски хеджируют также многие производители американской сланцевой нефти.

Данным инструментом на государственном уровне заинтересовались и страны ОПЕК: Катар, Ангола и Ирак. Даже Саудовская Аравия уже торгует нефтяными деривативами через свою торговую компанию, хотя такие сделки еще не получили статуса стратегических.

⁷ URL: <https://t.me/energymarkets>

Экономический эффект механизма хеджирования, продемонстрированный на примере Мексики, позволяет поставить вопрос об использовании данного механизма в российской практике. В июле 2020 г. глава «Роснефти» Игорь Сечин выступил с предложением разработать государственную программу хеджирования нефтегазовых доходов страны от резких ценовых колебаний по аналогии с мексиканским механизмом покупки пут-опционов⁸. В качестве планки для хеджирования предлагалось установить цену отсечения, определяемую в соответствии с бюджетным правилом⁹.

Помощник президента РФ, бывший министр экономического развития РФ Максим Орешкин, поддержал идею и рекомендовал поручить правительству представить предложения по возможным параметрам хеджирования. Первый вице-премьер Андрей Белоусов во исполнение указания Владимира Путина поручил профильным министерствам проработать данный вопрос.

В письме Максима Орешкина президенту были представлены эффекты от внедрения системы хеджирования, рассчитанные на основе мексиканской схемы. Отмечалось, что если бы Россия хеджировала свои нефтегазовые доходы на «мексиканских» условиях (т.е. на уровне 55 долл./барр. на 2019 г.; 49 долл./барр. на 2020 г.), то на хеджирование страна потратила бы в 2019 г. 256 млрд руб., а в 2020 г. — 305 млрд. Это составляет, соответственно, 6 и 10,3% от нефтегазовых доходов, поступивших в Фонд национального благосостояния после цены отсечения (4,3 и 3 трлн руб.). Однако только за первую половину 2020 г. выигрыш бюджета составил бы 1,4 трлн руб.

Если же считать результаты возможного хеджирования Россией нефтегазового экспорта начиная с 2015 по 2019 г., то положительный эффект для бюджета составил бы 982 млрд руб. при расчете страйк-цен пут-опционов по мексиканской схеме и 2 трлн 964 млрд руб. при страйках на основе цен, близких к фактическим ценам на момент заключения контракта. С учетом расчетов Орешкина по 2020 г., эти суммы равнялись бы 2 трлн 382 млрд и 4 трлн 364 млрд руб. соответственно.

⁸ В РФ задумались о хеджировании нефтегазовых доходов путем покупки пут-опционов на деньги ФНБ. URL: <https://www.interfax.ru/business/718517>

⁹ Пояснительная записка к Федеральному закону от 29.07.2017 № 262-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части использования нефтегазовых доходов федерального бюджета». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/204637-7>

На основе расчетов специалистов Максим Орешкин сделал вывод о том, что при хеджировании ФНБ России не пришлось бы продавать валютные запасы для поддержания курса рубля. Прибыль от пут-опционов с лихвой покрыла бы все затраты ЦБ и Минфина на эти цели.

Однако против предложения Игоря Сечина и Максима Орешкина в публичном поле выступил Центробанк в лице его главы Эльвиры Набиуллиной. «Мы пока не видели точных предложений на эту тему, но если говорить о том, чтобы нам копировать мексиканский опыт, — мы не поддерживаем такое предложение... Надо учитывать, что все-таки объемы добычи нефти и экспорт нефти в Мексике многократно меньше российских», — заявила Э. Набиуллина¹⁰.

Необходимо отметить, что Министерство финансов РФ еще в 2016 г. планировало использовать опыт Мексики при хеджировании нефтяных цен через заключение специальных форвардных сделок¹¹, однако до настоящего времени данные работы начаты не были. Это можно объяснить целым комплексом причин.

Во-первых, принятое в России бюджетное правило создало достаточно надежный механизм защиты бюджетных доходов от колебаний нефтяных цен. Риски потерь бюджета в результате обвала нефтяных котировок сведены к минимуму. По итогам 2020 г., в результате пандемии коронавирусной инфекции и снижения мирового спроса на углеводородное сырье, цены на нефть марки Urals оказались рекордно низкими за последние 16 лет — 41,73 долл./барр.¹² При этом цена отсечения, согласно бюджетному правилу, была ненамного выше — 42,4 долл./барр. То есть даже в условиях жесточайшего ценового кризиса потери бюджета по сравнению с расчетной суммой составили лишь 0,67 долл./барр. В этих условиях хеджирование по цене отсечения не имело бы смысла. А хеджирование по цене выше цены отсечения приводило бы к наращиванию Фонда национального благосостояния, а не к пополнению бюджета Российской Федерации.

¹⁰ Набиуллина не поддержала хеджирование нефтегазовых доходов. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/07/24/835323-nabiullina-ne-podderzhala-hedzhirovanie-neftegazovih-dohodov>

¹¹ Минфин РФ в 2016 году создаст инструмент хеджирования рисков бюджета от падения нефтяных цен. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=34362-rukovodstvo_minfina_rossii_na_zasedanii_kollegii_o_zadachakh_na_2016_god

¹² Средняя цена нефти Urals за 2020 год снизилась на 34,4%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10404387>

Во-вторых, главным механизмом поддержки нефтяной отрасли России в условиях глобальных кризисов оставалось ослабление курса национальной валюты, что приводило к сокращению издержек нефтяных компаний, выраженных в долларовом эквиваленте (при сохранении долларовых поступлений от экспорта). Это позволяло основным игрокам нефтегазового комплекса минимизировать риски потери финансовой устойчивости на фоне обвала глобальных нефтяных котировок.

Таким образом, в российских условиях механизм хеджирования является важным потенциальным источником дополнительных финансовых поступлений для бюджета страны и нефтяных компаний, но его роль не может рассматриваться как критически важная. Однако данный механизм имеет большое значение для реализации целей международной энергетической политики России.

Внедрение системы хеджирования позволяет решить важнейшие задачи в сфере международной энергетической политики и шире — в геополитическом масштабе. Прежде всего, хеджирование предоставит России возможность более широкого маневра при формировании будущей конфигурации глобального нефтяного рынка, в частности — усилит переговорные позиции страны в рамках соглашения ОПЕК+.

События последних лет продемонстрировали, что сильная зависимость бюджета России от нефтегазовых доходов на фоне отсутствия системы хеджирования нефтяных цен сужает возможности страны при выработке собственного суверенного курса энергетической политики, делает ее зависимой от агрессивных шагов, предпринимаемых другими крупнейшими игроками нефтяного рынка.

В 2020 г. Саудовская Аравия, по сути, развязала «нефтяную войну» против России и других стран-экспортеров. Якобы стараясь убрать излишки предложения с нефтяного рынка, она де-факто начала «выкручивать руки» Москве, навязывая России невыгодные для нее условия обновленной сделки ОПЕК+. В марте 2020 г. Саудовская Аравия предложила партнерам по сделке ОПЕК+ дополнительно сократить добычу более чем на 1 млн барр. в сутки, хотя ранее технический комитет ОПЕК+ рекомендовал уменьшить добычу во втором квартале 2020 г. на объем от 600 тыс. до 1 млн барр. в сутки [9].

Для России подобное сокращение добычи было чревато как экономическими, так и технологическими рисками. Финансовые потери от резкого уменьшения объемов производства сырья могут

быть не скомпенсированы за счет потенциального роста стоимости барреля. А остановка ряда добычных скважин может привести к потере нефти в пластах месторождений.

Официальный Эр-Рияд, стремясь вынудить Россию к принятию условий сделки, прибегнул к откровенному шантажу. Национальная нефтедобывающая компания Saudi Aramco предложила покупателям своего сырья самые большие скидки за последние 20 лет, а также пообещала нарастить добычу нефти более чем на 2 млн барр. в сутки [10].

Россия, не имеющая системы хеджирования своих экспортных нефтяных поставок, оказалась не готова к длительной «ценовой войне» с Саудовской Аравией и была вынуждена принять обновленные условия соглашения об ограничении добычи, получившие в СМИ и экспертной среде наименование ОПЕК++ или ОПЕК+ 2.0.

В соответствии с заключенным соглашением страны — участницы ОПЕК+ обязались сократить добычу совокупно на 9,7 млн барр. в сутки. Базовым уровнем был принят объем добычи в 2018 г., но для России и Саудовской Аравии он был установлен в размере 11 млн барр. в сутки. К тому моменту добыча России действительно достигала данного уровня, тогда как Саудовская Аравия, пользуясь непрозрачностью национальной системы учета нефтяного производства, пошла на завышение объемов собственной добычи. Саудовская Аравия увеличила поставки нефти на мировой рынок из собственных нефтехранилищ, декларируя эти дополнительные объемы как прирост добычи. Иными словами, если Россия, исходя из условий обновленного соглашения ОПЕК+, вынуждена была сокращать реальную физическую добычу, то Саудовская Аравия делала это лишь формально, виртуально, «на бумаге».

Таким образом, Россия понесла наибольшие потери в результате принятия соглашения ОПЕК+ 2.0. Если бы у РФ на тот момент имелась система хеджирования нефтяных цен, то она могла бы занимать гораздо более жесткую позицию на переговорах со странами ОПЕК или же вовсе не участвовать в данных переговорах.

Таким образом, хеджирование создает для страны дополнительную «подушку безопасности», позволяющую смягчить «финансовый удар» в результате агрессивного поведения ряда игроков, манипулирующих рынком, ценой нефти и объемами ее поставок (в том числе из нефтехранилищ, в нарушение собственных обязательств). В резуль-

тате ценовой демпинг против страны, хеджирующей свой экспорт, оказывается бесполезным.

В данном случае показательно поведение Мексики, в отличие от России имеющей систему хеджирования. Соглашение ОПЕК+ 2.0 образца апреля 2020 г. должно было вступить в силу только при согласии Мексики. Ее квота сокращения добычи составляла 400 тыс. барр. в сутки, а далее должна была уменьшиться до 320 тыс. барр. в сутки. Однако на следующий день после достижения консенсуса в рамках ОПЕК+ президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор заявил, что по итогам разговора с президентом США Дональдом Трампом Мексика согласовала с ОПЕК+ и США сокращение нефтедобычи только на 100 тыс. барр. в сутки. То есть страна отказалась от своих обязательств уже на следующий день после их принятия. При этом, по словам Лопеса Обрадора, США были готовы взять на себя обязательства по снижению добычи в 250 тыс. барр. в сутки [11].

Такой маневр Мексики выглядит вполне закономерным. Хеджирование обеспечивает независимость нефтяной политики страны. Мексика отказалась принять на себя повышенные обязательства в рамках соглашения ОПЕК+, так как ее экспорт защищен, т.е. уже законтрактован по ценам выше 40–50 долл./барр. (на уровне, к которому альянс ОПЕК+ только стремился).

Страны ОПЕК+ несколько дней уговаривали Мексику присоединиться к соглашению в полном объеме. В результате вечером 12 апреля 2020 г. было созвано внеочередное заседание ОПЕК+, в результате которого Мексике предоставили право снизить добычу нефти лишь на 100 тыс. барр. в сутки [12].

США, как заявил журналистам министр нефти Ирана Бижан Зангане, пообещали взять на себя оставшуюся часть квоты Мексики, т.е. 300 тыс. барр. в сутки. Однако Дональд Трамп, отвечая на вопрос, снизит ли Вашингтон добычу за Мексику, сказал, что США уже сократили добычу под давлением ситуации на рынке. То есть уже произошедшее ранее вынужденное падение нефтяного производства Вашингтон сам себе зачел как добровольное снижение добычи вместо Мексики¹³.

Почему США оказали явную политическую поддержку Мексике в данном вопросе? Во-первых, вашингтонская администрация в принципе была

заинтересована в заключении сделки ОПЕК+ 2.0. С одной стороны, Вашингтон требовал от ОПЕК «справедливых» (т.е. относительно низких) цен на нефть, и именно ОПЕК являлась традиционным объектом так называемой «твиттерной дипломатии» Дональда Трампа. И срыв сделки ОПЕК+ вроде бы отвечал целям этой политики, так как мог привести к обвалу нефтяных котировок. С другой стороны, Дональду Трампу было необходимо высвободить нишу на мировом рынке для американской сланцевой нефти и одновременно добиться для нее приемлемых цен. Это было необходимо ради поддержания добычи на сланцевых месторождениях и сохранения рабочих мест в отрасли, которая традиционно считалась одной из электоральных опор Дональда Трампа. На фоне приближавшихся президентских выборов в США это было очень важно. В связи с этим Вашингтон был заинтересован в возобновлении сделки ОПЕК+ и, как следствие, стабилизации нефтяных цен на достаточно высоком уровне. Поэтому США не могли допустить, чтобы сделка сорвалась из-за действий их ближайшего союзника — Мексики.

Во-вторых, сыграл фактор все того же хеджирования. Ведь Мексика покупает пут-опционы у пятерки ведущих инвестиционных банков США, и отказ от добычи захеджированной (т.е. уже проданной по фиксированной цене) нефти равен отказу от сделки. Соответственно, это был определенный удар по финансовой системе США.

Таким образом, пример Мексики показывает, что внедрение системы хеджирования обеспечивает возможность проведения независимой энергетической политики, а также создание новых международных политико-энергетических альянсов с привлечением стран, компаний и финансовых институтов, заинтересованных в участии в операциях хеджирования.

В этой связи внедрение Россией системы хеджирования нефтяных котировок на основе европейских опционов позволило бы обеспечить дополнительную связность с банковской системой Европейского союза. Россия смогла бы выступать покупателем контракта, а европейские банки — продавцами (поскольку Европа является основным импортером российской нефти). Учитывая процесс географической диверсификации российского нефтяного экспорта, к хеджированию могли бы в перспективе подключиться и азиатские банки.

Сегодня цены на нефть формируются на фьючерсных рынках, где доля физической нефти, т.е. поставочных контрактов, составляет от 5 до 10%.

¹³ Метания Мексики не испортили России, Саудовской Аравии и США сделку «ОПЕК+2.0». URL: <https://www.interfax.ru/business/703872> (дата обращения 09.07.2021).

Остальной объем составляет так называемая «бумажная нефть», т.е. спекулятивные производные финансовые инструменты. Их котировки зависят от политики Федеральной резервной системы США, регулирующей объемы долларовой массы на спекулятивных рынках, и в первую очередь на нефтяном. На примере Мексики мы видим, что механизмы хеджирования могут достаточно существенно влиять на поведение этого «бумажного рынка» и, как следствие, — на цены реальных поставок, физической нефти. Если систему хеджирования возьмет на вооружение такой крупный нефтеэкспортер, как Россия, то это сразу же изменит расклад сил и на рынке «бумажной нефти». Иными словами, хеджирование — это один из механизмов выполнения задачи дедолларизации мировой торговли энергоресурсами, формирования системы международных расчетов, не привязанных к американской валюте.

Кроме того, хеджирование дает гарантии сбыта законтрактованной нефти, т.е. сохраняет за страной-экспортером ее ниши на рынках. Это особенно важно на фоне разгоревшихся в последнее время скрытых торговых войн в нефтяной сфере. Так, в первой половине 2020 г. Саудовская Аравия в качестве инструмента «нефтяного шантажа» против России использовала наращивание поставок нефти из своих хранилищ как в Европу, так и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). При этом она сознательно снижала цены своих нефтяных контрактов для азиатских потребителей. А США, которые обещали поддержать соглашение ОПЕК+ путем сокращения собственной добычи, после подписания сделки, наоборот, начали активно осваивать высвобождающиеся ниши в АТР. Так, за 11 месяцев 2020 г. поставки в АТР составили 399,1 млн барр., что на 2,8% больше, чем за полный 2019 г. (388,4 млн барр.) и на 45,3% — чем за 2018 г. (274,6 млн барр.) [13].

Такая активная экспансия американских углеводородов на рынок КНР вполне закономерна.

«Ключевая же задача США — повысить экспорт нефти в Китай. И решить ее помогает второй политический инструмент — торговые войны. Прежде всего с тем же Пекином. Не удивительно, что углеводороды сразу же стали важной их частью. США, по сути, агрессивно предлагали покупать именно их нефть и газ. В январе 2020 г. США под угрозой торговой войны вынудили Китай заключить торговую сделку. По ее условиям Китай должен нарастить объем закупок в обмен на отказ Вашингтона от введения пошлин. Китай пообещал существенно — на 200 млрд долл. — нарастить импорт из США в ближайшие два года по сравнению с уровнем 2017 г. И эта сделка в первую очередь предусматривает рост импорта энергоносителей на сумму порядка 50 млрд долл. за два года. Отказ от закупок, соответственно, может привести к развалу торговой сделки и резкому ограничению поставок товаров из Китая в США», — отмечает генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности, профессор Финансового университета при Правительстве РФ Константин Симонов [1].

Система же хеджирования де-факто закрепляет не только цены, но и объемы поставок на наиболее интересные для продавца рынки. И использование данной системы позволило бы России более эффективно противостоять энергетической экспансии США в АТР.

Таким образом, внедрение системы хеджирования нефтяных цен позволяет решить комплекс экономических и политических задач: снизить риски возникновения бюджетного дефицита в случае падения мировых нефтяных котировок, расширить возможности реализации целей энергетической дипломатии страны, сформировать новые политико-экономические альянсы, способствовать дедолларизации мировой торговли энергоресурсами, укрепить позиции России на перспективных рынках энергоресурсов стран АТР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Симонов К.В. От «ресурсного национализма» к «молекулам свободы» и «зеленой» революции. *Энергетическая политика*. 2020;(8):24–35.
Simonov K.V. From “resource nationalism” to “molecules of freedom” and “green” revolution. *Energeticheskaya politika = Energy policy*. 2020;(8):24–35. (In Russ.).
2. Blas J., Stillman A. The Secret Weapon Giving Mexico Power in the Oil-Price. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-11/the-secret-weapon-that-gives-mexico-power-in-the-oil-price-war?srnd=premium-europe&sref=Y 0jVLcFo>
3. Morales A., Villa y Caña P. Hacienda recibirá 150 mil mdp por coberturas petroleras: AMLO. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/nacion/hacienda-recibira-150-mil-mdp-por-coberturas-petroleras-amlo>

4. Tonatiuh J., Perez V. El papel de las coberturas petroleras en las finanzas públicas ante la caída de los precios del petróleo. URL: <https://ciep.mx/2YbS>
5. Старостина Ю., Ткачев И., Фадеева А. Власти проработают идею «мексиканской страховки» от падения цен на нефть. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2020/5f1877069a7947f82116a223>
Starostina Y., Tkachev I., Fadeeva A. The authorities will work out the idea of “Mexican insurance” against falling oil prices. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2020/5f1877069a7947f82116a223/> (In Russ.).
6. Kumar D.K., Eschenbacher S. México está por completar cobertura petrolera 2021: fuentes. URL: <https://www.reuters.com/article/petroleo-mexico-cobertura-idLTAKBN 28L2W5>
7. Eschenbacher S., Kumar D.K. Mexico goes ghost as its oil hedge bill spirals. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mexico-oil-hedge-insight-idUSKBN 1ZM1JJ>
8. Cattán N., Blas J. México cambia su estrategia de coberturas petroleras: Herrera. RL: <https://www.elfinanciero.com.mx/economia/mexico-cambia-su-estrategia-de-coberturas-petroleras-herrera>
9. Таиров Р. Саудовская Аравия предложила снизить добычу нефти более чем на 1 млн баррелей в сутки. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/394327-saudovskaya-araviya-predlozhila-snizit-dobychu-nefti-boleechem-na-1-mln>
Tairov R. Saudi Arabia has proposed to reduce oil production by more than 1 million barrels per day. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/394327-saudovskaya-araviya-predlozhila-snizit-dobychu-nefti-boleechem-na-1-mln>. (In Russ.).
10. Злобин А. Саудовская Аравия начала ценовую войну в ответ на срыв нефтяной сделки с Россией. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/394563-saudovskaya-araviya-nachala-cenovuyu-voynu-v-otvet-na-sryv-neftyanoy-sdelki-s>
Zlobin A. Saudi Arabia started a price war in response to the failure of the oil deal with Russia. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/394563-saudovskaya-araviya-nachala-cenovuyu-voynu-v-otvet-na-sryv-neftyanoy-sdelki-s>. (In Russ.).
11. López Pérez E. Acordé con Trump que EU reducirá 250 mil barriles por nosotros en acuerdo con OPEP+: AMLO. URL: <https://www.elfinanciero.com.mx/economia/hable-por-telefono-por-trump-para-acordar-recorte-de-100-mil-barriles-de-produccion-de-petroleo-amlo>
12. Morales A., Villa y Caña P. Tras intervención de EU, México acuerda con OPEP reducir en 100 mil barriles diarios su producción URL: <https://www.eluniversal.com.mx/nacion/amlo-mexico-acuerda-con-opec-reducir-en-100-mil-barriles-de-petroleo>
13. Крутаков Л. Незаметный передел нефтяного рынка: что стоит за сделкой ОПЕК+. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/415671-nezametnyy-peredel-neftyanogo-rynka-chto-stoit-za-sdelkoy-opek>
Krutakov L. Imperceptible redistribution of the oil market: what is behind the OPEC + deal. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/415671-nezametnyy-peredel-neftyanogo-rynka-chto-stoit-za-sdelkoy-opek>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валерий Валентинович Андрианов — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
vvandrianov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valerii V. Andrianov — Candidate of Political Sciences, Docent, Financial University, Moscow, Russia
vvandrianov@fa.ru

Статья поступила 27.07.2021; принята к публикации 20.08.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.07.2021; accepted for publication on 20.08.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-133-138
УДК 32(045)

Стратегия энергетической политики США как инструмент борьбы республиканцев и демократов в предвыборной гонке

Л.В. Жукова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0785-854X>

АННОТАЦИЯ

В статье автор анализирует причины массовых отключений электроэнергии в американском штате Техас и последующее за ними изменение во взглядах населения на энергетическую политику страны. Реальное отключение электроэнергии, вызванное холодной погодой в южном штате, является причиной того, что республиканцы Техаса больше других представителей партии по всей стране поддерживают конкретные меры климатической повестки. Между тем, по мнению автора, и для демократов, и для республиканцев существует огромная возможность использования незапланированных блэкаутов в политической борьбе, поскольку ветряные электростанции, поддерживаемые демократическим курсом Байдена, виноваты в веерных отключениях так же, как и предпочтительное для республиканцев ископаемое топливо.

Ключевые слова: США; демократы; республиканцы; Техас; климатическая политика; ВИЭ; блэкаут; веерные отключения; электроэнергия; ПГУ; ВЭС; энергоэффективность; сланцевый газ

Для цитирования: Жукова Л.В. Стратегия энергетической политики США как инструмент борьбы республиканцев и демократов в предвыборной гонке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):133-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-133-138

ORIGINAL PAPER

The US Energy Policy Strategy as an Instrument for the Struggle Between Republicans and Democrats in the Election Race

L.V. Zhukova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0785-854X>

ABSTRACT

In this article, the author analysed the cause of massive rolling blackouts in the USA, Texas and followed the change of people's opinions regarding the country's energy policy. The results show that extreme freezing temperatures had a more significant impact on Texas Republicans in comparison with the Democrats and Grand Old Party (GOP) average. Meeting with the reality of power outages caused by cold weather in Southern State is the reason why Texas Republicans are far more supportive of specific climate policies than most other Republicans. Meanwhile, according to the author, both Parties have tremendous opportunities to use unplanned blackouts in the political struggle because, supported by Biden's Democratic Program, wind farms are guilty and Republican's fossil fuels.

Keywords: USA; Democrats; Republicans; Texas; climate policy; renewables; rolling blackouts; power outages; electricity; CCGT; wind farm; energy efficiency; shale gas

For citation: Zhukova L.V. The US energy policy strategy as an instrument for the struggle between republicans and democrats in the election race. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):133-138. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-133-138

Данное исследование, проведенное на основе опроса компании Morning Consult¹, показало, что принадлежность к конкретной политической партии является наиболее важным фактором в отношении того, считают ли американцы изменение климата важной проблемой. Так, за принятие федерального законодательства в отношении климата демократов выступает на 40% больше, чем республиканцев (рис. 1).

Существует также небольшая разница во взглядах на эту проблему у представителей разных поколений, полов и рас; при этом она гораздо меньше связана с уровнем образования. Однако наиболее интересна разница между позициями касательно климата у республиканцев и демократов Техаса: так, демократов, поддерживающих принятие соответствующего федерального законодательства, здесь на 31% больше, чем республиканцев. Выделяющиеся на общем фоне результаты по штату связаны с тем, что данный опрос проводился сразу после природного катаклизма в конце февраля 2021 г., когда на юг пришли небывалые для этого места морозы (рис. 2).

Также по-прежнему сохраняется различие во взглядах республиканцев и демократов относительно использования ветровой и солнечной генерации: первые традиционно поддерживают его гораздо меньше. Между тем, большее количество техасских республиканцев одобряют сопутствующие ВИЭ-генерации меры, а именно: увеличение установок по хранению энергии, самым распространенным примером чего являются батареи. Сравнив структуру выработки электроэнергии по типу топлива за 2020 г., обнаруживаем, что всего по стране на ВИЭ, в число которых в основном входят ветровые и солнечные установки (преимущественно большого масштаба без учета небольших панелей на частных домах), а также классические ГЭС, приходится около 20% (рис. 3 и 4).

В то же время, несмотря на жесткую республиканскую ориентацию штата Техас, доля ВИЭ в общей структуре электрогенерации здесь уже превысила 33%, а в рамках демократической программы Байдена к 2025 г. она может вырасти до 47% — т.е. практически сравнится с ископаемым топливом: ожидается, что на газ и уголь к этому моменту будет приходиться 49% (рис. 5). При этом основу составляют ветровые установ-

ки, генерирующие уже более 27% электричества в Техасе против 9% по стране в целом (рис. 4 и 6).

Отметим, что именно с ветряков еще 10 февраля началась череда веерных отключений, когда температура в штате впервые опустилась ниже 30-летней нормы, хотя установки ископаемого топлива работали в штатном режиме (см. рис. 2). В самый холодный день, 15 февраля, генерация на ВЭС снизилась на 25% относительно 13 февраля, когда температура была около 0 °С, а с 13 по 17 февраля выработка электроэнергии на ветряках и вовсе упала на 37%, что гораздо больше, чем аналогичные показатели для других видов топлива (рис. 7).

С другой стороны, массовые отключения происходили, когда начались проблемы с добычей газа. На газовые станции и теплоцентрали в Техасе приходится более половины генерации всего электричества в стране в целом, поскольку, в отличие от других, этот штат самостоятельно обеспечивает себя топливом (в основном благодаря попутному газу Пермского нефтегазового бассейна). Однако минусовые температуры серьезно ударили и по добыче газа, в результате чего она сократилась в морозный период более, чем наполовину, а цены на «голубое топливо» выросли в несколько раз, превышая 217 долл./млн БТЕ на местном хабе Waha. Дефицит газа вкупе с замерзшими ВЭС привел к массовым веерным отключениям, которые длились пять дней. В результате чего миллионы техасцев переживали минусовые температуры без доступа к электричеству, воде или теплу. Эта неделя стала самой дорогой в истории рынка электроэнергии США, поскольку цены на нее в режиме реального времени достигали 9 тыс. долл. за МВт-ч. (рис. 8). Причем цены стали снижаться не сразу даже по мере восстановления ветровой энергии, поскольку ископаемой генерации на газе и угле потребовалось еще некоторое время для обратной интеграции в сеть. Интересен и тот факт, что отогревали ветряки также не слишком «зелеными» способами: лопасти поливались реагентами с вертолетов.

Исходя из вышеприведенного анализа, можно заключить, что в техасском энергетическом катаклизме нужно обвинять не консервативное ископаемое топливо, поддерживаемое в большей степени республиканцами, или, напротив, «зеленую» генерацию демократов, а, прежде всего, власти штата, не предусмотревшие защиту энергосистемы от экстремальных условий внешней

¹ Morning Consult. URL: <https://morningconsult.com/>

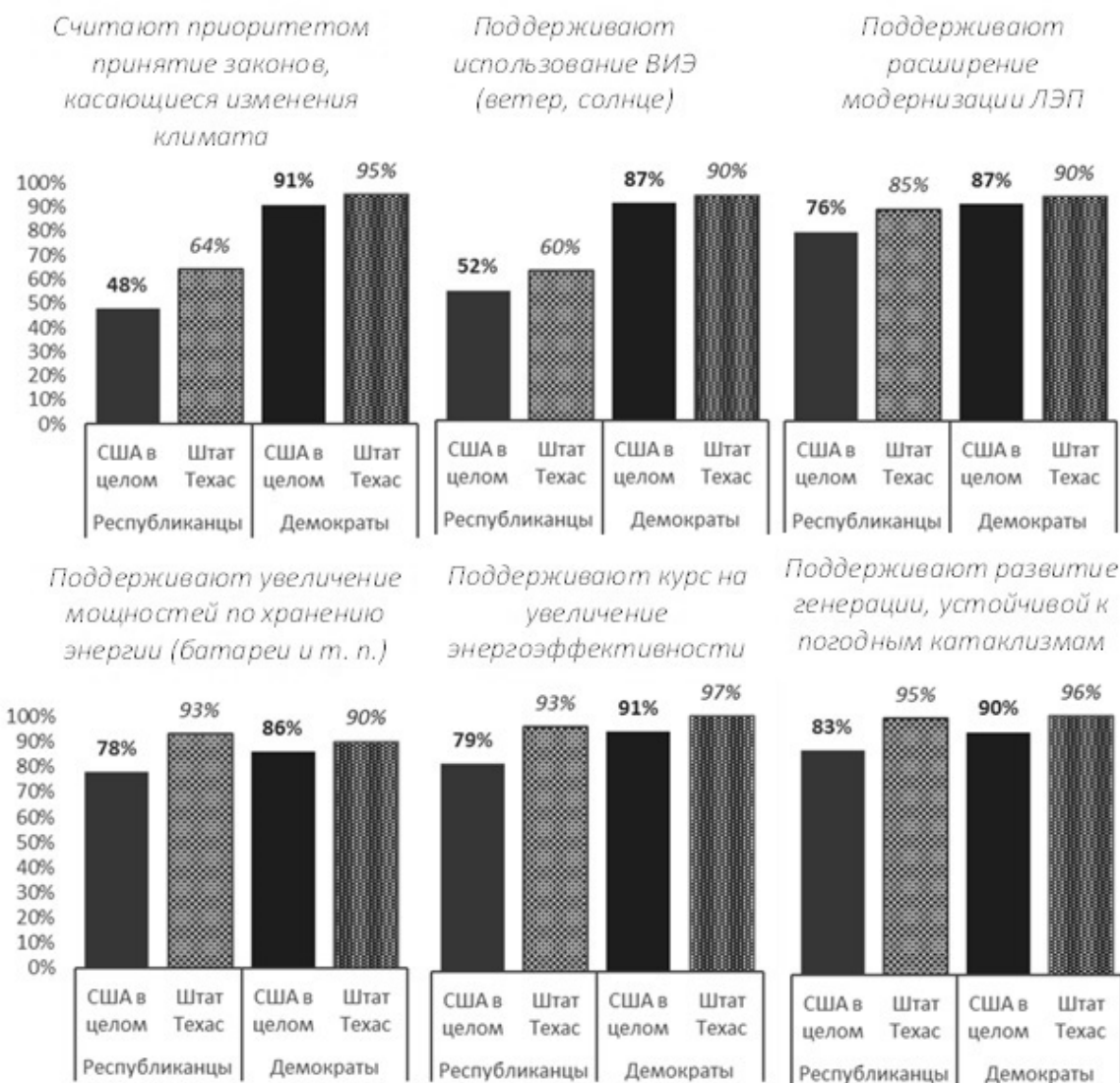

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение результатов опросов по основным пунктам климатической политики США демократов и республиканцев в среднем по стране и в штате Техас / Comparison of the results of the polls on the main points of the climate policy of the USA Democrats and Republicans on average in the country and the state of Texas

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

среды. Наш вывод подтверждают и настроения жителей, что отразилось на рекордных показателях поддержки как республиканцами, так и демократами Техаса развития систем генерации, устойчивой к погодным катаклизмам (см. рис. 1). Более того, в результате столкновения с суровыми погодными реалиями тexasцы поддерживают не абстрактные, а конкретные меры, точно направленные на устранение недочетов системы энергообеспечения не только своего штата, но и США в целом, среди которых: нехватка хранилищ энергии при значительном количестве «зеленых» мощностей, проблемы с интеграцией ВИЭ в распределительную сеть, а также ее моральное

устаревание, которое влияет и на поведение газовой генерации в критических погодных условиях. К примеру, после ледяного шторма обострилась проблема изолированности энергосети Техаса: поскольку регулятор рассчитывал на топливное самообеспечение (даже критические сценарии ERCOT² не содержали подобного исхода), импортировать электричество из соседних штатов, как это делают европейские страны в подобных ситуациях, не было возможности. Все вышеуказанные

² Совет по надежности электроснабжения Техаса / Electric Reliability Council of Texas (ERCOT). URL: <http://www.ercot.com/>

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика фактической средней температуры в штате Техас в сравнении с 30-летней нормой, февраль 2021 г. / Texas Actual Average Temperature Trends vs 30-Year Normal, February 2021

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

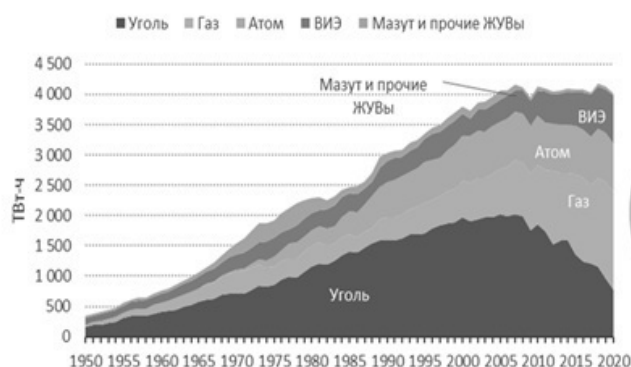

Рис. 3 / Fig. 3. Изменение структуры электрогенерации* в США по типу топлива 1950–2020 гг. / Change in the structure of electricity generation* in the United States by fuel type 1950–2020

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

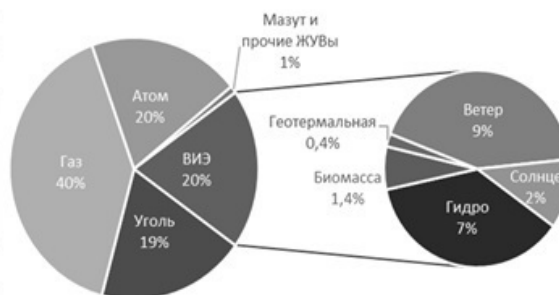

Рис. 4 / Fig. 4. Структура электрогенерации* в США по типу топлива в %, 2020 г. / Structure of electricity generation* in the USA by fuel type, %, 2020

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

* Генерация электричества на установках/станциях мощностью не менее 1 МВт; гидро – классические ГЭС / Generation of electricity at installations/stations with a capacity of at least 1 MW; hydro – classic hydroelectric power plants

факторы говорят о недостаточной энергоэффективности системы, за необходимость увеличения которой теперь выступают 93% республиканцев и практически все демократы Техаса (рекордные 97% опрошенных), в то время как в целом по стране об этом задумываются 79% республиканцев и 91% демократов (см. рис. 1).

Тем не менее относительно приведенного случая нельзя объективно сказать, что виноваты

только ветряки или же вредные для окружающей среды установки на ископаемом топливе. Более актуальными являются вопросы: почему Совет по надежности электроснабжения Техаса (ERCOT) допустил рост цен до такого уровня? кто в итоге должен за это платить? ERCOT продолжал взимать с энергокомпаний «аварийные» цены на несколько дней дольше, чем это было необходимо. В итоге речь идет о 16 млрд долл.

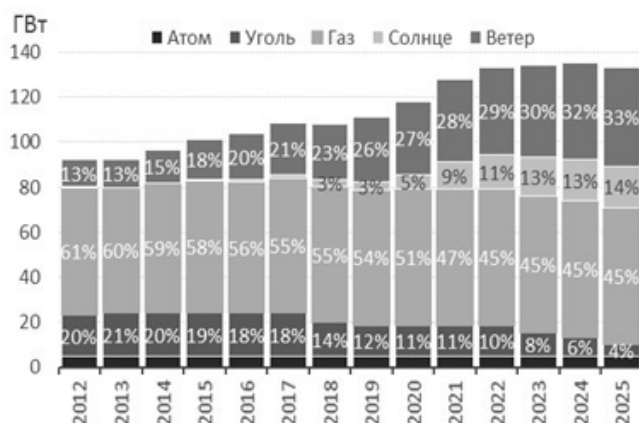

Рис. 5 / Fig. 5. Изменение структуры электрогенерации* в Штате Техас по типу топлива 2012–2020 гг. и прогноз на 2021–2025 гг. / Change in the structure of electricity generation* in the State of Texas by type of fuel 2012–2020 and forecast for 2021–2025

Рис. 6 / Fig. 6. Структура электрогенерации* в Штате Техас по типу топлива в %, 2020 г. / Structure of electricity generation* in the State of Texas by fuel type in %, 2020

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

* Генерация электричества на установках/станциях мощностью не менее 1 МВт; гидро — классические ГЭС / Generation of electricity at installations/stations with a capacity of at least 1 MW; hydro — classic hydroelectric power plants

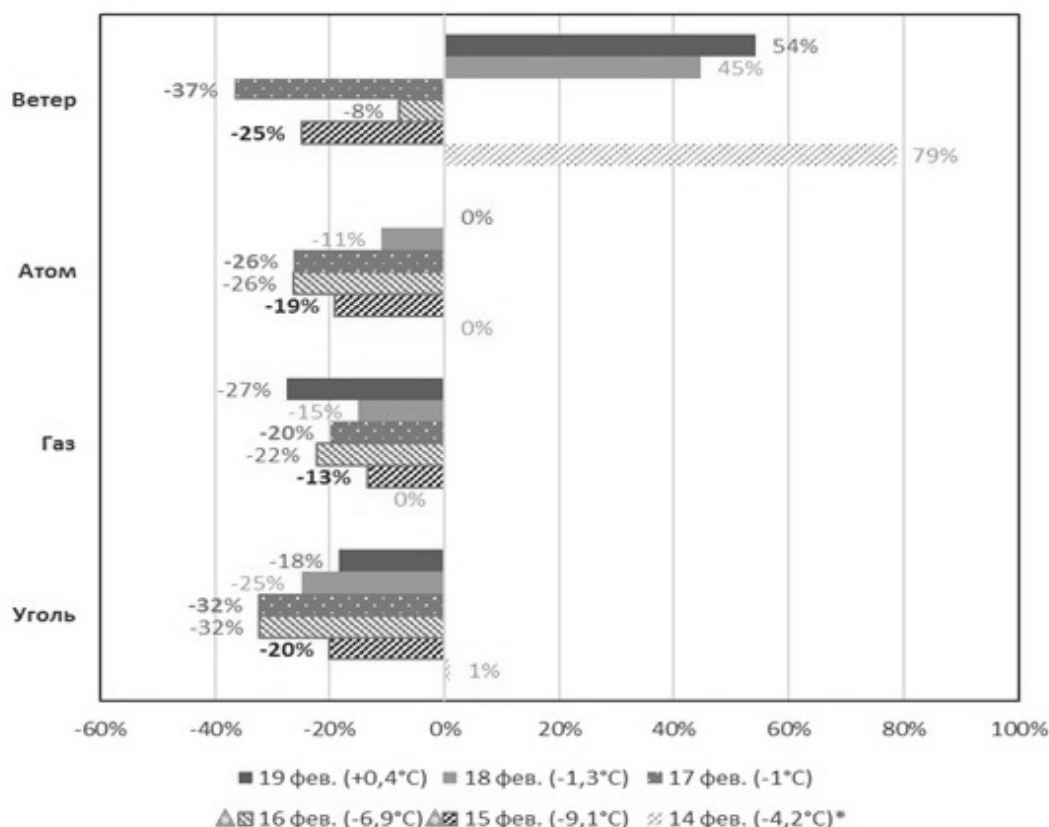

Рис. 7 / Fig. 7. Сравнение изменения электрогенерации в условиях аномальных холодов относительно нормальных температур по типу топлива / Comparison of changes in power generation in conditions of abnormally cold weather relative to normal temperatures by type of fuel

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

* в скобках указана средняя температура по штату.

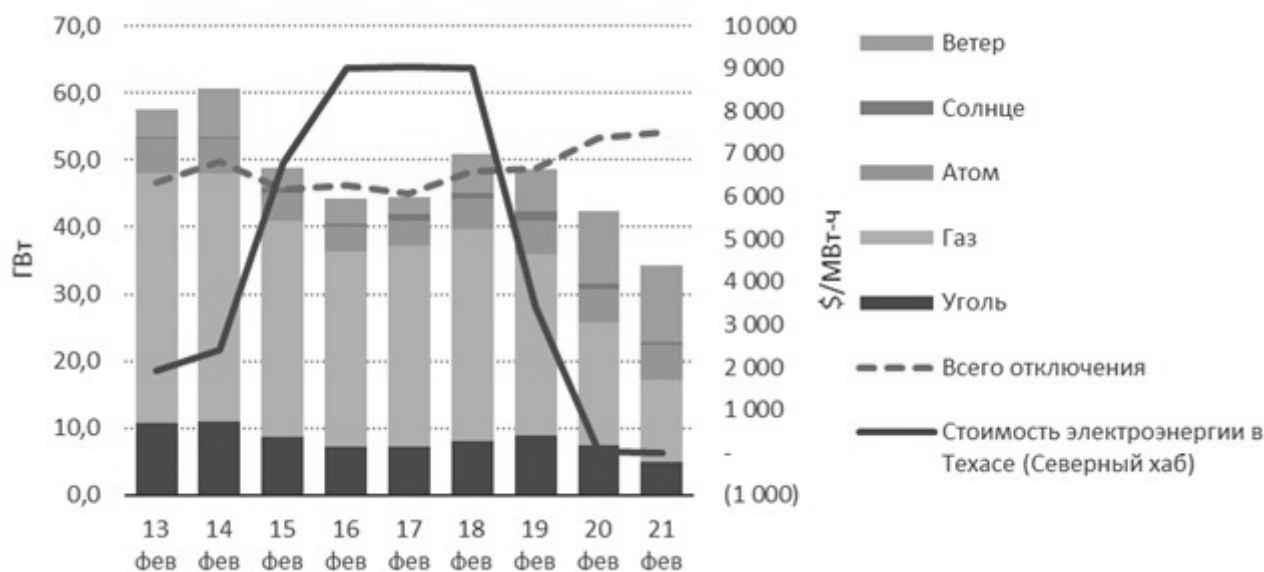

Рис. 8 / Fig. 8. Влияние веерных отключений и динамики электрогенерации по типу топлива в штате Техас на стоимость электроэнергии в реальном времени в период холодов (фев. 21 г.) / Impact of rolling blackouts and power generation dynamics by fuel type in Texas on real-time electricity costs during cold weather (Feb 21)

Источник / Source: составлено автором на основе данных ERCOT, EIA, Bloomberg / compiled by the author based on data from ERCOT, EIA, Bloomberg.

переплаты, из которых регулятор согласился компенсировать только 5,1 млрд долл. В связи с этим многим розничным поставщикам электроэнергии грозит банкротство, поскольку им приходилось покупать электричество по заоблачным ценам, а продавать его по 0,1 стоимости. Все это вызвало бурю недовольства как

среди частных энергокомпаний, так и среди представителей промышленности и населения, что в целом серьезно отразится на будущем энергетики Техаса. Однако теперь эту ситуацию в политической гонке в равной степени могут использовать как «прозеленые» демократы, так и более консервативные республиканцы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лада Вячеславовна Жукова — заведующая учебно-научной лабораторией современных информационных технологий в политическом анализе департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия LVZhukova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lada V. Zhukova — Head of the Educational and Scientific Laboratory of Modern Information Technologies in Political Analysis, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia LVZhukova@fa.ru

Статья поступила 30.11.2021; принята к публикации 15.12.21.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.11.2021; accepted for publication on 15.12.21.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-139-144
УДК 796.032(045)

Профессионализм и любительство в современном олимпийском спорте

А.В. Швецов^а, Ю.А. Фомин^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Московская государственная академия физической культуры, Малаховка, Московская область, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-3366-6437>

АННОТАЦИЯ

В древнегреческой цивилизации Олимпийские игры были не единственными крупными спортивными соревнованиями. Одновременно проводились Немейские, Пифийские и Истмийские игры. После возрождения Олимпийских игр в 1896 г. современный олимпийский спорт прошел трудный, пусть и не такой длительный по времени путь. Но еще раньше, примерно в середине XIX в., в развитых странах Европы и США стал формироваться профессиональный спорт. Появление профессиональных спортсменов, как в античном мире, так и в современной истории, во многом стало следствием тех существенных изменений, произошедших в экономических, социальных и политических аспектах жизни человечества на этапах его развития, а также эволюции спортивных соревнований. Можно утверждать, что профессиональный спорт (как в античное, так и в новое время) возник как особая деятельность человека, основным содержанием которой являются спортивные соревнования и мероприятия. Проблема любительства и профессионализма в современном олимпийском спорте и олимпийском движении была одной из самых важных и значимых в контексте внедрения олимпийских идеалов в жизнь общества, решения вопросов «справедливой игры» и допуска спортсменов к участию в крупных международных соревнованиях (Олимпийские игры, чемпионаты мира и др.).

Ключевые слова: современные Олимпийские игры; олимпийский спорт; профессиональный спорт; статус любительства; допуск к участию

Для цитирования: Швецов А.В., Фомин Ю.А. Профессионализм и любительство в современном олимпийском спорте. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;12(1):139-144. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-139-144

ORIGINAL PAPER

Professionalism and Amateurism in Modern Olympic Sports

A.V. Shvetsov^а, Yu.A. Fomin^б

^а Financial University, Moscow, Russia; ^б Moscow State Academy of Physical Education, Malakhovka (Moscow region), Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-3366-6437>

ABSTRACT

The Olympic Games were not the only major sporting event in ancient Greek civilisation. The Nemean, Pythian and Isthmian Games were held simultaneously. After the revival of the Olympic Games in 1896, modern Olympic sport has passed a difficult, albeit not so long-term path. But even earlier, around the middle of the XIX century, professional sports began to form in the developed countries of Europe and the United States. The appearance of professional athletes, both in the ancient world and in modern history, was essentially the result of those significant changes that occurred in the economic, social and political aspects of human life at the stages of its development and the evolution of sports competitions. It can be argued that professional sports (both in ancient and modern times) arose as a particular human activity, the content of which was sports. However, the problem of amateurs and professionalism in modern Olympic sports and the Olympic movement was one of the most significant in the context of introducing Olympic ideals into the life of society, solving the problem of "fair play" and allowing athletes to participate in major international competitions (Olympic Games, World Championships, etc.).

Keywords: modern Olympic Games; Olympic sports; professional sports; amateur status; admission to participation

For citation: Shvetsov A.V., Fomin Yu.A. Professionalism and amateurism in modern Olympic sports. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):139-144. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-139-144

Основы современного олимпизма и любительского спорта были заложены в 1894 г. на I Олимпийском конгрессе, прошедшем в Париже (Франция). Этот конгресс рассмотрел и принял предложения Пьера де Кубертена (Франция) о создании Международного олимпийского комитета (МОК), а также о возрождении и регулярном проведении Олимпийских игр (ОИ) [1]. Там же была принята Олимпийская хартия, содержащая определение и правила любительского спорта, которые были опубликованы в бюллетене МОК № 1 за 1894 г. Основной пункт этих правил гласил: «Любителем в спорте считается любой человек, который никогда не участвовал в соревнованиях, открытых для всех желающих, или соревновался за денежный приз или деньги из какого-либо другого источника, или в состязаниях с профессионалами, и который никогда в своей жизни не был оплачиваемым преподавателем или инструктором физического воспитания» [2].

Согласно статусу любительства, изложенному в Олимпийской хартии и в бюллетене МОК, любителю запрещалось: выступать за деньги или денежный заклад, преподавать какие-либо виды спорта, за исключением гимнастики в школе, выступать вместе с профессионалами, продавать призы, полученные на соревнованиях, давать свое имя для рекламы товаров, принимать возмещение за проезд, питание и съем жилья сверх установленных пределов. Потерявший право любитель не мог быть восстановлен в своих правах. Запрещалось быть любителем в одном виде спорта и профессионалом в другом — профессионал в одном виде спорта считался профессионалом во всех других [2–4].

В уставе была статья, по которой люди физического труда объявлялись профессионалами и не допускались к участию в любительских соревнованиях. Правда, в последующих изложениях устава она не встречается. Это свидетельствует о том, что при наличии явного сходства в характере мышечной деятельности в спорте и физическом труде спорт является самостоятельной частью двигательной деятельности.

Хотя статус любительства был разработан для ОИ и олимпийских видов спорта, в силу ряда причин он стал основой уставов всех уже возникших и возникавших национальных и международных спортивных федераций. Дело в том, что во главе этих федераций, равно как и в МОК, решающее слово было за представителями высших слоев общества (аристократии, буржуазии, дворян и пр.), которые руководили олимпийским спортом, и по-

этому использовали статус любительства в свою пользу [2, 4].

Во-первых, представители господствующих классов пытались изолировать спорт и избавить себя от конкуренции в любительском спорте со стороны представителей неимущих и малоимущих классов, сословий и социальных слоев. Любительство в спорте определялось в зависимости от того, является ли спорт средством к существованию для занимающегося. Именно этот признак считался необходимым и достаточным для определения принадлежности к профессиональному или любительскому спорту. Всякая компенсация материальных затрат в период соревнований и подготовки к ним практически исключалась, и, тем самым, выходцы из малоимущих социальных слоев в рамках любительского спорта ставились в тяжелые и неравные условия.

Во-вторых, буржуазия хотела обеспечить и законодательно закрепить возможность заниматься доходным предпринимательством, эксплуатируя профессиональных атлетов.

В-третьих, буржуазии нужно было создать и поддерживать иллюзию возможности существования при капитализме «чистого спорта» — вне политики и вне классов, якобы отвечающего интересам всех. Как было декларировано буржуазными теоретиками, таковым является любительский спорт. Все недостатки, имевшие место в буржуазном спорте, были объявлены принадлежностью профессионального спорта либо объяснялись его влиянием. Как известно, после вступления в олимпийское движение Советского Союза в нашей стране эта пропаганда также получила распространение, правда, без отнесения любительского спорта в буржуазных странах к «чистым» и «надклассовым» явлениям.

Но даже с точки зрения интереса господствующих классов статус любительства в спорте был двойственен и противоречив. С одной стороны, чистое любительство препятствовало проникновению бизнеса в спорт, а с другой — становилось барьером на пути в спорт для трудового населения. Но постепенно спорт стал массовым явлением в жизни человечества. И случилось это не благодаря статусу любительства, а вопреки ему — в силу разрывания фундаментальных законов развития общества [2, 4–7].

В конце XIX — начале XX в. в странах Европы и Америки, где спорт становился все более массовым и популярным среди рабочего населения, правила и требования к спортсменам-любителям имели большие различия и противоречия. Поэтому, начиная с первых ОИ современности, прошедших

в 1896 г. в Афинах (Греция), проблема любительства и профессионализма в спорте стала одной из главных, во многом определившей дальнейшее развитие современных ОИ и олимпийского спорта. И не случайно, что на протяжении всей истории современного олимпийского спорта правила любительства постоянно менялись и совершенствовались. Первая попытка ревизии правил любительства была предпринята МОК в 1901 г. Но, несмотря на большое желание изменить их, члены МОК так и не пришли к какому-либо соглашению.

Следующая серьезная дискуссия разгорелась на сессии МОК в 1909 г. в Берлине (Германия). Член МОК Т. Кук (Великобритания) предложил, чтобы каждая международная спортивная федерация (МСФ) самостоятельно определяла статус спортсмена-любителя. Дальнейшая дискуссия показала, что концепция любительства стала во многом трактоваться как правило допуска спортсменов на ОИ.

В 1911 г. на сессии МОК в Будапеште (Венгрия) Р. де Корси Лаффен (Великобритания) предложил новое определение: «Любой человек может соревноваться на ОИ как любитель, если он никогда: не участвовал в соревнованиях на денежный приз, деньги или любое другое пари; не награждался деньгами или любого рода денежной помощью за участие в соревнованиях; не получал никакой премии за потерянное в соревнованиях время; не продавал или закладывал свой приз, выигранный в соревнованиях» [2]. Это определение «любительства» в спорте было принято и действовало до сессии МОК 1920 г. в Антверпене (Бельгия).

К этому времени рост числа спортивных соревнований в ведущих странах Европы и США, а также международных состязаний способствовал значительному увеличению количества спортсменов, задействованных в них. Во многих странах руководство спортивным движением вынуждено было отказываться от правил любительства, так как за счет только господствующих классов невозможно было обеспечить количество участников спортивных соревнований, и поэтому массовый спорт стал привлекать представителей эксплуатируемых классов и сословий.

Огромную роль в этот период развития олимпийского спорта сыграли НСФ (национальные спортивные федерации), МСФ и спортивные общества. Эти структурные спортивные подразделения смогли организовать спортивное движение под непосредственным руководством МОК. В состав спортивных обществ и федераций все активнее стали входить неимущие и малоимущие граждане, ко-

торым требовалась материальная помощь. Сначала спортивные общества и федерации предоставляли спортсменам инвентарь и экипировку, после стали возмещать различные затраты (питание, транспорт, проживание и пр.). Поэтому закономерно, что на конгрессе МОК в 1921 г. в Лозанне (Швейцария) МСФ впервые было дано право определять статус спортсмена-любителя.

После Игр 1936 г., проведенных в Германии, следующие состоялись только в 1948 г. В середине XX в., после чудовищных последствий Второй мировой войны, спортивная жизнь в Европе постепенно восстанавливалась. Спортсмены СССР и других стран социалистического лагеря вошли в олимпийское движение и стали полноправными участниками крупных международных спортивных соревнований. С 1952 по 1972 г. олимпийским движением руководил президент МОК Э. Брэндедж (США), который выступал за принцип «абсолютного» любительства. В этот период на повестке дня в олимпийском спорте и олимпийском движении снова остро встал вопрос любительства. Существовали две диаметрально противоположные точки зрения: руководство МОК и МСФ выступали за принцип «абсолютного» любительства, но законы развития общества диктовали внедрение в спорт (в том числе массовый и олимпийский) товарно-денежных отношений. Поэтому попытки отделить любительский спорт от профессионального продолжились и дальше [2–4].

Все это время ведущим принципом любительства являлось отсутствие материальных выгод от занятия спортом. Именно в этом аспекте определение статуса спортсмена-любителя было принято на 58-й сессии МОК в Москве: «Любителем является тот, кто участвует и всегда участвовал в спорте как побочном занятии без извлечения материальных выгод любого рода». Этот параграф Олимпийской хартии получил название «Правило 26». Такое определение очень характерно для всех попыток изменить статус любительства, вплоть до 1971 г.

В 1964 г. в Токио (Япония) на сессии МОК советскими представителями было внесено предложение, в котором любительство в спорте предлагалось определить следующим образом: «Любителем является тот, кто участвует и всегда участвовал в спорте для своего физического и духовного развития и самосовершенствования, чтобы таким путем приносить социальную пользу без материальной выгоды для себя самого. Любитель должен соблюдать правила соответствующей международной федерации. Для любителей занятия спортом не являются источником доходов. Не является на-

рушением статуса любительства получение спортсменами вознаграждения от национальной федерацией или заработной платы за время участия в международных соревнованиях. Кроме того, он должен выполнять правила соответствующей международной федерации». Но сессия не поддержала принятие данного определения [2, 6].

Весьма интересной была попытка СИЕПС (Международный совет спорта и физического воспитания) с целью ликвидации лжелюбительства ввести в практику еще одну категорию — «нелюбителя» или «оплачиваемого спортсмена», под которую подвдигались бы атлеты, занимающие положение между любителями и профессионалами. «Оплачиваемые спортсмены» могли бы участвовать во всех соревнованиях, проводимых МСФ, на тех же правах, что и любители, и получать материальное вознаграждение, как профессионалы. Главным требованием к «оплачиваемым спортсменам» являлось то, что они должны были обучиться какой-либо профессии и работать неполный рабочий день, а в свободное от работы время тренироваться и повышать свое спортивное мастерство.

«Манифест о спорте», в котором были изложены эти предложения, Генеральная ассамблея СИЕПС приняла 25 октября 1964 г. Его текст был разослан на рассмотрение всем международным организациям, связанным с проблемами спорта и физического воспитания. Однако необходимой поддержки для принятия в качестве официального документа «Манифест о спорте» не получил, потому что спортивные организации социалистических государств резко выступили против этого предложения, так как его принятие помешало бы их атлетам в достижении побед. Развивающиеся страны также были против, — там практика «нелюбительства» уже имела место, и ее легализация ничего им не давала, в то время как развитым капиталистическим странам такое решение позволило бы усилить их спортивные позиции в связи с тем, что сильные спортсмены-любители не спешили бы уходить в профессионалы.

Начало 70-х гг. прошлого века ознаменовалось мощной критикой статуса спортсмена-любителя. Спортивная общественность настаивала на изменениях в Олимпийской хартии в правиле 26. Для разработки новой формулировки правила 26 МОК создал комиссию под руководством А. Шиперко (Румыния). Проект, разработанный комиссией, был обсужден международными любительскими федерациями и национальными олимпийскими комитетами (НОК) и рассмотрен на заседании исполкома МОК в апреле 1971 г. в Лозанне (Швейцария). Пра-

вило 26 было утверждено в новой формулировке, которая гласила, что к участию в Олимпийских играх допускается спортсмен, который:

- соблюдает этику, традиции и дух Олимпийских игр, и для которого спорт не является средством извлечения материальной выгоды;
- не зависит от доходов в спорте, должен иметь основную профессию, чтобы обеспечить свое будущее и настоящее существование;
- соблюдает правила той международной федерации, которая контролирует его вид спорта, даже в том случае, если эти правила строже, чем правила МОК.

Он не должен:

- позволять использовать свое имя или свои выступления прямо или косвенно в рекламных целях во время Олимпийских игр и получать какое-либо личное вознаграждение за подобную деятельность;
- быть как в настоящем, так и в прошлом профессионалом, полупрофессионалом или «оплачиваемым спортсменом» и тренером [2–4].

Спортсменам разрешалось получать помощь через посредство НОК или НСФ в периоды учебно-тренировочных сборов (УТС) и участия в соревнованиях (в том числе — ОИ). Материальная помощь включала оплату по возмещению расходов на тренера, размещение, проезд, спортивный инвентарь и экипировку, питание, медицинскую помощь и т.д. Сюда же входила и оплата страховки от несчастного случая и болезни, связанных со спортом. Разрешалось получение спортивных стипендий, а преподаватели физического воспитания, которые занимаются с начинающими, допускались к участию в Олимпийских играх.

В 60–70-х гг. XX в. Олимпийские игры стали главным международным событием достижений человечества не только в области его двигательного совершенствования, но и научно-технического прогресса, высоких технологий, которые через спорт стали внедряться в жизнь обычных людей. Проведение крупнейших международных спортивных форумов подразумевало значительные финансовые вложения, а олимпийский лозунг «Быстрее, выше, сильнее» требовал от спортсменов огромных физических, психологических и моральных усилий. Даже для активных сторонников «абсолютного» и «чистого» любительства стало понятно, что для достижения высоких спортивных результатов в олимпийском спорте требуется не только моральная поддержка атлетов, но и соответствующее материальное стимулирование. К этому времени

стало известно о государственной поддержке спортсменов в социалистических (зачисление в штат и получение официальной зарплаты; премии за высокие спортивные результаты и достижения и пр.) и капиталистических (выплата стипендий и оказание официальной финансовой помощи) странах.

На 75-й сессии МОК в Вене (Австрия) в 1974 г. было принято «Положение о допуске», позволявшее спортсменам получать возмещение заработной платы за период подготовки и участия в соревнованиях, а также материальную помощь для оплаты питания, размещения, транспортных расходов, спортивного инвентаря и формы, страхования, лечения, физиотерапии и оплаты тренеров. Выплаты производились только с разрешения НОК или НСФ. Спортсмены-студенты официально могли получать спортивные и академические стипендии.

Эти решения «Положения о допуске» сняли претензии к советским и американским спортсменам, которые находились на содержании государства или получали спортивные стипендии по месту учебы. Слово «любитель» было исключено из текста Олимпийской хартии [2, 4].

Значительный вклад в решение проблемы любительства и профессионализма в олимпийском спорте сыграла деятельность на посту президента МОК (1980–2009 гг.) Х.-А. Самаранча (Испания), который сумел создать и реализовать свою концепцию деятельности МОК. Основными принципами своей работы Х.-А. Самаранч считал: расширение процесса коммерциализации олимпийского движения, учет нового статуса спортсмена в олимпийском спорте и пересмотр отношения к профессионализму с тем, чтобы повысить спортивную составляющую ОИ.

Важным шагом руководства МОК и лично Х.-А. Самаранча стало привлечение профессиональных атлетов к участию в крупных международных спортивных соревнованиях. Решения конгресса МОК в Баден-Бадене (ФРГ) в 1981 г. и МСФ привели к тому, что на сессии в Калгари (Канада) в феврале 1985 г. исполком МОК объявил о допуске к ОИ 1988 г. в соревнованиях по футболу, теннису и хоккею профессиональных спортсменов. Еще раньше — в сентябре 1982 г. — Международная федерация легкой атлетики (IAAF) приняла решение о создании фондов для спортсменов при национальных федерациях.

Спортсмены могли получать любые вознаграждения, в том числе и за рекламу, участие в соревнованиях, показанные результаты [1, 8].

Начиная с Игр XXI Олимпиады в Лос-Анджелесе (США, 1984 г.), организация и проведение ОИ стало финансово выгодным мероприятием, а коммерциализация — объективным процессом развития олимпийского спорта. Олимпийские состязания стали полностью подчиняться законам зрелищной индустрии, и это не могло не отразиться на участниках соревнований, так как организаторы были полностью заинтересованы в присутствии на этих соревнованиях сильнейших атлетов [9]. Благодаря сотрудничеству МОК и американских профессиональных лиг (NHL и NBA) на более высокие уровни поднялись олимпийские турниры по хоккею и баскетболу. Спортсмены-профессионалы из этих лиг составляют основу не только сборных США и Канады, но и усиливают сборные многих европейских стран в этих турнирах.

Особую роль в повышении интереса к олимпийскому спорту, сближению его с профессиональным сыграло телевидение, превратившее его в товар, стоимость которого резко возросла после допуска профессионалов на Олимпийские игры [10].

Дальнейшие события подтвердили, что олимпийский спорт быстро адаптировался к участию профессионалов в Олимпийских играх. В настоящее время условия и требования допуска четко прописаны в Олимпийской хартии и гласят: «Чтобы быть допущенным к участию в ОИ, спортсмен, тренер, инструктор или иное официальное лицо команды должны выполнять требования Олимпийской хартии, включая условия допуска, установленные МОК, а также правила соревнований международной федерации, утвержденные МОК. Спортсмен, тренер, инструктор или иное официальное лицо команды должны быть заявлены своим НОК. Вышеупомянутые лица должны:

- уважать дух честной игры и отказа от насилия и вести себя соответствующим образом;
- соблюдать и выполнять во всех отношениях всемирный антидопинговый кодекс»*.

* Олимпийская хартия (в действии с 8 июля 2011 г.). МОК; пер. с англ. М.; 2012. 54 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кубертен П. Олимпийские мемуары. Киев: Олимпийская литература; 1997. 180 с.
2. Платонов В.Н., Гуськов С.И. Олимпийский спорт. Учебник в 2 кн. Кн. 1. К.: Олимпийская литература; 1994. 496 с.
3. Столбов В.В., Финогенова Л.А., Мельникова Н.Ю. История физической культуры и спорта. М.: ФИС; 2000. 423 с.
4. Родиченко В.С. Олимпийская идея для России. М.: Диалог культур; 2011. 319 с.

5. Суник А.Б. Российский спорт и олимпийское движение. М.: Советский спорт; 2001. 664 с.
6. Починкин А.В. Становление и развитие профессионального коммерческого спорта в России. М.: Советский спорт; 2006. 216 с.
7. Платонов В.Н., ред. Энциклопедия современного олимпийского спорта. Киев: Олимпийская литература; 1998. 599 с.
8. Швецов А.В., Фомин Ю.А. Олимпийские идеалы как компонент общественного сознания. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):54–58.
9. Починкин А.В. Кто такой олимпиец? *Теория и практика физической культуры*. 2006;(12):54–57.
10. Швецов А.В., Никишин И.В. Биатлон и лыжные гонки на российском телевидении в сезоне 2019/2020. *Вестник спортивной науки*. 2020;(6):82–85.

REFERENCES

1. Coubertin P. Olympic memoirs. Kyiv: Olympic literature; 1997. 180 p. (In Russ.).
2. Platonov V.N., Guskov S.I. Olympic sport. Textbook. In 2 books. Book 1. Kyiv: Olympic literature; 1994. 496 p. (In Russ.).
3. Stolbov V.V., Finogenova L.A., Melnikova N. Yu. History of physical culture and sports. Moscow: FIS; 2000. 423 p. (In Russ.).
4. Rodichenko V.S. Olympic idea for Russia. Moscow: Dialogue of cultures; 2011. 319 p. (In Russ.).
5. Sunik A.B. Russian sport and the Olympic movement. Moscow: Soviet sport; 2001. 664 p. (In Russ.).
6. Pochinkin A.V. Formation and development of professional commercial sports in Russia. Moscow: Soviet sport; 2006. 216 p. (In Russ.).
7. Encyclopedia of modern Olympic sport. Kyiv: Olympic literature; 1998. 599 p. (In Russ.).
8. Shvetsov A.V., Fomin Yu.A. Olympic ideals as a component of consciousness. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):54–58. (In Russ.).
9. Pochinkin A.V. Who is an Olympian? *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2006;(12):54–57. (In Russ.).
10. Shvetsov A.V., Nikishin I.V. Biathlon and cross-country skiing on Russian television in the 2019/2020 season. *Vestnik sportivnoy nauki = Bulletin of Sports Science*. 2020;(6):82–85. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Валентинович Швецов — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Финансовый университет, Москва, Россия
Shvedcov2004@yandex.ru

Юрий Алексеевич Фомин — доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой философских, исторических и социальных наук, Московская государственная академия физической культуры, Московская область, Россия
kaf-filosofii@mgafk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Shvetsov — Cand. Sci. in Pedagogic Sciences, Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
Shvedcov2004@yandex.ru

Yuriy A. Fomin — Doctor in Sociological Sciences, Professor, Moscow State Academy of Physical Education, Moscow region, Russia
kaf-filosofii@mgafk.ru

Статья поступила 27.09.2021; принята к публикации 20.11.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.09.2021; accepted for publication on 20.11.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-145-152
УДК 32.019.51:37(045)

Трансформация образовательной сферы российского государства на примере преподавания истории и политологии: патриотические культурно-воспитательные акценты

Н.Н. Кулакова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

АННОТАЦИЯ

В представленной статье актуализирована тема взаимообусловленности потребностей государства и социального заказа, предъявляемого системе образования. Отмечается, что политическая практика и политическая воля определяют особенности каждого этапа развития и содержательного наполнения воспитательного компонента образовательной деятельности. Запрос общества и курс властных структур на укрепление позиций России как сильного государства предполагают, в том числе, и значительное инвестирование в образование и воспитание будущего поколения жителей страны. Отмечается, что задача формирования гражданской позиции в молодежной среде не может решаться эпизодическим фреймом, тренд на единство обучения и воспитания должен вернуться и стать неотъемлемой частью деятельности образовательных учреждений. Задача социализации учащихся, включающая формирование политической культуры и активной гражданской позиции, решается на занятиях социально-гуманитарного цикла, в частности политологии.

Ключевые слова: молодежь; политика; история; формирование гражданской позиции; учебно-воспитательный процесс

Для цитирования: Кулакова Н.Н. Трансформация образовательной сферы российского государства на примере преподавания истории и политологии: патриотические культурно-воспитательные акценты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):145-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-145-152

ORIGINAL PAPER

Transformation of the Educational Issues in the Russian Federation on the Example of Teaching History and Politology: Patriotic Cultural and Educational Aspects

N.N. Kulakova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

ABSTRACT

The presented article actualizes the topic of the interdependence of the needs of the state and the social order imposed on the education system. The author noted that political practice and political would determine the features of each stage of development and the content of the educational component of educational activity. The request of society and the course of government structures to strengthen Russia's position as a strong state also implies significant investment in the education and upbringing of the future generation of the country's residents. The author stressed that an episodic frame could not solve the task of forming a civic position among young people. Moreover, the trend towards the unity of education and upbringing should return and become an integral part of the activities of educational institutions. The task of socialization of students, including the formation of political culture and an active civic position, can be solved in the classes of the socio-humanitarian cycle, particularly political science.

Keywords: youth; politics; history; formation of a civic position; educational process

For citation: Kulakova N.N. Transformation of the educational issues in the Russian Federation on the example of teaching history and politology: Patriotic cultural and educational aspects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):145-152. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-145-152

Вектор цивилизационного развития государства во многом определяется уровнем развития образования. Система образования выступает фактором, определяющим место и престиж государства в международном сообществе, перспективы развития страны. В настоящее время перед российским обществом стоят задачи восстановления позиций государства на международной арене и выхода страны на уровень устойчивого развития экономики на новой технологической основе. Решение амбициозной задачи процветания России включает продвижение традиционных культурных, духовно-нравственных ценностей, защиту исторической памяти. Квинтэссенцией движения вперед может стать развитие науки и образования, способных быть как движущей силой экономического роста, так и компонентом гуманизации отношений в государстве.

Либеральные преобразования конца 80-х — начала 90-х гг. полностью изменили устройство нашей страны. Многоплановое, обусловленное широчайшим спектром причин политическое событие, ставшее началом нового витка истории России и «фундаментом» наших дней, нуждается в осмыслении с позиции не только политико-экономического анализа, но и смены социально-политических приоритетов, метаморфоз формирования и сохранения исторической памяти.

Произошедшие в обществе изменения, радикальная трансформация политического устройства и экономического уклада изменили отношения между людьми, духовный мир, личностные ценности; иначе стал звучать ответ на вопрос о смысле и цели жизни человека. Образовательная сфера российского государства как неотъемлемая составная часть жизни социума последние десятилетия переживает такое же перерождение как его экономическая, политическая, социальные составляющие. Процесс переориентации и реформирования образования, несколько снизивший накал в настоящее время, носит все же перманентный характер.

В российском обществе, а соответственно, и в образовательной среде, в значительной степени произошла трансформация воззрений на историческое прошлое страны. Период взросления современного поколения молодых людей пришелся на социально-экономический коллапс, на время отказа от прежних идеалов на общегосударственном уровне, уничтожения

характерных для страны национальных символов, переименование городов и улиц, развенчание вчерашних героев. Как следствие, возник политический и правовой нигилизм вкупе с полярным отношением к власти — от абсентеизма, с одной стороны, до формирования радикальных политических движений — с другой.

Одной из причин безучастности и отсутствия интереса к событиям современности является новая парадигма воспитания и образования. Изменение цели и содержания образования повлекло за собой не только обновление педагогических методик и технологий — прежде всего изменился воспитательный процесс, результат которого отнюдь не способствует задаче формирования исторической памяти молодежи. Так, в действующей прежде традиционной парадигме влияние педагога на молодого человека было направлено на формирование качеств, нужных обществу и государству (это же являлось целью образования). Пришедшая ей на смену вместе с перестройкой гуманистическая парадигма в качестве цели образования выдвигает наиболее полную самореализацию молодого поколения и, делая акцент на ценности отдельной личности, признавая человека самодостаточным по отношению к другим людям и окружающему миру, формирует, увы, не индивидуальность, а индивидуализм, потребительское отношение к окружающим людям и пренебрежительное отношение к чужим интересам.

По меркам человеческой жизни 30 лет — это большой срок, с точки зрения истории страны — это мгновения. Так или иначе, за этот период выросло поколение граждан, не знающих историю своего народа, сформирована среда, в которой почти нормой стало беспринципное передергивание фактов, незнание и замалчивание положительного опыта прошлых лет, неуважение к деяниям предков. Так, например, трактовка присоединения территорий к Российской империи, причины и география голода (голодомора) 30-х гг. XX в., веки отечественных и локальных войн и многие другие сложные моменты истории оказались в полной зависимости от политической ангажированности автора или же заказчика публикации. Высокая публицистическая активность «этнических активистов», нивелирование всех достижений предшествующих лет, акцент на проблемных периодах истории, обезличивание советского народа в борьбе с фашизмом или заявления об оккупационной политике Советского

Союза в ходе Второй мировой войны — все это формирует у граждан негативное представление о прошлом, о жизни и подвиге предыдущих поколений. В «интеллектуальных» видеосражениях уничтожается уважение к своей истории, которая могла бы не только дать ответы на вопросы современности, но и стать ресурсом восстановления былого самоуважения народа и величия страны.

Непреодолимое значение для воспитания гражданина, формирования исторической памяти имеет знание своих корней. Существующая в настоящее время система и объем преподавания истории в средних школах и вузах мало этому способствуют. Представленное на рынке многообразие учебников истории отражает не только альтернативные позиции авторов, но содержит информацию, искажающую исторические факты, меняющую тональность и восприятие событий истории, а у профессионалов нет возможности контроля их качества [1, с. 1561].

Здравомыслящая часть современного российского общества, пытаясь восстановиться после драматичных событий, пережитых в лихие 90-е, стремится заново переосмыслить пройденный исторический путь, найти духовные силы и скрепы в прошлом страны и донести свои знания и ценности молодому поколению россиян. Думается, что государству и активистам гражданского общества необходимо сотрудничать в реализации воспитательной функции и работать в едином ключе с образовательными учреждениями.

Как известно, воспитание — это длительный и многогранный процесс формирования личности «в соответствии с общественным идеалом» [2, с. 156]. Ввиду чего справедливо будет заметить, что менталитет, ценностные ориентиры и установки учащегося представляют собой срез информационного пространства, в котором он живет и развивается. В жизни страны и мира с каждым годом повышается роль средств массовой информации, это явление имеет прямую корреляцию с развитием информационных технологий и возрастающим вовлечением населения в сетевое взаимодействие. Общение в социальных сетях, непрерывный обмен посланиями в бесплатных приложениях, просмотр видеопродукции стали обыденным явлением повседневной жизни. Информационные послы многочисленных блогеров собирают огромную аудиторию подписчиков. Стремительное развитие коммуникации, обусловленное применением новых технологий, формирует практически неограниченные возможности

для трансляции своей позиции в широкие народные массы. Инфокоммуникационные технологии стали привычной и необходимой частью жизни современного человека, влияющей на его деятельность, определяющей жизненные установки. Главным субъектом и одновременно объектом технологических изменений является молодежь, стремительно воспринимающая и создающая новые формы социальной коммуникации. При этом, располагая лишь минимумом социально-гуманитарных знаний и незначительным опытом участия в политическом процессе, молодые люди оказываются вовлеченными в ситуацию агрессивного информационного воздействия, в том числе, политиков-популистов и экстремистов.

Одним из следствий отсутствия отечественной концепции гуманистического воспитания стал разрыв между обучением и воспитанием, сохраняющийся многие годы. Генеральная линия развития образовательно-воспитательной сферы детерминируется политическим заказом государства. В ситуации устранения государства от формулирования социального заказа в образовательно-воспитательной сфере определение вектора развития, в некоторой степени, может принимать на себя гражданское общество или рынок труда. В периоды глубокого переформатирования всех систем российского государства процесс обучения утратил многие свои ориентиры и, прежде всего, воспитательную компоненту, при этом было бы лукавством заявлять, что в том или ином государстве педагогическая практика свободна от политических установок в образовании. Содержательные характеристики образования молодого поколения определяются государством и гражданской общностью.

При этом качественный процесс вторичной социализации, развитие социально зрелой личности невозможны без воспитательного компонента. Непременное значение принципа единства обучения и воспитания подчеркивает президент России: «Нельзя забывать и о воспитательной составляющей учебного процесса. Задача воспитания не менее значима, чем обучение, подготовка кадров для новой экономики»¹.

Направить, оказать помощь в становлении молодого человека не только как профессионала своего дела, но и как духовно богатой лично-

¹ Задача воспитания не менее значима, чем обучение. URL: http://rusderjavnaya.ru/news/zadacha_vospitanija_nemenee_znachima_chem_obuchenie/2015-12-28-1391

сти, имеющей понятия о честной конкуренции, о морально-этических нормах и гуманитарных принципах, — задача семьи, образовательных учреждений и государства. В современной ситуации информационной войны полагаться на то, что молодой человек самостоятельно сможет оценить и освоить значимые для национальной общности поведенческие и ценностные стандарты, отказываться от воздействия на учебно-воспитательный процесс нерационально. Воспитывать человека — это означает, прежде всего, воспитывать ответственного гражданина своей страны.

Принимая во внимание полипарадигмальность современной педагогической теории и практики, учитывая стоящие перед обществом задачи по совершенствованию воспитательной системы в образовательных учреждениях, стоит отметить, что задача духовно-нравственного и патриотического формирования личности учащихся может решаться в нескольких направлениях, одним из которых является обращение к героическим образам прошлого.

Так, в настоящее время масштабно и планомерно происходит обращение к образу святого Александра Невского, реализуемое на основе парадигмы традиции, содержащей религиозное миропонимание. В год 800-летия со дня его рождения по всей стране проводятся видные мероприятия, связанные с деятельностью правителя и полководца. Жизнь и деятельность князя Александра Невского анализируется на научных конференциях и круглых столах самого разного уровня; проходят художественные и исторические выставки; его именем называют улицы; возведены десятки новых монументов; на уроках истории и литературы обсуждаются произведения о полководце; проводятся викторины и чтения. Имя Александра Невского присвоено Военному университету Минобороны и кадетскому корпусу в Санкт-Петербурге.

Безусловно, осознание значения деятельности исторических личностей, стоящих у истоков государства Российского, сыгравших ключевую роль в драматические периоды истории и оказавших значительное влияние на выбор направления развития Руси, имеет непреходящее значение для формирования молодого поколения.

Однако спорадические общественные мероприятия и юбилейные торжества, так же, как и некоторые шаги по гуманизации образования, по своей эффективности не могут быть сопо-

ставимы с воспитательным потенциалом учебных дисциплин. Практически каждая школьная и вузовская дисциплина располагает воспитательными компонентами и способна формировать чувство гражданственности и патриотизма. Деликатное сопряжение содержания учебных предметов с воспитательной деятельностью, предусмотренной программой учебного заведения, может иметь длительный и устойчивый эффект формирования активной гражданской позиции молодежи.

Культурологическая парадигма образования призывает к получению учащимися знания через индивидуально-личностное, активное и критическое его осмысление, рассмотрение информации с учетом личностно-смыслового и культурно-исторического контекста. Наиболее ярко тенденция ценностного, рефлексивного образа мышления может быть реализована в преподавании предметов социально-гуманитарного цикла и, в частности, — политологии. Сложно переоценить воспитательный потенциал и возможности этой дисциплины в формировании у студенческой молодежи мировоззренческих установок и ценностей. Политические дисциплины преподаются в нашей стране только тридцать лет, при этом в неспециальных вузах — довольно поверхностно и кратко, значимость этой дисциплины в жизни каждого человека и гражданина подчас остается недооцененной даже руководящим составом учебных заведений.

Преподавание политологии формирует у студентов научные знания о политической системе общества, помогает ориентации молодого поколения в современной политической практике, учит анализировать политические отношения, выявлять связи между экономическими и политическими процессами. Сложно переоценить воспитательный потенциал политической науки, формирующей гражданскую позицию учащихся и направленной на преодоление пассивной позиции значительной части современных молодых людей [3].

Проблема преодоления абсентеизма в молодежной среде не может быть решена только с помощью агрессивных пропагандистских кампаний. Решение этой задачи в долгосрочной перспективе лежит в плоскости политического воспитания личности.

Преподавание предмета политологии имеет специфические особенности, включающие:

- отсутствие у 16–18-летних студентов личного практического опыта политической жизни;

- высокую политизированность российского общества, реализуемую на фоне низкой политической грамотности;
- наличие в обществе негативных стереотипов в восприятии властных структур;
- превалирование не рациональной, а эмоциональной оценки политических событий, усугубляемое психологической мобильностью незавершенного пубертатного периода;
- исторически сложившуюся долготерпимость российского населения, трагически сочетающуюся с «бессмысленным и беспощадным бунтом», и др.

В преодолении этих компонентов деструктивного мышления большую роль играет воспитательный аспект политической науки и личность преподавателя. Задачей преподавателя политологии является культивирование рационального, критического мышления студента в восприятии политической информации, обучение умению получать достоверную информацию, являющуюся ключом к подлинным политическим событиям.

В реализации поставленных задач существует несколько методологических проблем, к основным можно отнести:

- посредственные, противоречивые и разноплановые знания студентов негуманитарных специальностей предметов школьной программы: истории, географии, обществознания;
- минимальное аудиторное время, выделенное в учебном плане на предмет «политология»;
- необходимость предоставления не только теоретических знаний по данной науке, но и привитие интереса к реальным политическим событиям как в своей стране, так и на международной арене;
- обеспечение перевода теоретических политологических знаний в практическую сферу политической жизни.

В этой связи особое значение имеет активизация самостоятельной работы студентов, опирающаяся на высокую заинтересованность в данной предметной области и разнообразные, активные формы проведения семинарских занятий.

Изучение дисциплины должно обеспечить наиболее полное освоение современных достижений мировой политологической мысли. Главная направленность теоретических и практических занятий — формирование высокой политической культуры, методических навыков учета политических аспектов в будущей практической деятельности выпускника. Для достижения этой цели

занятия стоит проводить с широким использованием различных теоретических и фактологических источников и дидактических материалов.

Проведение семинарских занятий по наиболее сложным темам максимально закрепляет знания, полученные на лекциях, если предполагает творческий и свободный обмен мнениями по рассматриваемым вопросам, обсуждение докладов и содокладов. Индивидуальное собеседование в диалоговом формате с педагогом способствует системному, углубленному осмыслению учащимися основных проблем курса.

Смысл и цель различных форм организационно-мыслительных занятий состоит в подготовке студентов к деятельности в условиях изменчивости современного мира. При этом основное внимание стоит обращать на корректное и логичное доказательство своей точки зрения в научном споре, способность корректировать свое видение на основе смены норм коммуникации.

Насущной проблемой российского высшего образования является переход к практико-ориентированному обучению, способному не только дать учащемуся качественную теоретическую основу, но и подготовить его к предстоящей профессиональной деятельности. Решить эту задачу призваны как содержательные, так и технологические компоненты образовательного процесса [4].

При этом существенное увеличение доли занятий в интерактивной форме улучшает процесс обучения. Применение новых технологий и интерактивных методов выступает важным показателем качества образовательных программ и работы высшего учебного заведения в целом, уровня мастерства педагога, характеризует степень включенности студентов в учебный процесс.

Большинство современных студентов приходят в вуз уже подготовленными к образовательным инновациям. Привычка и стремление быстро получить краткую, насыщенную информацию в удобном формате — отличительная черта современных студентов, именно этого они ожидают от преподавателя. Но у этого явления есть и отрицательные характеристики: бессистемность и информированная хаотичность, клиповость восприятия, создающие определенные проблемы для обучения и стимулирующие его трансформацию.

Минобрнауки РФ в действующем «Порядке реализации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам

высшего образования — программам бакалавриата, программам специалиста, программам магистратуры» (приказ Минобрнауки России от 19.12.2013 № 1367), в п. 56 указывает, что «организация предусматривает применение инновационных форм учебных занятий, развивающих у обучающихся навыки командной работы, межличностной коммуникации, принятия решений, лидерские качества [включая, при необходимости, проведение интерактивных лекций, групповых дискуссий, ролевых игр, тренингов, анализ ситуаций и имитационных моделей, преподавание дисциплин (модулей) в форме курсов, составленных на основе результатов научных исследований, проводимых организацией, в том числе с учетом региональных особенностей, профессиональной деятельности выпускников и потребностей работодателей]»².

Спектр интерактивных методов обучения многообразен и требует от преподавателя предварительной специальной подготовки. От традиционных методов обучения интерактивные отличаются, прежде всего, тем, что нацелены на активизацию мышления студентов, вовлеченность в учебный процесс в течение всего занятия, самостоятельный поиск и творческое решение проблемных задач, высокий интерес и активность при обязательном взаимодействии с преподавателем и однокурсниками в поисках решения проблемы.

Предметное поле политической науки предоставляет широкие возможности для применения «проблемного» обучения. На основе анализа научных материалов по проблемам современной политической практики или недавнего исторического прошлого государства, опираясь на личный и семейный опыт, используя документальные и публицистические источники, активно взаимодействуя, студенты решают проблемные задачи, связанные как с предстоящей профессиональной деятельностью, так и формирующие активную гражданскую позицию. «Проблемное» обучение создает и стимулирует у студентов способность к самообучению, поиску и критическому осмыслению информации, заставляет мыслить творчески, а не получать готовые знания.

Самые широкие возможности в этом плане предоставляет проведение проблемного семинара, предполагающее активное вовлечение всех студентов группы в процесс поиска решения

задачи и активное взаимодействие под руководством и контролем преподавателя. В методическую подготовку проблемного семинара стоит включить: название темы и проблемные вопросы к ней, указание обязательных и желательных информационных ресурсов, злободневных публикаций и других источников для рефлексии, рекомендации к выполнению практических заданий и критерии оценки их результатов.

В небольших учебных группах хорошо зарекомендовал себя такой способ обсуждения и детального изучения проблемы, как тематическая дискуссия, организуемая в форме обмена мнениями. Студенты, являясь представителями разных социальных групп, выразителями оригинальных мировоззрений, верующие и атеисты, активно участвуют в обсуждении насущных политических и экономических сфер современной жизни. Предметом дискуссии могут стать конкретные ситуации и события во внутренней и внешней политике, новые законодательные инициативы и акты, ситуации морального и мировоззренческого выбора. Подковка к дискуссионному семинару по политологии, поиск ответов на неоднозначные вопросы, касающиеся современных внутриполитических и внешнеполитических проблем, существенно стимулируют интерес студентов к дисциплине как таковой, а также к реальным проблемам современного мира и перспективам его развития. Тематическая дискуссия требует серьезной методической подготовки преподавателя, она начинается с формулировки остроактуальной темы либо какого-то утверждения, которое должно быть опровергнуто или подтверждено студентами в процессе обсуждения. В начале семинара студенты делятся на две (желательно равносильные) группы. Задача одной — отстоять выдвинутое положение, другой — его опровергнуть. Позиция по обозначенной теме, подготовка к выступлению и вопросы оппонентам обсуждаются в малых группах коллегиально, для презентации своей точки зрения группа выбирает 2–3-х представителей, которые в ходе дебатов сменяют и дополняют один другого. Итог дискуссии подводят выбранные судьи или, как вариант, вся группа, направляемая и корректируемая преподавателем.

Созданные для изучения экономических дисциплин кейс-технологии (или учебные кейсы) представляют собой политико-экономические проблемные ситуации для проведения студентами аналитической оценки. Из разнообразного

² URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70503294/>

спектра кейсов в процессе преподавания политологии особенно хорошо зарекомендовали себя аналитические задачи [5].

По форме представления кейсы могут быть печатными, с использованием наглядных материалов — графиков на основе реальных данных, блок-схем, демонстрирующих связи между элементами, сравнительных диаграмм, также могут использоваться видеокейсы. По объему печатной информации они могут быть от 0,25 до 50 страниц.

Трудозатратность написания политологических кейсов зависит от целей, формата и контента: какой-то кейс может «прожить» как газета — один день, и новые реалии политической практики потребуют внесения серьезных правок и актуализации; другие же, затрагивающие «вечные» темы, менее подвержены влиянию текущих событий.

В ходе учебного процесса кейс может применяться как в качестве индивидуального задания, так и для группы. Работа над ним может проводиться с использованием игровых методик, «мозгового штурма» или обсуждения.

Обычно в основу кейса положена реальная или смоделированная ситуация, базирующаяся на научных исследованиях, статистических данных, документальных материалах. Далее к нему прикладываются вопросы, наличие которых является удобным, но не обязательным условием, так как один из важных этапов решения кейса — поиск и выявление главной проблемы.

Кейс не всегда имеет однозначное решение, но предполагает разработку определенных мер выхода или частичного разрешения проанализированной проблемы; также могут быть рассмотрены и подвергнуты оценке реальные меры, предпринятые по фактам из политической практики.

Работа с кейсами, предполагая высокую индивидуальную активность каждого студента учебной группы, прежде всего нацелена на взаимодействие учащихся. Она подразумевает совместную выработку решений по достижению общей цели, обсуждение результатов, взаимное консультирование и оценивание. Решение кейсов может быть индивидуальным заданием, но интереснее и эффективнее проходит работа в малых группах (по 4–6 человек). Формирование групп рациональнее проводить с учетом личностных, деловых и интеллектуальных особенностей учащихся, а также взаимоотношений (симпатий

и антипатий) в студенческой среде. Способы формирования групп могут быть различными, в том числе и методом жеребьевки, но рационально сочетать рекомендации преподавателя и пожелания студентов. Успешность формирования группы оказывает влияние на результативность работы и мотивацию учащихся. Оценка результатов может осуществляться с учетом коллективной и индивидуальных составляющих, в том числе — непосредственными участниками. К примеру, каждая подгруппа при успешном решении кейса может получить некое число баллов, которые сами студенты распределяют внутри подгруппы на основании вклада каждого в процесс работы.

В настоящее время перед российским институтом образования стоит проблема разработки таких образовательных методик, которые позволят студентам лучше усваивать получаемые знания и стать успешными профессионалами в соответствии с запросами формирующейся информационной экономики [6]. Разработка и применение в образовательном процессе инновационных образовательных технологий диктует необходимость формирования новых методик преподавания и организации учебного процесса, некоторые из которых были предложены в данной работе.

В XXI в. наука и образование становятся системообразующим фактором развития государств, научные интегративные тенденции активно проникают в сферу образования, которая, в свою очередь, призвана формировать всесторонне развитую личность, ответственную за свои поступки и выбор перед следующими поколениями.

В связи с вышеизложенным можно заключить, что задача преподавателя политологии состоит не только в академическом изложении теоретического материала, но и в осмыслении и оценке политической практики прошлых лет нашей истории. В зависимости от ракурса осмысления опыта прошлого зависит не только результат научных дискурсов, но — что особенно важно — решаются практические политические задачи, меняется мировоззрение электората и политический вектор государственного строительства. Политическое сознание молодежи, несомненно, является одним из важнейших элементов образования, поскольку именно эта демографическая группа через некоторое время станет доминирующим электоратом государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулакова Н.Н. Проблемы и перспективы взаимодействия государства и гражданского общества на современном этапе. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2020;10(6):1561–1571.
2. Селиванов В.С. Основы общей педагогики: теория и методика воспитания. Учебное пособие. М.: Академия; 2000.
3. Никипорец-Такигава Г.Ю., Отыцкий Г.П., Родионова М.Е. Об актуальности исследования эффективности реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(6):36–40.
4. Кузнецов О.В., Родионова М.Е., Селезнев П.С. Сотрудничество бизнеса и власти для достижения устойчивого развития экономики. Монография. М.: ИНФРА-М; 2019. 308 с.
5. Сучилина А.А. Пути повышения эффективности преподавания политологии студентам непрофильных специальностей вуза. Актуальные проблемы развития современного российского образования. Сборник научных статей по итогам круглого стола департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 2017.
6. Шатилов А.Б., Селезнев П.С. Политико-экономический подход в вузовской подготовке профессионалов-политологов (на примере факультета социологии и политологии Финансового университета при правительстве РФ). *Власть*. 2016;24(6):46–50.

REFERENCES

1. Kulakova N.N. Problems and prospects of interaction between the state and civil society at the present stage. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy = Questions of national and federal relations*. 2020;10(6):1561–1571. (In Russ.).
2. Selivanov V.S. Fundamentals of general pedagogy: theory and education methods. Textbook. Moscow: Academy; 2000. (In Russ.).
3. Nikiporets-Takigawa G. Yu., Otyutskiy G. P., Rodionova M.E. On the relevance of the study of the effectiveness of implementing state youth policy in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(6):36–40. (In Russ.).
4. Kuznetsova O.V., Rodionova M.E., Seleznev P.S. Cooperation between business and government to achieve sustainable economic development: monograph. Moscow: INFRA-M; 2019. (In Russ.).
5. Suchilina A.A. Ways to improve the efficiency of teaching political science to students of non-core specialties of the university. In: Actual problems of the development of modern Russian education. Collection of scientific articles summarising the round table of the Department of Political Sciences of the Financial University. Financial University under the Government of the Russian Federation: 2017. (In Russ.).
6. Shatilov A. B., Seleznev P.S. Political and Economic Approach in the University Training of Professional Political Scientists (on the Example of the Faculty of Sociology and Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation). *Vlast = Power*. 2016;24(6):46–50. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нина Николаевна Кулакова — кандидат политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
NNKulakova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nina N. Kulakova — Cand. Sci. of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
NNKulakova@fa.ru

Статья поступила 11.11.2021; принята к публикации 30.12.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.11.2021; accepted for publication on 30.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-153-160
УДК 316.4.051(045)

Социальный механизм функционирования института аспирантуры в современной России

И.А. Владимиров

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8949-3942>

АННОТАЦИЯ

Целью работы является исследование института аспирантуры как комплексного социального явления. В работе рассматриваются все 5 элементов социального механизма функционирования института аспирантуры. Таким образом автор делает попытку комплексного анализа поведения акторов на основе социокультурного базиса и нормативно-правовой базы. В управленческом блоке приводится анализ основных функций Высшей аттестационной комиссии и определяется ее роль в функционировании института аспирантуры. В статусном блоке приводится трехуровневая модель включенности в институт аспирантуры различных групп обучающихся, научно-педагогических кадров и работников университета. На уровне восприятия аспирантуры определяется ее роль в формировании кадров для рынка труда. На уровне восприятия профессиональной деятельности акцент делается на престижность и экономическое благосостояние. На уровне же восприятия ученой степени в обществе рассматриваются социальные риски для обладателя ученой степени за счет сформировавшихся в обществе стереотипов. В поведенческом блоке приводится комплексный анализ деятельности всех групп акторов на трех основных этапах института аспирантуры для соискателей: образовательном, индивидуальном (план) и диссертационном. В пятом блоке (последствия) идет рассмотрение итогов реформы института аспирантуры 2013 г. **Ключевые слова:** аспирантура; социальный механизм; аспирант; научный руководитель; институт аспирантуры; научно-педагогические кадры; университет

Для цитирования: Владимиров И.А. Социальный механизм функционирования института аспирантуры в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):153-160. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-153-160

ORIGINAL PAPER

The Social Mechanism of the Functioning of the Institute of Postgraduate Studies in Contemporary Russia

I.A. Vladimirov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8949-3942>

ABSTRACT

The work aims to study the institute of postgraduate studies as a complex social phenomenon. Object: the institute of postgraduate studies as a social phenomenon; subject: the social mechanism of functioning of the institute of postgraduate studies as a composite phenomenon. The paper examines all five elements of the social mechanism of the institute of postgraduate studies; thereby, we are attempting a comprehensive analysis of the behaviour of actors based on the socio-cultural basis and the regulatory framework. The management block provides an analysis of the main functions of the Higher Attestation Commission and determines its role in the functioning of the Institute of Postgraduate Studies. The status block provides a 3-level model of the involvement of various groups of students, scientific and pedagogical personnel and university employees in the institute of postgraduate studies. At the level of perception of postgraduate studies, the author determined its role in the formation of personnel for the labour market. At the level of perception of professional activity, the emphasis is on prestige and economic well-being. And at the level of perception of an academic degree in society, it is necessary to consider the social risks for the holder of an academic degree due to the stereotypes formed in society. The behavioural block provides a comprehensive analysis of the activities of all groups of actors at the three main stages of the postgraduate institute for applicants: educational, individual (plan) and dissertation. In the fifth block (consequences), the author considered the results of postgraduate institute reform in 2013. Finally, the author made disappointing conclusions about the reduction in the number of protections, the loss of prestige of postgraduate studies and the strengthening of barriers to the protection of graduate students.

Keywords: postgraduate studies; social mechanism; postgraduate student; supervisor; institute of postgraduate studies; scientific and pedagogical staff; university

For citation: Vladimirov I.A. The social mechanism of the functioning of the institute of postgraduate studies in contemporary Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):153-160. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-153-160

На протяжении всей современной российской истории количество защищенных диссертаций на соискание степени кандидата наук было достаточно небольшим как в относительных, так и в реальных показателях. Проблема спада численности аспирантуры появилась в 2010 г., когда прием по всей стране составил 54 558 чел., и продолжает постоянно снижаться [1].

В 2013 г. отечественная система подготовки научно-педагогических кадров перешла на структурированную программу аспирантуры, в результате чего к исследовательской направленности был добавлен существенный образовательный компонент. В результате данной реформы были подняты вопросы о целевом назначении аспирантуры: «диссертационный» или «квалификационный» подход [2]. В результате изменений аспиранты стали получать диплом «Исследователь. Преподаватель-исследователь», который выдавался по результатам сдачи ГИА, а не защиты диссертации. Кроме того, данная система усложнила процесс обучения, так как вместо одного квалификационного этапа — защиты диссертации — аспирантам пришлось сдавать выпускной экзамен и дополнительно заниматься подготовкой научного доклада [3].

В среднем защищается лишь 12% от общего числа выпускившихся аспирантов¹. При этом общее число защит также падает. Так, в 2016 г. выпустились с защитой 3,7 тыс. аспирантов, тогда как в 2018 г. их число составило 2,2 тыс. чел.². С 2010 по 2017 г. прием в аспирантуру сократился в 2,1 раза [4].

При этом в рамках национального проекта «Наука и университеты» ставятся следующие задачи:

- Число аспирантов, успешно защитивших диссертационную работу и выбравших карьеру исследователя или преподавателя, к 2024 г. по сравнению с 2016 г. должно вырасти не менее чем в 1,25 раза.

- В 2,1 раза к 2024 г. по сравнению с 2016 г. должна увеличиться доля аспирантов, представивших к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук³.

Исходя из анализа целей, поставленных в рамках национальных проектов и реальных статистических данных, можно отметить уменьшение числа защит. Следовательно, увеличение числа защит аспирантов, а, точнее, проблема их не-защит является структурным явлением, которое можно решить только после комплексного анализа всей системы функционирования института аспирантуры.

В связи с этим становится необходимым построение *социального механизма функционирования института аспирантуры*.

Социальный механизм является ключевым понятием в исследованиях Т. И. Заславской, рассматривающей его в рамках структурно-деятельностной концепции трансформации российского общества [5]. Предложенная Т. И. Заславской концепция была доработана Г. Г. Силласте и представлена с целью концептуализации отдельных процессов в рамках различных социальных институтов. Данная модель подразумевает выделение пяти взаимосвязанных блоков: управленческий, статусный, социокультурный, поведенческий, последствия⁴.

В рамках концепции Г. Г. Силласте можно предложить следующее определение социального механизма функционирования института аспирантуры: это устойчивая система взаимодействия социальных групп в процессе обучения аспиранта, подготовки и защиты диссертации, регулируемая сложившейся в обществе системой управления подготовки научно-педагогических кадров и специалистов высшей категории.

Для полноценного анализа данного социального механизма целесообразно изучить каждый из 5 основных элементов системы.

Управленческий блок. В его рамках рассмотрим ключевые фигуры и ключевые обязанности основных государственных органов. Так, премьер-министр РФ утверждает постановление «О порядке присуждения ученых степеней»⁵, которое в общих чертах описывает правила и порядок защиты диссертаций на присуждение ученых степеней.

¹ Минобрнауки назвало недопустимо низким число защит диссертаций в аспирантурах. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5619574>

² Наука. Технологии. Инновации. URL: https://issek.hse.ru/data/2019/05/15/1507176995/NTI_N_128_15052019.pdf

³ Национальный проект «Наука». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/nauka-i-universitety>

⁴ Силласте Г. Г. Экономическая социология. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: ИНФРМА-М; 2013. 480 с.

⁵ Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»).

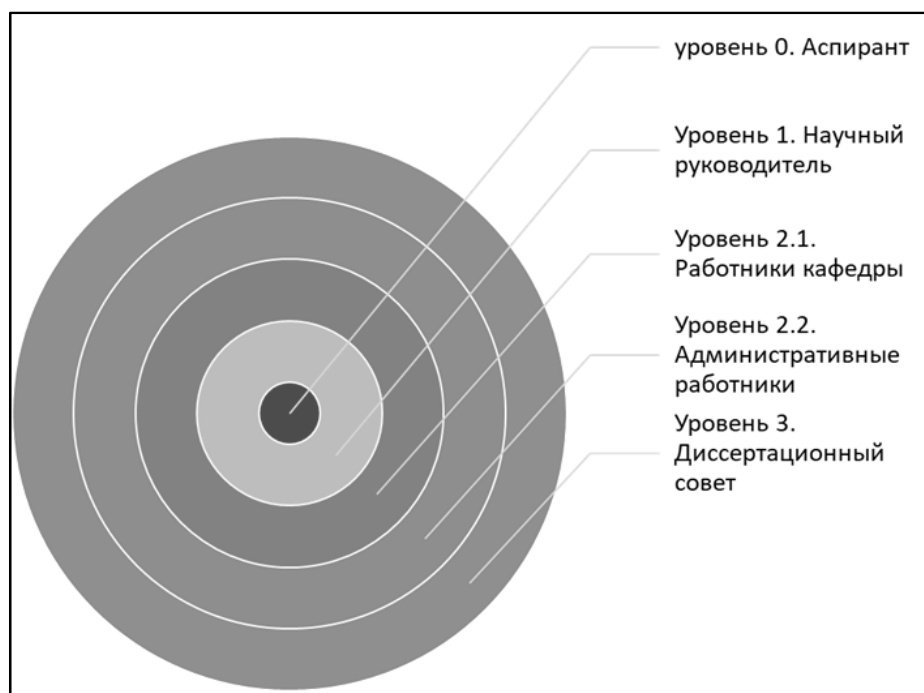

Рис. 1 / Fig. 1. Статусно-уровневая модель института аспирантуры / Status-level model of postgraduate studies institute

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Министерство науки и высшего образования РФ оказывает непосредственное влияние на подготовку, обучение и аттестации по программам аспирантуры, а также осуществляет выдачу соискателям дипломов о присуждении ученых степеней. Однако непосредственно вопросом защиты диссертаций заведует Высшая аттестационная комиссия (ВАК), и даже после права, данного ряду вузов, присуждать ученые степени самостоятельно, ВАК остается контролирующим органом для данных организаций.

К общим функциям Высшей аттестационной комиссии в рамках рассматриваемого вопроса можно отнести:

- Решение вопросов регулирования диссертационных советов.
- Формирование Перечня рецензируемых изданий ВАК.
- Ходатайство о присуждении ученых степеней.
- Решение вопросов по номенклатуре научных специальностей.
- Разработку рекомендаций для Минобрнауки РФ по вопросам регулирования системы присуждения ученых степеней⁶.

Таким образом ВАК создает правила игры для системы присуждения ученых степеней, а за счет курирования диссертационных советов и рекомендованных журналов влияет на участников института аспирантуры на различных уровнях и этапах обучения и защиты.

Статусный блок. На основе нормативно-правовых актов можно выделить ключевых акторов института аспирантуры: аспиранта, научного руководителя, сотрудников университета и диссертационный совет, который проявляется в конце обучения, когда аспирант желает получить ученую степень. Рассмотрим ключевые показатели каждого из акторов.

- Аспирант является ключевым участником всех процессов в рамках функционирования института аспирантуры.
- Научный руководитель наделен наставнической функцией по отношению к аспиранту.
- Организация отвечает за контролируемую функцию во время промежуточных и итоговых аттестаций.
- Диссертационный совет после защиты диссертации аспирантом присуждает ему ученую степень.

⁶ Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 237 (ред. от 20.03.2021) «Об утверждении Положения о Высшей

аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации».

Учитывая степень вовлечения каждого актора в систему, можно изобразить статусно-уровневую модель института аспирантуры (рис. 1).

По рисунку видно, что без аспиранта институт аспирантуры не может функционировать, поэтому он отнесен к базовому, **0 уровню**. На данном уровне проявляется самоконтроль, личные установки аспиранта, его заинтересованность в образовательном и научном процессах.

В рамках социокультурного блока существует нейтрально-негативная повестка касательно аспирантуры и ученой степени как социально-экономического и профессионально-образовательного явления.

На 1 уровне находится научный руководитель, так как в рамках действующей нормативно-правовой системы он обязан следить за исполнением аспирантом плана работы. Научный руководитель является уже внешним контролем, обладающим личностными свойствами, а следовательно, особое внимание на данном уровне уделяется непосредственному межличностному взаимодействию аспиранта и научного руководителя.

На 2 уровне происходит дробление организации (как актора процесса) на работников кафедры, где аспирант обучается, и административный персонал университета.

На уровне 2.1 работники кафедры являются, с одной стороны, преподавателями аспиранта в рамках подготовки научно-педагогических кадров, а с другой стороны, на них возлагается наставническая функция, так как в процессе обучения они помогают аспиранту в подготовке диссертации, высказывая свои замечания и пожелания по работе. Данные обязанности одновременно носят личностный и бюрократический характер.

На уровне 2.2 административные работники же больше нацелены на исполнение своих бюрократических обязанностей. Они должны обеспечить аспиранта условиями для обучения, написания диссертации и проведения аттестации согласно нормативно-правовой

базе, а также подготовить заключение для диссертационного совета, где будет защищаться аспирант.

На уровне 3 проявляется диссертационный совет. Несмотря на наличие личностного фактора в оценке результатов диссертационного исследования, диссертационный совет присуждает ученые степени согласно четкому протоколу. Каждый аспект защиты — диссертация, соискать (выпустившийся аспирант), научный руководитель, оппоненты диссертации, члены диссертационного совета — имеют четкие критерии, которые должны быть соблюдены, чтобы защита состоялась. Таким образом, данный уровень достаточно высоко бюрократизирован [6], что оказывает влияние как на него самого (члены диссертационного совета и процедуры), так и на других участников процесса (аспирант, научный руководитель, оппоненты и университет).

Социокультурный блок. В его рамках мы переходим от анализа нормативно-правовой базы и общих теоретических представлений о функционировании института аспирантуры к уровню социального взаимодействия и общим представлениям об институте аспирантуры, которые определяют поведение акторов в нем.

В рамках изучения общественных представлений, которые формируют отношение к институту аспирантуры, можно выделить несколько ключевых сфер восприятия данного института:

- Уровень восприятия аспирантуры как третьей ступени высшего образования, ее роли в подготовке специалистов для рынка труда и университетов.
- Уровень восприятия профессиональной деятельности как потенциальной возможности обретения экономического благосостояния или престижа.
- Уровень восприятия ученой степени как показателя социального статуса.

Восприятие аспирантуры можно рассмотреть с точки зрения мотивации аспирантов к поступлению и обучению в ней. На основе социологических исследований (рис. 2) можно заключить, что существует явное представление о том, что аспирантура необходима для научной и преподавательской деятельности, и только тем, кто работает вне вуза, аспирантура важна для карьеры.

В рамках следующего уровня восприятия стоит уделить внимание вопросу престижа про-

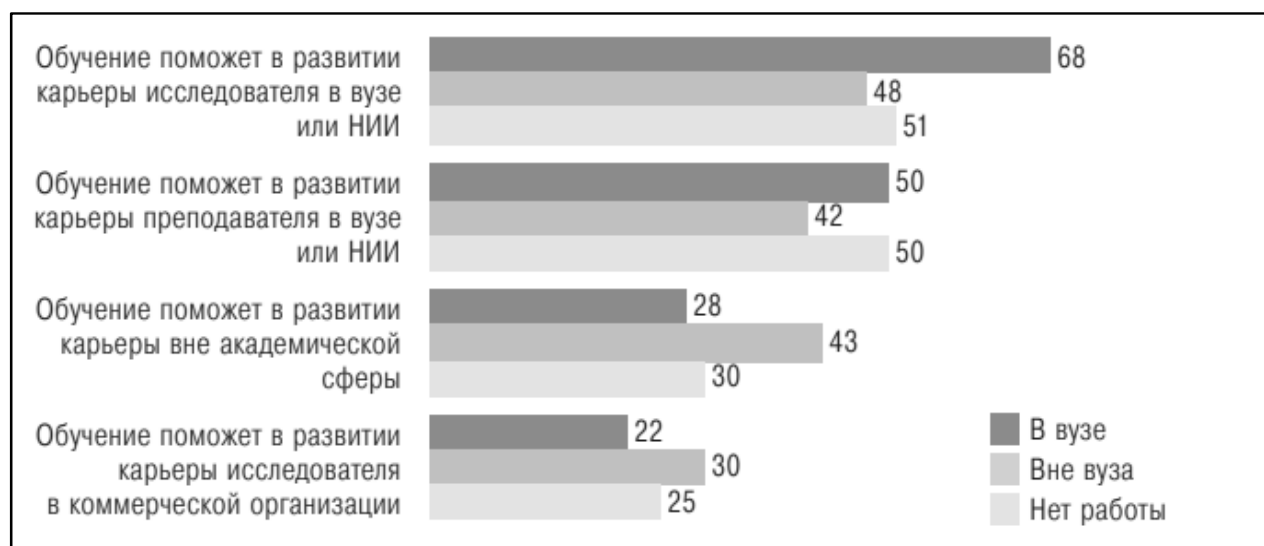

Рис. 2 / Fig. 2. Мотивы поступления в аспирантуру и тип трудоустройства аспирантов / Motives for admission to postgraduate education and type of employment of postgraduate students

Источник / Source: [7].

фессии исследователя, ученого. По результатам опроса ВЦИОМ, в 2018 г. профессию научного работника считали наиболее престижной 3% респондентов, что, конечно, незначительно, но выше по сравнению с предыдущими замерами (2012 г. — 2%; 2009 г. — 1%; 2006 г. — 1%)⁷.

На уровне же восприятия ученой степени в общественном сознании стоит уделить внимание деятельности «Диссернета», который является «вольным сетевым обществом экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов»⁸. Деятельность данной организации направлена на выявление фальсификаций и подмены в научных работах, в том числе и диссертациях. В результате деятельности «Диссернета» в СМИ появляется информация о нахождении плагиата в диссертациях политиков, государственных служащих, судей, прокуроров и адвокатов, ученых и экспертов.

Например, в мае 2020 г. эксперты «Диссернета» нашли плагиат и подлоги (ссылки на несуществующие законы и выдуманные дела) в работах 68 российских судей⁹. При этом в своей работе данная организация использует форму-

лировку о вероятностном характере экспертизы, однако большинство граждан воспринимают данные экспертизы как итоговые. Таким образом в обществе возникает недоверие к ученым степеням, а у аспирантов формируется боязнь, что в их работе будет найден плагиат.

В целом, можно отметить, что в рамках социокультурного блока существует нейтрально-негативная повестка касательно аспирантуры и ученой степени как социально-экономического и профессионально-образовательного явления.

Поведенческий блок. В рамках поведенческого блока мы уделили внимание выявлению ключевых действий и функций на каждом уровне института аспирантуры. При этом, учитывая особенности подготовки аспирантов, было выделено три блока, где проявляются различные действия и функции каждого актора (группы акторов):

- **Образовательный блок** (где рассматриваются вопросы обучения аспиранта, прохождения итоговой аттестации и получения диплома об образовании).
- **Блок индивидуального плана** (где рассматриваются аспекты подготовки диссертации к последующей защите во время обучения в аспирантуре).
- **Диссертационный блок** (где рассматриваются аспекты выхода на защиту диссертационной работы и присуждения ученой степени).

⁷ Престиж и доход: какие профессии выбирают россияне? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9387>

⁸ Вольное сетевое сообщество «Диссернет». URL: <https://www.dissernet.org/>

⁹ «Диссернет» нашел нарушения в диссертациях 68 российских судей. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/05/2020/5ec4bda89a79476fd93062a1>

Поведение акторов института аспирантуры / The behaviour of Actors of the postgraduate education

Блоки/ акторы	Первичная среда (Наставничество)		Вторичная среда (Организация)		Третичная среда (Диссовет)
	Аспирант	Научный руководитель	Сотрудники кафедры	Административ- ные работники	Члены диссертаци- онного совета
Образо- вательный блок	Осваивает учеб- ную программу. Сдает ГИА и за- щищает науч- ный доклад	Контролиру- ет освоение дисциплин. Помогает инте- грировать обра- зование в тему диссертации	Проводят за- нятия с целью обучения аспи- ранта	Контролируют посещение за- нятий. Устанав- ливают сроки защиты и сдачи экзаменов	Сверяют наличие и соответствие кан- дидатских экзаме- нов и присуждаемой степени
Блок инди- видуально- го плана	Готовит диссер- тацию. Высту- пает на конфе- ренциях. Пишет научные статьи	Руководит на- писанием дис- сертации. Ищет журналы, кон- ференции, про- веряет статьи	Выступают первичными оппонентами, обсуждают дис- сертацию	Контролируют исполнение ин- дивидуального плана	Сверяют соответ- ствие требований достижениям (статьи, конференции) сои- скаателя
Диссертаци- онный блок	Выдвигает дис- сертацию на за- щиту. Защищает диссертацию	Ищет оппонен- тов. Подбирает диссертацион- ный совет	Одобрят дис- сертацию на заседании ка- федры	Дают заключе- ние на диссер- тацию	Принимают решение о присуждении уче- ной степени

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

В данном случае наша модель схожа с концепцией Т. Е. Зерчанинова и И. С. Тарбеева, которые предложили рассмотреть функции научного руководителя на 3-х уровнях: образовательном, педагогическом и научно-исследовательском [8], тем самым сосредоточив внимание только на функциях научного руководителя и изучая уровни через данную призму. Мы же подошли к содержанию блоков с точки зрения функционирования всей системы, рассматривая научного руководителя лишь как одного из пяти акторов.

В рамках построения модели поведенческого блока института аспирантуры было уделено внимание и группировке элементов статусно-уровневой модели на три среды. Каждая из них отличается особым типом взаимоотношений с аспирантом и сроком данных отношений, что представлено в *таблице*.

Приведенная таблица позволяет выявить ключевые аспекты поведения каждой группы акторов в процессе функционирования института аспирантуры. Можно отметить, что

поведение всех участников процесса не противоречит конечной цели по защите аспиранта и присуждению ему ученой степени. Следовательно, существует не институциональная, а иная причина низкого числа защит после обучения в аспирантуре.

Блок последствий. Реформа аспирантуры 2013 г. ставила своей целью создание единой системы подготовки кадров в области образования. Результаты функционирования третьего уровня высшего образования достаточно сильно отличаются от задач по развитию данного направления, поставленных изначально, а зачастую дают обратный эффект. Федеральный государственный образовательный стандарт требует от аспирантов усвоения компетенций, которые они уже приобрели в магистратуре, но компетенции могут улучшаться только за счет непосредственно научной работы [9].

В результате проведенных реформ для аспиранта усложнился процесс защиты научного доклада, а затем и кандидатской диссертации. Фактически людям приходилось делать

две разные работы, которые должны отвечать своим определенным критериям. В результате существенных отличий университеты и научные организации стали руководствоваться при защите научного доклада практиками предварительного рассмотрения диссертаций [10].

Удачным можно считать только усложнение процесса «покупки» диссертаций и их липовых защит, однако другие ожидания не оправдались. Так, стремление увеличить численность аспирантов за счет образовательной составляющей привела к оттоку претендентов, при этом аспирантура не рассматривается как инструмент подготовки кадров высшей категории для рынка труда. Структурирование аспирантуры и последующее усиление контроля увеличило отсеб аспирантов и уменьшило долю защищающихся, а качество работ изменилось не сильно.

Сегодня можно сказать, что социальный механизм функционирования института аспирантуры претерпевает ряд изменений, которые являются не новой реформой, а доработкой неудавшейся реформы 2013 г. Параллельно с об-

новлением подготовки научно-педагогических кадров идет глобальный пересмотр номенклатуры научных специальностей¹⁰. А большинство изменений в системе функционирования диссертационных советов вносят определенные трудности (особенно на первоначальных этапах) при подготовке научно-педагогических кадров, что ведет к постоянному снижению числа защит и приостановке деятельности ряда советов [11]. В результате численность защит кандидатских диссертаций уменьшается из-за неправильных установок аспирантов и научных руководителей во время образовательного процесса, а также из-за институциональных барьеров и постоянных изменений в нормативно-правовой базе.

¹⁰ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сенченко Е. В. Анализ основных показателей системы подготовки кадров высшей квалификации (аспирантуры) в России. *Проблемы и перспективы развития образования в России*. 2015;(32):189–197.
2. Бедный Б. И. Новая модель аспирантуры: pro et contra. *Высшее образование в России*. 2017;(4):5–16.
3. Бедный Б. И. Государственный экзамен как способ оценки преподавательских компетенций выпускников аспирантуры. *Высшее образование в России*. 2019;(5):52–62.
4. Марголин А. М. Пути повышения эффективности подготовки аспирантов. *Высшее образование в России*. 2018;(12):9–19.
5. Шабанова М. А. О вкладе Т. И. Заславской в познание посткоммунистических трансформаций: социальные механизмы и проблема актора. *Социология: Теория, методы, маркетинг*. 2014;(1):30–47.
6. Губа К., Соколов М., Соколова Н. Реформа диссертационной индустрии в России. ННС-О (1). СПб.: ЦИАНО ЕУСПб; 2019. 24 с.
7. Беков С. К. Кому в аспирантуре жить хорошо: связь трудовой занятости аспирантов с процессом и результатами обучения. *Вопросы образования*. 2019;(1):87–108.
8. Зерчанинова Т. Е. Роль научного руководителя в научно-образовательной деятельности аспиранта. *Научный результат. Социология и управление*. 2020;(2):145–158.
9. Шестак В. П. Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле. *Высшее образование в России*. 2015;(12):22–34.
10. Бедный Б. И. К вопросу о цели аспирантской подготовки (диссертация vs квалификация). *Высшее образование в России*. 2016;(3):44–52.
11. Губа К. С. Динамика диссертационной индустрии в России: 2005–2015 гг. Изменил ли новый институциональный трафарет академическое поведение? *Экономическая социология*. 2020;(3):13–46.

REFERENCES

1. Senchenko E. V. Analysis of the main indicators of the system of training highly qualified personnel (postgraduate studies) in Russia. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii = Problems and prospects for the development of education in Russia*. 2015;(32):189–197. (In Russ.).

2. Biednyi B. I. A new model of graduate school: pro et contra. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2017;(4):5–16. (In Russ.).
3. Biednyi B. I. State exams as a way to assess the teaching competencies of graduate students. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2019;(5):52–62. (In Russ.).
4. Margolin A. M. Ways to improve the efficiency of postgraduate students training. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2018;(12):9–19. (In Russ.).
5. Shabanova M. A. The contribution of T. I. Zaslavskaya into the cognition of post-communist transformations: social mechanisms and the actor's problem. *Sotsiologiya: Teoriya, metody, marketing = Sociology: Theory, Methods, Marketing*. 2014;(1):30–47. (In Russ.).
6. Guba K., Sokolov M., Sokolova N. Reform of the dissertation industry in Russia. NNS-O (1). St. Petersburg: CIANO EUSPb; 2019. 24 p. (In Russ.).
7. Bekov S. K. Who lives well in postgraduate studies: the relationship of postgraduate students' employment with the process and learning outcomes. *Voprosy obrazovaniya = Educational issues*. 2019;(1):87–108. (In Russ.).
8. Zerchaninova T. E. The supervisor's role in the scientific and educational activities of the graduate student. Scientific result. *Sotsiologiya i upravleniye = Sociology and Management*. 2020;(2):145–158. (In Russ.).
9. Shestak V. P. Postgraduate studies as the third level of higher education: a discursive field. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2015;(12):22–34. (In Russ.).
10. Biednyi B. I. On the question of the purpose of postgraduate training (dissertation vs qualification). *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2016;(3):44–52. (In Russ.).
11. Guba K. S. Dynamics of the dissertation industry in Russia: 2005–2015 Has the new institutional template changed academic behaviour? *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology*. 2020;(3):13–46. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван Андреевич Владимиров — студент 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
vladim.ivan@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Vladimirov — 2nd-year Master's course student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
vladim.ivan@mail.ru

Статья поступила 20.11.2021; принята к публикации 15.12.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.11.2021; accepted for publication on 15.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-161-166
УДК 070(045)

Комьюнити-блогерство: архетипы и бренды

Р.А. Багдасарова^а, В.А. Силенко^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-1671-4449>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2897-4056>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования комьюнити-блогерства как нового коммуникативного цифрового явления с прикладным применением архетипической теории. По результатам анализа личных блогов и коммерческих брендов, определения наиболее подходящих им архетипов авторами были выявлены стратегии коммуникации сообщества инфлюенсеров с потенциальными потребителями, а также отмечены перспективные направления исследования в контексте совершенствования информационно-коммуникативного взаимодействия блогерского комьюнити, брендов и пользователей в цифровом сегменте.

Ключевые слова: архетип; бренд; блог; блогер; образ; комьюнити-блогерство; интернет-сообщество

Для цитирования: Багдасарова Р.А., Силенко В.А. Комьюнити-блогерство: архетипы и бренды. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):161-166. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-161-166

ORIGINAL PAPER

Community-Blogging: Archetypes and Brands

R.A. Bagdasarova^а, V.A. Silenko^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-1671-4449>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2897-4056>

ABSTRACT

The article presents the results of a study of community-blogging as a new communicative digital phenomenon with the application of archetypal theory. Based on the results of the analysis of personal blogs and commercial brands, determining the most suitable archetypes for them, the authors identified strategies for communication of the influencer community with potential consumers and also noted perspective areas of research in the context of improving the information and communication interaction of the bloggers' community, brands and users in the digital segment.

Keywords: archetype; brand; blog; blogger; image; community-blogging; online-community

For citation: Bagdasarova R.A., Silenko V.A. Community-blogging: Archetypes and brands. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):161-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-161-166

Интернет и социальные сети в XXI в. выступают основной средой, интегрирующей социум. Они стали не только средством общения людей, но и полноценной площадкой для обмена идеями и мыслями, раскрытия себя, творчества, получения уникальной информации, недоступной для обсуждения с помощью каналов традиционных медиа [1]. Так появились и современные блоги, и блогерское комьюнити. Для современной лингвистики и социальных наук блог как особое языковое и цифровое явление имеет большое значение, поскольку фактически выражает собой совершенно новую форму коммуникации (слитые воедино текстовые сообщения, фото- и видеоконтент, гиперссылки и мультимедийные

эффекты, используемые в виртуальной среде для привлечения аудитории).

Блог сам по себе является своего рода личным дневником пользователя для выражения своих мыслей и обмена опытом, онлайн-платформой для публикации авторских материалов, однако со специфическими характеристиками — публикацией сообщений и налаженной системой обратной связи с другими людьми (комментирование, репосты, лайки, отзывы) [2]. Интернет-блогеры, в свою очередь, стали особой группой: лидерами общественного мнения, инфлюенсерами. В условиях развития интернет-рынка они быстро профессионализировались, обрели черты личного бренда, успешно конкурируя с традиционными средствами массовой

информации. Вместе с тем это комьюнити не имеет каких-либо формальных ограничений, довольно мобильно, готово к постоянному сотрудничеству и коллаборациям между собой и поэтому формирует новые подходы к восприятию общественной жизни.

Особую роль комьюнити-блогерства подтверждает и современная социология. Так, по данным аналитического доклада ВЦИОМ «От блогеров к инфлюенсерам», число россиян, следящих за чьими-либо блогами в интернете, выросло с 34 до 46% в период с 2017 по 2020 г. При этом молодежь (18–24 лет) является основной аудиторией современных блогов (63%), вовлекая в это общее интернет-сообщество и представителей более старшего поколения¹. Основные достоинства комьюнити-блогерства в сравнении с остальными медиаканалами — скорость реагирования на актуальные новости, персонализированность контента, эмоциональность и диалогичность, что позволяет привлечь большее внимание аудитории и вызвать особое доверие.

Для того чтобы привлечь и укрепить свою аудиторию, необходимо понимать, что именно может заинтересовать потенциального потребителя того или иного мультимедийного контента. Именно поэтому так важно обратиться к архетипической теории, в рамках которой швейцарским психиатром К. Юнгом, заложившим основы аналитической психологии, были изучены особенности человеческой психики и восприятия, а также выведено понятие первообраза — архетипа.

Архетипы представляют собой врожденные символы и образы, содержащиеся в коллективном бессознательном; универсальные конструкты психики, коллективные установки, идеи и воспоминания в форме предрасположенности к определенному типу восприятия и действия [3]. То есть выражают собой определенные представления, понятные даже детям, не ориентированные на собственный опыт, закрепленные в коллективной памяти человечества, которые способствуют бессознательному восприятию. Каждый выделенный исследователем архетип имеет свои поведенческие характеристики, уровни ценностей, смыслы, миссию, атрибуты, триггеры и качества. Именно это позволяет архетипической теории быть весьма применимой к настройке грамотного позиционирования личного бренда, компании или уникального продукта.

PR, маркетинг и реклама адаптировали архетипическую теорию под нужды современного рынка, используя теорию архетипов К.-Г. Юнга, теорию потребностей А. Маслоу, мотивационные теории Д. Макклелланда и Х. Хекхаузена и выведенные на их основе «двенадцать архетипов» исследователя К. Пирсон. В работе К. Пирсон «Пробуждение внутреннего героя» (1991 г.) содержатся краткие характеристики каждого из выведенных двенадцати образов (рис. 1). Процесс строительства психики с использованием архетипического знания рассматривается как пробуждение личности, путешествие сознания [4]. В работе «Герой и бунтарь» (2001 г.) в соавторстве с маркетологом М. Марк авторы использовали черты каждого из архетипов и вывели стратегии продвижения различных брендов, отмечая важность использования архетипической теории в брендинге как обращения к «опыту опытов» потенциальных потребителей, интегрирующему сложившиеся коллективные образы и личный опыт человека [5]. Брендинг стал управлять значением, ключевыми символами для привлечения покупателей и декларирования их принадлежности к определенной группе. В конструировании имиджа блогерского комьюнити архетипы позволяют сформировать у читателя специальные ассоциации, связанные с героем блога, и лояльность пользователей к автору интернет-дневника.

Символическое значение делает бренды и образы «живыми», позволяет сконструировать движущие силы бренда, его ценности, формы коммуникации и общий месседж для аудитории. С помощью определения архетипа бренда можно разработать более эффективную стратегию интегрированных коммуникаций, подобрать доступные для аудитории средства мультимедийного общения — визуальные, аудиальные, вербальные — для укрепления чувства симпатии к бренду. Архетипические сюжеты для брендов — устойчивые психические образы, позволяющие построить в сознании человека универсальную и понятную историю развития компании.

Все двенадцать архетипических образов-историй можно разделить условно на 4 группы:

1. Исследующие мир: Ребенок, Искатель, Мудрец (Мыслитель).
2. Трансформирующие мир: Герой, Бунтарь, Маг.
3. Интегрирующие мир: Славный малый, Любownik, Шут.
4. Формирующие мир: Родитель (Заботливый), Творец, Правитель.

¹ Аналитический обзор ВЦИОМ «ОТ БЛОГЕРОВ К ИНФЛЮЕНСЕРАМ: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды». URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-bloggerov-k-inflyuenseram-borba-zavnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy>

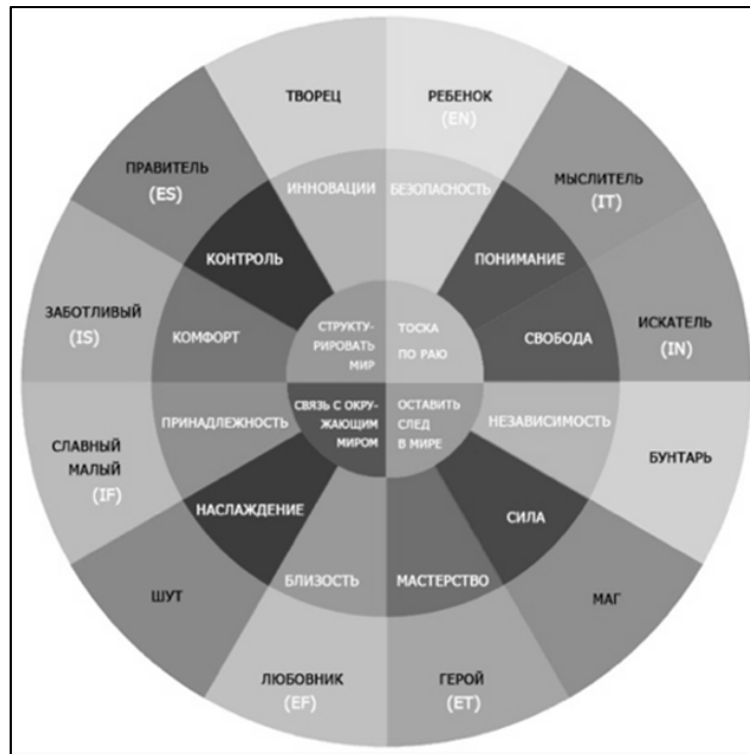

Рис. 1 / Fig. 1. Двенадцать архетипов К. Пирсон / Twelve Archetypes by C. Pearson

Источник / Source: данные интернет-ресурсов / internet resource data.

Примеры использования архетипов в брендинге представлены на рис. 2. Многие крупные коммерческие фирмы и бренды построили эффективную коммуникационную платформу со своими клиентами. Так, например, компания Nike сфокусировалась на образе Героя с целевой установкой улучшения мира через самые сложные выборы и активные действия. Стратегия брендинга компании построена на идее стать лучшей версией себя — сильным, храбрым, обладающим огромной волей. Рекламная кампания Nike «You Can't Stop Us» («Нас не остановить») с более чем 50 спортсменами построена на объединяющей силе спорта, вдохновляющей человека сделать шаг вперед для открытия в себе Героя. Известный рекламный слоган «Just Do it» («Просто сделай это») построен на архетипическом героическом образе «достигателя» в сознании потребителя. Благодаря эффективному использованию символических образов Nike удалось сформировать своего рода клуб, комьюнити людей, поощряющих стремление к своей цели и постоянно улучшению себя через преодоление сложностей. Многие бренды выстраивают свой образ на основе лидерского архетипа — Правителя, отмечая свое первенство в той или иной области. На это нацелена, например, компания Audi, отмечающая высокостатусность своих автомобилей, а также безопасность и абсолютный контроль как основные черты Правителя (охранительные или регулятивные функции).

Все рекламные кампании Audi построены на безупречном виде и технологических преимуществах автомобилей. В то же время образ Шута чаще всего используется при продвижении недорогостоящей продукции. Так, бренд жевательных конфет Skittles ориентирован на отдых, удовольствие, наслаждение, веселье («Заразись радугой», «Попробуй радугу»). Таким образом, базовые архетипические символы позволяют сформировать отчетливый образ компаний в глазах потребителей и представить разное ценностное содержание современных брендов.

Профессионализация блогеров привела к коммерциализации их деятельности подобно крупным компаниям и брендам. Публикации и цифровая активность блогерского сообщества фактически превратились в рыночный продукт. Лидерами среди всех социальных сетей в качестве площадок для продвижения персонального бренда и рекламных продуктов на российском рынке являются YouTube и Instagram². В общекультурном контексте блогосферы в Российской Федерации стала важнейшим явлением, поскольку целевая аудитория блогерского комьюнити становится намного шире, чем

² Аналитический обзор ВЦИОМ «ОТ БЛОГЕРОВ К ИНФЛЮЕНСЕРАМ: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды». URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-bloggerov-k-influenseram-borba-zavnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy>

Рис. 2 / Fig. 2. Применение архетипов на примере крупных брендов / The use of archetypes on the example of big brand names

Источник / Source: данные интернет-ресурсов / internet resource data.

ТВ, радио и других СМИ. Мнения блогеров стали инструментом влияния на общественное мнение и поведение [6]. В связи с этим можно говорить о важности применения архетипического знания к построению личного бренда и имиджа блогера.

В представленной на рис. 3 архетипической сетке изображены блогеры, формирующие общую среду комьюнити-блогерства и регулярно ссылающиеся друг на друга, формируя непрерывные информационные потоки для своей аудитории. В данном контексте необходимо рассмотреть то, как выбранный сознательно или бессознательно тем или иным блогером архетип влияет на его взаимодействие со своими подписчиками и их реакции.

Блогер Антон Власов (ок. 800 тыс. подписчиков), представленный на рисунке в качестве архетипа Мудреца, в своих видео на YouTube основывается на обзорах, анализе и обсуждении познавательного и развлекательного контента. Его подписчики выделяют его серьезное восприятие мира, то, что он ищет причинно-следственные связи даже в самых непонятных, смешных и абсурдных ситуациях, отмечая, что абсолютно всегда видеоролики Антона интересны и веселы. Представители блогерского комьюнити с характерным образом Мудреца нацелены на достижение истины, часто высказывают свою точку зрения, фокусируются на информации, при-

зывают относиться ко всему с определенной долей критицизма, думать и иметь собственное мнение. Власов также входит в неформальное сообщество блогеров из Санкт-Петербурга «Питерская тусовка», где наравне с блогерами Кузьмой (Родитель), Юликом (Шут), Лиззкой (Славный малый) и др. с помощью различных коллабораций обыгрывают свои образы, «закрывают» запросы большого количества людей, которым интересен тот или иной персонаж.

Для Мудреца в лице Антона Власова свойственны следующие характеристики:

- Цель: познание, рассуждение, развитие.
- Сила: анализ, объективность.
- Слабость: медлительность.
- Ценности: знания, обучение.
- Табу: наивность, субъективность.

Архетип Мага очевиден в блогерской деятельности BadComedian (Евгений Баженов; скрытое число подписчиков; видео от 2 до 30 млн просмотров), который строит свои видео на YouTube на анализе и критике отечественного и зарубежного кинематографа. Пользователи указывают на резонансность его роликов, отмечая, что качество его работ лучше многих созданных студиями фильмов. Блогер-Маг показывает: чтобы изменить мир, нужно начать с себя (например, отказаться от просмотра некачественных фильмов). Ловушкой данного образа может

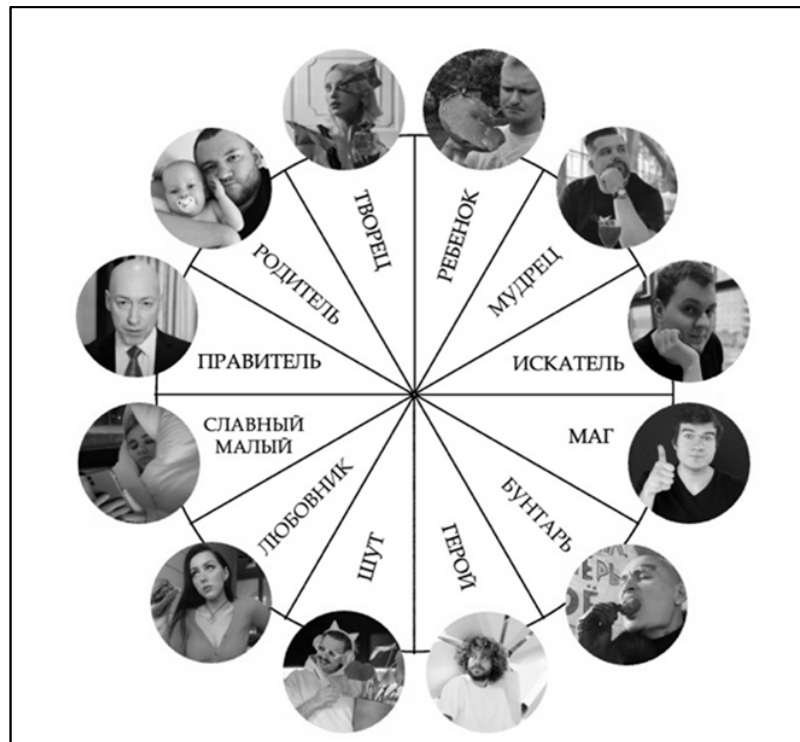

Рис. 3 / Fig. 3. Применение архетипов на примере комьюнити-блоггерства / The use of archetypes on the example of community-blogging

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

стать активное и бессознательное манипуляторство при использовании своего колоссального влияния и «волшебной» харизмы.

У данного блогера прослеживаются следующие характерные черты архетипа Маг:

- Цель: донесение своей точки зрения.
- Сила: анализ, харизма, особое видение.
- Слабость: эмоциональность.
- Ценности: эволюция сознания.
- Табу: поверхностность.

Другой блогер — Елена Шейдлина — для взаимодействия со своей аудиторией в большей степени использует Instagram (4,5 млн подписчиков), однако ведет свою деятельность и на YouTube-канале (2,16 млн подписчиков). Она представляет классический архетип Творца, который можно разглядеть в художнике и мультипликаторе, абсолютном новаторе. В своих видео Елена Шейдлина показывает, как преобразовать скучные и старые предметы в новые, необычные продукты. Блогер создает творческие пространства, организует собственные выставки, ее подписчики ценят то, что Елена способна вдохновить пользователей на создание чего-то нового, нестандартные и уникальные решения («Человек на 70% состоит из воды, в то время как Лена на 50% состоит из эстетики и на 50% — из творческих идей»; «У нее в голове целый новый мир»). Стоит

отметить, что архетип Творца является наиболее универсальным при продвижении любого продукта, компании или личности, если уместно связать это с пространством искусства и творчества.

Характеристиками Творца в контексте деятельности Елены Шейдловой являются следующие:

- Цель: созидание, инновация.
- Сила: творческий подход, креативность.
- Слабость: критическое стремление к совершенству.
- Ценности: целостность.
- Табу: посредственность.

Таким образом, в результате исследования мы видим, что теория архетипов позволяет выявить, на что направлен тот или иной бренд, каков его путь и дальнейшее развитие. В случае с комьюнити-блоггерством выбор архетипов позволяет наиболее качественно наполнить свою страницу и выявить нужные психологические характеристики для создания привлекательного контента и атмосферы в блоге. Архетипическое знание позволит увеличить аудиторию, повысить ее лояльность, поскольку все универсальные образы восходят в своей основе к общечеловеческим образам — архетипам. Перспективными направлениями исследования могут выступить оценка соответствия публикуемого контента выбранным архетипическим образом,

выявление характерных черт в деятельности других представителей блогерского комьюнити, составляющих общую интернет-среду, с целью создания

программы рекомендаций по совершенствованию цифровой активности блогеров в социальных сетях и их взаимодействия со своими подписчиками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Лукушин В.А. Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):20–28. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–1–20–28
2. Евсюкова Т.В., Гермашева Т.М. Основные подходы к определению понятий «блог» и «блогосфера» в лингвистике. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015;11(2):234–239.
3. Юнг К.-Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ; 2019. 496 с.
4. Pearson C. *Awakening the heroes within: Twelve archetypes to help us find ourselves and transform our world*. 1st ed. N.Y.: HarperOne; 1991. 352 p.
5. Mark M., Pearson C. *The Hero and the Outlaw: building extraordinary brands through the power of archetypes*. N.Y.: McGraw-Hill Education; 2001. 384 p.
6. Каминская Т.Л. Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):96–101. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–96–101

REFERENCES

1. Osipova O.S., Bagdasarova R.A., Lukushin V.A. Modern media as a tool for improving the dialogue between government and society. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):20–28. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–1–20–28
2. Evsyukova T.V., Germasheva T.M. The main approaches to the definition of “blog” and “blogosphere” in linguistics. *Gumanitarnyye, sotsial’no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2015;11(2):234–239. (In Russ.).
3. Jung C.-G. *The archetypes and the collective unconscious*. Moscow: AST Publishing House; 2019. 496 p. (In Russ.).
4. Pearson C. *Awakening the heroes within: twelve archetypes to help us find ourselves and transform our world*. 1st ed. N.Y.: HarperOne; 1991. 352 p.
5. Mark M., Pearson C. *The Hero and the Outlaw: building extraordinary brands through the power of archetypes*. N.Y.: McGraw-Hill Education; 2001. 384 p.
6. Kaminskaya T.L. Responsibility for media content and the problem of censoring the communication space of Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):96–101. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–96–101

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рузана Ашотовна Багдасарова — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
bagdasarova.ruzana@mail.ru

Валерия Алексеевна Силенко — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
lerika190316@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Ruzana A. Bagdasarova — Student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
bagdasarova.ruzana@mail.ru

Valeria A. Silenko — Student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
lerika190316@gmail.com

Статья поступила 27.11.2021; принята к публикации 15.12.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.11.2021; accepted for publication on 15.12.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.